

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

LOMONOSOV
PHILOLOGY
JOURNAL

Lomonosov Philology Journal

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER ONE

JANUARY- FEBRUARY

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2026

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 1

ЯНВАРЬ- ФЕВРАЛЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **МУХАЧЁВА Ирина Валерьевна**, к.ф.н., преподаватель кафедры русского языка МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Александр Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); **БАКЕС Жан-Луи (Jean-Louis Backès)**, д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Ун-т Париж IV); **ВРАНЕШ Бранко (Branko Vraneš)**, д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **ДАЙ Гуйцзюй (Dai Guiju)**, PhD, профессор (КНР, Пекинский ун-т иностранных языков); **ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич**, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); **ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti)**, д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); **КОЛЛАРОВА Эва (Eva Kollárová)**, PhD, профессор (Словакия, «Русский язык в центре Европы»); **ЛЕВЕРС Даниэль (Daniel Leuwers)**, д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, ун-т г. Тур); **МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Biljana Mirchevska Bosheva)**, д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия); **МИРКУРБАНОВ Насирулла Мирсултанович (Nasirulla Mirkurbanov)**, к.ф.н., профессор (Узбекистан, Национальный университет Узбекистана им.М. Улугбек); **ПЕНЧЕВА Антония Иванова**, д.ф.н., доцент (Болгария, УНСС); **ПЕТРУХИНА Наталья Михайловна**, д.ф.н., профессор (Узбекистан, Узбекский государственный ун-т мировых языков); **ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович**, д.ф.н., профессор, чл.-корр. РАН (Россия, ИМЛИ РАН); **РОВДО Иван Семенович (Ivan Rovdo)**, д.ф.н., профессор (Белоруссия, БГУ); **РЫЧКОВА Людмила Васильевна**, к.ф.н., профессор (Гродненский ГУ, Белоруссия); **СОКОЛОГОРСКАЯ Ирен (Irène Sokologorsky)**, д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Париж VIII); **СУВАЙДЖИЧ Бошко (Boško Suvajdzic)**, д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **СУЛЕЙМЕНОВА Элеонара Дюсеновна**, д.ф.н., профессор (Казахстан, президент Казахстанской ассоциации рус. яз. и лит.); **ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич**, д.ф.н., профессор (Донецкий национальный университет); **УХЛИК Младен (Mladen Uhlík)**, PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны); **ЦРВЕНКОВСКА Эмилия (Emilija Crvenkovska)**, д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия)

Редактор *Т.А. Пирусская*

© Издательство Московского университета, 2026
© «Вестник Московского университета», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЯЗЫКАМ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ (К Году единства народов России)

От редакции	9
<i>Татевосов С.Г., Казьмина О.Е., Архипова М.Н., Панич М.Б., Россяйкин П.О., Садковский Ф.А., Устьянцев Г.Ю., Федорова О.В.</i> Языковое сообщество тиндинцев: новые наблюдения	12
<i>Халилова З.М.</i> Конструкции со значением опасения в бежтинском языке	31
<i>Толдова С.Ю.</i> Редуцированные средства референции в позиции прямого дополнения и объектное согласование в лесном ненецком	43
<i>Мордашова Д.Д.</i> Эпистемические маркеры в горномарийском языке: семантика и дистрибуция	55

СТАТЬИ

<i>Ван Чжэ, Галактионова И.В.</i> Помета «увеличительное» в «Толковом словаре русского языка» Н.Ю. Шведовой: проблема интерпретации.	69
<i>Уржа А.В., Филатова Г.А.</i> «Приближающий» дейксис в оригинальном и переводном нарративе: исследование на материале англо-русского параллельного корпуса НКРЯ	84
<i>Ананьева Н.Е., Шешкен А.Г.</i> Македонистика на кафедре славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова	101
<i>Любжин А.И.</i> К вопросу об эстетических взглядах М.М. Хераскова	110
<i>Пастернак Е.А.</i> О некоторых особенностях рифмы Алексея Ржевского	121
<i>Чжан Юйтин, Макеев М.С.</i> Еще раз о карете с гвоздями у Некрасова (от «На улице» к «О погоде»)	132
<i>Семенова А.В.</i> Образ Рогнеды в интерпретации драматургов XVIII века	142
<i>Гусева З.В.</i> Роман Г.Н. Потанина «Старое старится, молодое растет» как Bildungsroman	151
<i>Пахомова А.С.</i> Обэриуты в кругу Михаила Кузмина (сетевой анализ)	162

<i>Син Вэй. Реконструкция пушкинского мифа в пьесе Елены Исаевой «Лицей»</i>	178
<i>Айуниц А.С. «Грааль фикция» Жака Рубо как современная вариация артуровского романа</i>	189

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Ремнёва М.Л., Каверина В.В., Кузьминова Е.А. «Российская грамматика» М.В. Ломоносова и ее роль в становлении национальной грамматической традиции: итоги Международной научной конференции</i>	199
<i>Бибикова А.М., Школьникова О.Ю. VIII международная научная конференция итальянистов «Алисовские чтения (язык, литература, культура Италии)» на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 20 февраля 2025 г.</i>	205

РЕЦЕНЗИИ

<i>Хлебус М.А. Рецензия на кн. Урманова А.В., Лю Ин. «Ах, когда же Русь проснется?..»: судьба и творчество Фёдора Чудакова: монография / под общей ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2024. 480 с.</i>	211
<i>Ранчин А.М. Иосиф Бродский в Советском Союзе: стратегии поведения. Рецензия на кн.: Морев Г.А. Иосиф Бродский: годы в СССР. Литературная биография. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 416 с. (серия «Критика и эссеистика»)</i>	218

ЮБИЛЕИ

<i>Монисова И.В., Назарова А.В. Юбилей Марии Викторовны Михайловой</i>	227
--	-----

ПАМЯТИ...

<i>Илюшина Л.А. Памяти Р.С. Кимягаровой. (21.10.1937–26.12.2025)</i> . . .	231
--	-----

CONTENTS

NEW RESEARCH

ON THE LANGUAGES OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF RUSSIA (Dedicated to the Year of Unity of the Peoples of Russia)

Editors' Preface	9
<i>Tatevosov S.G., Kazmina O.E., Arkhipova M.N., Panich M.B., Rossyaykin P.O., Sadkovskij F.A., Ustyantsev G.Yu., Fedorova O.V.</i> The Language Community of Tindi: New Evidence	12
<i>Khalilova Z.M.</i> Bezhta Apprehensive Constructions	31
<i>Toldova S.Yu.</i> The Reduced Referential Devices in the Direct Object Position and the Object Agreement	43
<i>Mordashova D.D.</i> Epistemic Markers in Hill Mari: Semantics and Distribution	55

ARTICLES

<i>Wang Zhe, Galaktionova I.V.</i> The Note <i>Uvelichitel'noe</i> 'Augmentative' in "Explanatory Dictionary of the Russian Language" by N.Yu. Shvedova: The Problem of Interpretation	69
<i>Urzha A.V., Filatova G.A.</i> Deictic "Proximals" in Original and Translated Narratives: The Research Based on English-Russian Parallel Corpus	84
<i>Ananyeva N.E., Sheshken A.G.</i> Macedonian Studies at the Department of Slavic Philology	101
<i>Lyubzhin A.I.</i> On the Aesthetic Views of M.M. Kheraskov	110
<i>Pasternak E.A.</i> About Some Features of Rhyme of Alexei Rzhevsky	121
<i>Zhang Yuting, Makeev M.S.</i> Once Again About the Carriage with Nails in Nekrasov (from "On the Street" to "On Weather")	132
<i>Semenova A.V.</i> The Image of Rognedo in the Interpretation of the 18 th -Century Playwrights	142
<i>Guseva Z.V. G.N.</i> Potanin's Novel <i>The Old Gets Old, the Young Grows up</i> as a Bildungsroman	151
<i>Pakhomova A.S.</i> Oberiuts in Mikhail Kuzmin's Circle (Network Analysis)	162
<i>Xing Wei.</i> Reconstruction of Pushkin's Myth in Elena Isaeva's Play <i>The Lyceum</i>	178

<i>Ayunts A.S.</i> “Graal Fiction” of Jacques Roubaud as a Contemporary Variation of Arthurian Romance	189
--	-----

ACADEMIC LIFE

<i>Remneva M.L., Kaverina V.V., Kuzminova E.A.</i> Mikhail Lomonosov’s “Russian Grammar” and Its Role in the Formation of the National Grammatical Tradition: Results of the International Scientific Conference	199
--	-----

<i>Bibikova A.M., Shkolnikova O.Yu.</i> VIII International Conference of Italianists ‘Alisova’s Readings (Language, Literature, Culture of Italy)’ at the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University 20 February 2025	205
--	-----

REVIEWS

<i>Khlebus M.A.</i> Review of the book by Urmanov A.V., Liu Ying. “Oh, When Will Rus’ Wake up?..”: The Fate and Work of Fyodor Chudakov. Blagoveshchensk: Publishing house of BSPU, 2024. 480 p.	211
--	-----

<i>Ranchin A.M.</i> Joseph Brodsky in the Soviet Union: Behavioral Strategies. Morev G.A. Joseph Brodsky: His Years in the USSR. Literary biography. Moscow, <i>Novoe literaturnoe obozrenie</i> , 2025. 416 p.	218
---	-----

ANNIVERSARIES

<i>Monisova I.V., Nazarova A.V.</i> Anniversary of Maria Viktorovna Mikhailova	227
--	-----

IN MEMORIAM

<i>Ilyushina L.A.</i> In Memory of Rosa S. Kimyagarova (21.10.1937–26.12.2025)	231
--	-----

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЯЗЫКАМ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ (К ГОДУ ЕДИНСТВА НАРОДОВ РОССИИ)

ОТ РЕДАКЦИИ

2026 год объявлен годом единства народов России, и редакция нашего журнала не могла не откликнуться на это событие. Для филологического факультета Московского университета оно имеет особый смысл, поскольку именно здесь в течение почти шестидесяти лет реализуется проект документации, описания и анализа языков России и бывшего СССР, история которого наполнена усилиями и достижениями нескольких поколений исследователей.

В 1967 году Александр Евгеньевич Кибрик, тогда еще молодой сотрудник кафедры структурной и прикладной лингвистики, а впоследствии ее многолетний заведующий, член-корреспондент Российской академии наук, приехал вместе с коллегами в Дагестан, чтобы изучать лакский язык в ходе непосредственной работы с его носителями. Придуманый А.Е. Кибриком и впервые опробованный в этой экспедиции метод коллективного полевого исследования оказал на документацию малых языков такое же революционизирующее воздействие, какое появление конвейерного производства оказало на мировую экономику. Объем и качество языковых данных, которые стало возможно получать в полевых условиях, выросли на порядки.

За первой экспедицией филологического факультета последовали десятки других. Их сотрудники исследовали более 50 языков, опубликовали их грамматические описания, словари и коллекции текстов, написали сотни научных статей и сделали тысячи докладов. При кафедре теоретической и прикладной лингвистики создан Центр по изучению языков коренных народов России. Работа с этими языками объединяет десятки лингвистов — от студентов, только начинающих академический путь, до профессоров с мировой известностью.

* * *

Описание языков России критически важно по многим причинам. Укажем главную. Любой язык — вместительное неповторимое опыта жизни народа, хранитель его культурных переживаний, «дом

бытия». Идея единства народов России неосуществима без признания уникальности этого опыта, без внимательного, вдумчивого и бережного отношения к языковому наследию, без поддержки и помощи для каждого из более чем 150 языков, на которых говорят в нашей стране.

Роль и ответственность лингвистов в этой работе невозможно переоценить. Многие языки до сих пор описаны недостаточно или неточно, и это положение надо исправлять, потому что оно мешает развитию образования, культуры, медиакоммуникаций. Часть языков остается бесписьменными: количество их носителей невелико, а инвестиции в создание языковой инфраструктуры, книгоиздания, средств массовой информации нерентабельны. Без усилий лингвистов такие языки никогда не будут документированы. Наконец, очень значительно число языков, испытывающих, к великому сожалению, прямую угрозу скорого исчезновения — когда появляется поколение тех, кто не понимает речь своих родителей, бабушек и дедушек. Лингвисты чаще всего не могут повернуть этот процесс вспять, но они обязаны сделать то, что в их силах: описать язык так, чтобы он не исчез в тот день, когда уйдет последний носитель.

* * *

В этом номере журнала читатель найдет статьи о четырех языках: бежтинском, горномарийском, лесном ненецком и тиндинском. Их авторы представляют три основных академических учреждения Москвы, которые интенсивно занимаются языками России: Московский университет, Институт языкознания РАН, НИУ «Высшая школа экономики». Охватывая несколько различных сюжетов от социолингвистики и лингвистической антропологии до синтаксиса и грамматической семантики, они дают прекрасную возможность составить представление о глубине и многообразии задач, которые материал малоизученных языков ставит перед вдумчивым исследователем.

Статья «Языковое сообщество тиндинцев: новые наблюдения» (С.Г. Татевосов, О.Е. Казьмина, М.Н. Архипова, М.Б. Панич, П.О. Россияйкин, Ф.А. Садковский, Г.Ю. Устьянцев, О.В. Федорова) — результат совместной работы лингвистов и этнологов в рамках Научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия». В ней дается обзор имеющихся сведений о тиндинском языке, одном из андийских языков Дагестана, и о социокультурной ситуации, в которой находятся его носители, а также излагаются наблюдения, полученные в ходе экспедиции 2025 года, первой после долгого перерыва андийской экспедиции МГУ имени М.В. Ломоносова.

З.М. Халилова, известный в России исследователь цезских языков Дагестана, — автор статьи «Конструкции со значением опасения в бежтинском языке». В этой статье подвергается подробному анализу бежтинский апрехенсив, категория, которая маркирует позицию как имеющую нежелательные последствия для говорящего или носителя пропозициональной установки. Бежтинские данные представляются особенно важными с учетом того, что эта категория относительно редко выражается грамматическими средствами в языках мира, и данные о ее синтаксической дистрибуции и семантической интерпретации на данный момент очень неполны.

Д.Д. Мордашова в статье «Эпистемические маркеры в горномарийском языке: семантика и дистрибуция» предлагает небольшое по объему, но очень содержательное обсуждение трех горномарийских показателей эпистемической модальности. Автор убедительно показывает, что описание их семантики не только нуждается в понятии эпистемической оценки, традиционно используемом при анализе этого типа модальности в работах типологического направления, но и содержит эвиденциальный компонент, указывающий на источник информации, на который опирается ассерция.

С.Ю. Толдова затрагивает интереснейшую проблему, относящуюся к сфере семантико-синтаксического интерфейса, которую можно увидеть и осмыслить на материале лесного ненецкого языка: взаимодействие системы средств поддержания референции и предикативного согласования. В статье «Редуцированные средства референции в позиции прямого дополнения и объектное согласование в лесном ненецком» описывается явление, состоящее в том, что обязательность объектного согласования коварьрирует с редуцированностью референциального выражения. Как представляется, данные такого рода могут иметь существенное значение для лучшего понимания ограничений, которым подчиняется объектное согласование в уральских языках.

Завершая это введение и оставляя читателя наедине с авторами, мы хотели бы выразить надежду, что важнейшая работа по документации языков России будет продолжаться и развиваться.

ЯЗЫКОВОЕ СООБЩЕСТВО ТИНДИНЦЕВ: НОВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

С.Г. Татевосов¹, О.Е. Казьмина¹, М.Н. Архипова¹,
М.Б. Панич¹, П.О. Россяйкин¹,
Ф.А. Садковский^{1,2}, Г.Ю. Устьянцев¹, О.В. Федорова¹

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

² Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация: В статье охарактеризовано языковое сообщество тиндинцев — носителей бесписьменного малого языка, живущих в нескольких сельских населенных пунктах Дагестана. Авторы предлагают программу комплексного этнолого-лингвистического исследования, нацеленного на описание нескольких его характеристик. Во-первых, это языковая ситуация, степень витальности языка, социолингвистические обстоятельства его функционирования, дву- и многоязычие, тенденции развития грамматической и лексической систем. Во-вторых, это социокультурная ситуация, ключевой компонент которой — то, что носители языка относятся одновременно к нескольким иерархически организованным общностям: сельской общине, группе родственных андийских народностей, более крупной аваро-андийской общности. На это накладывается региональная идентичность народов Дагестана и, шире, Северного Кавказа. В-третьих, это многомерное взаимодействие языкового и социокультурного измерения, обнаруживающее нетривиальные эффекты, связанные, в частности, с эволюцией языковой и этнической идентичности.

Ключевые слова: тиндинцы; тиндинский язык; языки Дагестана; многоязычие; этническая и языковая идентичность

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-1

Финансирование: Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-21 «От Поволжья до Кавказа: языковое и культурное многообразие Центра и Юга России».

Для цитирования: Татевосов С.Г., Казьмина О.Е., Архипова М.Н., Панич М.Б., Россяйкин П.О., Садковский Ф.А., Устьянцев Г.Ю., Федорова О.В. Языковое сообщество тиндинцев: новые наблюдения // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 12–30.

THE LANGUAGE COMMUNITY OF TINDI: NEW EVIDENCE

Sergei G. Tatevosov¹, Olga E. Kazmina¹,
Mariana N. Arkhipova¹, Maria B. Panich¹,
Petr O. Rossyaykin¹, Fedor A. Sadkovskii^{1,2},
German Yu. Ustyantsev¹, Olga V. Fedorova¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

² *Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Abstract: This article describes the Tindi linguistic community. Tindi is an endangered language spoken in rural areas of Dagestan. We propose a program of a comprehensive ethnological and linguistic study that aims at exploring a number of characteristics of this linguistic community. It includes a linguistic and a socio-cultural component. The former focuses on the sociolinguistic characteristics of Tindi, bilingualism and multilingualism, grammatical and lexical systems. The latter addresses a complex system of identities that are defined by the fact that Tindi speakers are at the same time part of a local community, a larger Andic ethnic group, and a yet larger Avar-Andic group. This interacts in multiple ways with the regional identities of the peoples of Dagestan and the peoples of North Caucasus at large. Finally, the interaction of the above two components is to be put under scrutiny, revealing non-trivial effects related, among other things, to the evolution of linguistic and ethnic identities.

Keywords: people of Tindi; the Tindi language; languages of Daghestan; multilingualism; ethnic and linguistic identities

Funding: The study was supported by Lomonosov Moscow State University Development Program, project No. 23-III02-21 “From the Volga Region to the Caucasus: Linguistic and Cultural Diversity of the Center and South of Russia”.

For citation: Tatevosov S.G., Kazmina O.E., Arkhipova M.N., Panich M.B., Rossyaykin P.O., Sadkovskii F.A., Ustyantsev G.Yu., Fedorova O.V. (2026) The Language Community of Tindi: New Evidence. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 12–30.

Цель этой статьи — сформулировать несколько соображений о том, как может быть устроено комплексное этнолого-лингвистическое исследование малого языкового сообщества. Мы, однако, не будем пытаться решить эту задачу в общем виде. Вместо этого мы представим несколько наблюдений об одном конкретном сообществе — тиндинцах, живущих в Цумадинском районе Дагестана, опишем оказавшиеся в нашем распоряжении свежие данные об их языке и социокультурной ситуации и изложим несколько обобщений о тенденциях ее развития. В завершение мы представим программу исследования этого сообщества, оговорив те ее пункты, которые, как кажется, масштабируются на другие похожие сообщества.

Дальнейшее изложение организовано следующим образом. В разделах 1 и 2 приводятся соответственно общая характеристика тиндинского языка и его носителей и история их изучения. Раздел 3 посвящен описанию предварительных результатов полевого исследования, проведенного в 2025 году. Раздел 4 намечает перспективы дальнейшего исследования.

1. Тиндинцы и тиндинский язык

Тиндинцы — коренное население северо-западной части Дагестана, большинство которого проживает в селе Тинди (около 2700 жителей по данным переписи населения 2021 года), а кроме этого, в окрестных горных селах Цумадинского района и в нескольких переселенческих селах равнинной части Дагестана. Кроме Тинди, крупнейшими тиндинскими селениями Цумадинского района считаются Тисси (около 650 жителей), Тисси-Ахитли (около 550 жителей), Эчеда (около 950 жителей) и Гадайчи (около 130 жителей). По некоторым данным, впрочем, многие их официально зарегистрированные жители фактически проживают в других местах, так что настоящее население может оказаться несколько меньше. Все остальные тиндинские поселения в горном Дагестане в основном расположены на небольшом удалении от Тинди и насчитывают менее 100 жителей.

Тиндинцы в основном расселились по северо-западным склонам Богосского хребта. Самоназвание жителей села Тинди — *идери*; под этим или фонетически близким названием они известны соседям. Остальные тиндинцы получали свои названия по названию селений, например, Тисси, Акнада, Ангида и др. [Народы Дагестана 2002: 213].

Численность и динамика этнодемографических процессов тиндинцев оцениваются очень приблизительно: длительное время существовала традиция в переписях населения рассматривать их как «этническую группу» аварцев и не выделять в отдельный народ. Согласно разным источникам, в 1866 г. тиндинцев насчитывалось 2515 человек, в 1886 г. — 3262, 1916 г. — 3864, в 1926 г. — 3812, в 1939 г. — 5800 человек. В 1980–1990-е годы оценки численности тиндинцев колебались в диапазоне от 5 до 10 тыс. человек. Текущие оценки варьируют в пределах от 10 до 25 тыс. человек [Магомедов 2022]. Последняя, однако, — результат экстраполяции более ранних данных и представляется несколько завышенной. Согласно переписи 2021 года, в России проживает 1161 тиндинцев (тиндалов) [Всероссийская перепись населения 2020].

Тиндинцы, как и остальные горские народы Дагестана, входят в состав Дагестанской историко-культурной области, которая является частью Кавказской историко-культурной провинции.

Для тиндинцев традиционно характерны развитое горное и террасное богарное земледелие, то есть земледелие без использования искусственного орошения. В основном преобладают зерновые культуры, что объясняет большое количество мучных и зерновых блюд в традиционной кухне [Магомедханов, Мусаева 2009: 125]. Кроме того, активно практиковалось отгонное скотоводство. Скот отгонялся на пастбищные хутора, где содержался длительное время. География расселения диктовала особую форму поселения — склоновые и террасные селения с плотной застройкой.

По вероисповеданию тиндинцы — мусульмане-сунниты, исламизация этой этнической группы происходила в XV–XVIII вв. В духовной культуре сохранилось много домусульманских верований и обычаев, например, обряды вызова дождя и солнца, праздник сбора урожая, первой борозды и т. д. [Народы Дагестана 2002: 216–222]. Для обрядовой культуры тиндинцев характерен религиозный синкретизм, сочетание ислама и доисламских ритуальных практик. В актуальных верованиях распространены поверья, связанные с куклами небесных светил, объектов природы, апотропеями, порчей и знахарством [Магомедханов, Мусаева 2009: 276–288]. Долгое время у тиндинцев сохранялся самобытный сельскохозяйственный календарь и своя система отсчета времени. Фольклор тиндинцев представлен историческими преданиями, волшебными и бытовыми сказками, песнями, широко известными среди аварцев [Магомедханов, Мусаева 2009: 260–262]. Культура тиндинцев формировалась в рамках общеаварских и общедагестанских традиций [Магомедханов, Мусаева 2009: 290].

Данные социологических исследований демонстрируют присущую тиндинцам множественную идентичность. В едином социальном пространстве — в этнически гомогенных населенных пунктах — одновременно сосуществуют несколько идентичностей [Gaither 2018: 450].

Тиндинский язык относится к андийской ветви аваро-андийской группы нахско-дагестанских языков. Традиционно выделяют две группы говоров: тиндинско-эчединскую и ангидинско-акнадинскую [Гудава 1967]. Текущая реальность последнего, однако, вызывает сомнение из-за депопуляции селений Ангида и Акнада, где прежде проживали их носители.

Для таких языков, как тиндинский — малых и бесписьменных, важной характеристикой является степень витальности языка. Существует несколько различных шкал определения витальности (см. [Казакевич и др. 2022]), в том числе шкала ЮНЕСКО, шкала М. Красусса, EGIDS и др. По всем шкалам тиндинский попадает в опасную зону. Согласно авторитетному ресурсу Ethnologue (<https://www.ethnologue.com/language/tin/>), он находится под угрозой исчезнове-

ния (endangered); эта степень витальности характеризуется нарушением межпоколенческой передачи языка. Ресурс Glottolog (<https://glottolog.org/resource/language/id/tind1238>) приписывает языку статус «развитие языкового сдвига» (“shifting”), когда самыми молодыми носителями являются представители поколения родителей. На сайте проекта «Малые языки России» на базе Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания РАН (<https://minlang.iling-ran.ru/>) тиндинский язык получает статус «начало языкового сдвига» (threatened), который характеризуется тем, что большинство взрослых владеют языком, но детям язык, как правило, не передается. Там же, однако, отмечается, что в сельской местности уровень владения языком довольно высокий и передача его детям сохраняется¹. Таким образом, одна из исследовательских задач — детальный анализ языковой ситуации в регионе и оценка витальности тиндинского языка.

2. История изучения

2.1. Язык

Одно из первых упоминаний о тиндалах и их языке можно найти у Р. Эркерта [von Erkert 1888]. «Пройдя вверх по течению реки Койсу, — пишет Р. Эркерт, — и перейдя ее по одному из очень примитивных мостов, попадаешь в каменистую долину одного из крупных правых притоков Койсу, спускающегося с заснеженного Богосского хребта. Здесь говорят на диалекте тиндал, или идери, а главное поселение — Тинди, или Иди. Ущелье покрыто густым кустарником, и, поскольку идешь прямо по течению реки, впечатление от гор полностью исчезает; чувствуешь, будто перенесся в высокогорный ландшафт центральной Германии».

В начале XX века тиндинский язык описывается в числе прочих андийских языков в работе А. Дирра «Материалы для изучения языков и наречий андо-дидойской группы» [Дирр 1909]. Важной вехой на пути исследования тиндинского языка стали работы Т.Е. Гудава, в частности, краткий очерк в издании «Языков народов СССР» [Гудава 1967].

Новый этап в истории дагестановедения, начавшийся в конце 1960-х годов, связан с именем А.Е. Кибрика, крупнейшего исследователя языков Дагестана и создателя новой традиции полевой лингвистики. В первой половине 1970-х годов А.Е. Кибрик задумал масштабный проект описания по единой схеме лексики всех языков

¹ О статусе витальности тиндинского языка, равно как и о характере этнического и языкового самосознания его носителей, см. также проект «Языки России», осуществляемый в Институте языкознания РАН (<https://jazykirf.iling-ran.ru>).

Дагестана; разработанный им и его коллегами и учениками тезаурус состоял из 1000 словарных статей и включал не только перевод, но и информацию, необходимую для построения парадигмы каждого слова. В двухтомнике «Сопоставительное изучение дагестанских языков» [Кибрик, Кодзасов 1988, 1990] собран уникальный материал не только по лексике, но и по фонетике и морфологии дагестанских языков, который с момента публикации активно используется кавказоведами и типологами. Кроме того, А.Е. Кибрик много занимался и внутригенетической типологией дагестанских языков и выпустил, в частности, серию публикаций под общим названием «Материалы к типологии эргативности», в том числе выпуск, посвященный тиндинскому языку [Кибрик 1980]. Последний представляет первые систематические данные о тиндинском синтаксисе.

Первые тиндинско-русский словарь [Магомедова 2003] и грамматика тиндинского языка [Магомедова 2012] принадлежат перу П.Т. Магомедовой — известного исследователя андийской ветви дагестанских языков и носителя нескольких из них.

В последние годы тиндинским языком занимался известный французский кавказовед Ж. Отье. Очерк грамматики тиндинского языка его авторства выйдет, как ожидается, в ближайшее время [Authier in preparation].

Несмотря на наличие нескольких существенных публикаций по тиндинскому языку, он по-прежнему остается одним из самых малоописанных языков России. Имеющиеся описания содержат серьезные лакуны. Кроме того, в них замечены определенные расхождения даже по части словоизменительной морфологии. При подготовке к полевому исследованию 2025 года данные о парадигмах 60 базовых существительных были сверены по двум источникам: грамматике П.Т. Магомедовой [Магомедова 2012] и работе А.Е. Кибрика и С.В. Кодзасова, содержащей диагностические формы для существительных [Кибрик, Кодзасов 1990]). Лишь в 19 случаях данные полностью совпадали. В имеющихся источниках не хватает данных и для построения глагольных парадигм, в особенности аналитических глагольных форм. Например, в [Магомедова 2012] при обсуждении форм с бытийной связкой *ija* указан как стяженный вариант, так и вариант без стяжения (единственно возможный по [Гудава 1967]), но дистрибуция этих вариантов остается невыясненной.

При работе с немногими имеющимися материалами внимание привлекают и многие другие недоописанные или неописанные сюжеты. Это касается всех модулей языка — фонетического (например, приемлемость зияния или статус носовых гласных), морфологического (например, деривационная морфология) и синтаксического (A^2 -зависимости, структура нефинитных предикаций, структура

сложных предложений, аллокутивное согласование, многое другое), семантического (например, интерпретация глагольных форм или индексикальный сдвиг).

Наконец, нельзя не отметить полное отсутствие корпуса текстов, которые представляют собой необходимое условие научного изучения языка и поддержания его витальности. Единственный общедоступный текст объемом в 18 предложений опубликован в упомянутом очерке Т. Гудава [Гудава 1967]. Документация языка является, таким образом, насущной задачей.

2.2. Этническая и языковая идентичности

Динамика этнической и языковой идентичностей тиндинцев критически недоизучена.

В 2010–2011 годах в селах Дагестана было проведено исследование этнических идентичностей и межнациональных отношений андоцезских народов. Основные маркеры этнической идентичности для тиндинцев — знание и соблюдение традиций и обычаев своего народа (61 % опрошенных), а также знание национального языка (23,4 %). Этноконсолидирующими признаками опрошенные считают национальный (родной) язык (81,8 %), национальные традиции, обычаи, обряды (81,8 %), религиозную принадлежность (53,2 %) [Шабханова 2012а: 119–124]. Опрос показал, что для большинства тиндинцев характерно ярко выраженное многоязычие²: 46,8 % респондентов считают родными русский и язык своей национальности, 29,9 % — аварский язык и язык своей национальности, 19,5 % — только язык своей национальности. Большинство опрошенных при этом считают, что обучение должно вестись на аварском языке в начальной школе и на русском в старших классах (49,4 %). 32,5 % респондентов видят в качестве основного языка образования русский. При этом только 5,2 % опрошенных считают необходимым вести преподавание на тиндинском языке [Шабханова 2012b: 98–100]. Этот результат обусловлен, вероятно, отсутствием письменности и литературной традиции. Тиндинский язык не преподается в школе: обучение ведется на русском языке, а в качестве родного изучается аварский.

Важный источник данных об этнической и языковой идентичностях — переписи населения. Согласно переписи 2021 года, респондентов, обозначивших тиндинский язык как родной, насчитывалось 4457. Респондентов, идентифицировавших себя как тиндалы, было, однако, существенно меньше — 1161 человек. Весьма показательны

² Информация о многоязычии в Дагестане аккумулируется на сайте проекта «Атлас многоязычия в Дагестане» (<https://multidagestan.com/ru/>).

данные по с. Тинди: 2669 жителей с родным тиндинским, 35 — с родным аварским и при этом 2255 этнических аварцев на 448 тиндалов. Таким образом, в нашем случае можно говорить о существенном несовпадении языковой и этнической идентичности. Осознавая свой язык как тиндинский, его носители в то же время рассматривают себя как аварцев.

Объяснение столь сильного несовпадения между числом тех, кто считает тиндинский своим родным языком, и числом тех, кто осознает/называет себя тиндалами, следует искать в зигзагах советской национальной политики и непосредственно с ней связанной политике переписей. После Октябрьской революции новая власть принимает и инкорпорирует в свою политику принцип национального самоопределения, что приводит к закреплению важности этнической идентичности (в Российской империи базовыми культурными идентичностями были языковая и религиозная, этническая вытекала из них или растворялась в них [Казьмина и др. 2025: 158–173]). «Продвижение» нового важного типа идентичности идет наряду с прочими мерами через политику переписей населения. Во всех советских переписях начиная с переписи 1920 г. в той или иной форме (терминология менялась: народность, национальность) ставился вопрос об этнической принадлежности.

Наиболее подробно этнический состав населения страны был зафиксирован в переписи населения 1926 г., что соответствовало поставленной перед ее разработчиками задаче. Принятый советской властью принцип национального самоопределения предполагал самостоятельность этнической идентичности. Еще при подготовке переписи 1920 г. родной язык перестали рассматривать как синоним народности [Соколовский 2009: 47–49]. В соответствии с таким подходом и с поставленными задачами, перепись 1926 г. дала самые подробные сведения об этническом составе. Для определения категории «национальность» был выработан детальный метод выявления национальной принадлежности, а составленный для переписи 1926 г. список национальностей СССР включал 199 наименований — самый большой список из всех советских переписей. Так, в переписи населения 1926 г. появились многие малочисленные этнические группы, и тиндалы (тиндинцы) в том числе. Их численность в СССР, по материалам переписи 1926 г., оказалась 3812 человек.

Однако уже в 1930-е годы национальная политика страны делает довольно крутой поворот. При сохранении значимости принципа национального самоопределения акцент смещается в сторону утверждения консолидации советского общества. Этот консолидирующий посыл выливается в идею укрупнения этнических общностей. В результате менее многочисленные этнические группы

стали включаться в более многочисленные: бесермяне в состав удмуртов, кряшены и нагайбаки — в состав татар, сойоты — в состав бурят и т. п. Эта участь постигает и андо-цезские народы, включая тиндинцев: всех их стали объединять с аварцами. Подобные зигзаги идеологических установок приводят к сокращению перечня народов, выделявшихся во время переписей. В материалах переписи 1926 г., когда стремились как можно более полно учесть этническое многообразие страны, выделялось 178 народов (почти столько же, сколько предлагалось в списке), а в материалах переписи 1939 г. — уже только 62. В послесталинский период идеологический нажим несколько ослаб, но и перепись 1959 г. зафиксировала лишь 109 народов [Соколовский 2009: 45]. В более поздних советских переписях число выделяемых народов постепенно росло, но оно так и не приблизилось к показателю переписи 1926 г. Представителями некоторых малочисленных групп это воспринималось как признание в 1926 г. и отмена признания в последующих переписях.

Такая ситуация формировала травму и укрепляла самосознание наиболее активных членов группы. С конца 1980-х годов появляется активное движение за восстановление этнического статуса так называемых непризнанных народов, а критерием отдельного этнического статуса выступает перепись населения 1926 г. Наряду с другими группами, выделявшимися в переписи 1926 г., но не показывавшимися во всех последующих советских переписях, признания с конца 1980-х годов добивались и представители андо-цезских народов. Борьба за признание усилилась в период подготовки к первой постсоветской переписи, которая прошла в 2002 г. По некоторым добивавшимся признания группам принимается компромиссный вариант. Они указываются в переписи 2002 г., но в составе более крупных общностей. В эту категорию попали и андо-цезские народы, численность которых дана, но как групп аварцев. Назвавших себя тиндалами в переписи 2002 г. оказалось 44 человека. Ситуация по другим андо-цезским народам весьма сильно различалась. Так, перепись зафиксировала 814 473 аварца, среди которых выделялись следующие группы: андийцы — 21 808, арчинцы — 89, ахвахцы — 6376, багулалы — 40, бежтинцы — 6198, ботлихцы — 16, гинухцы — 531, годоберинцы — 39, гунзибцы — 998, дидойцы — 15 256, каратинцы — 6052, тиндалы — 44, хваршинцы — 128, чамалалы — 12 [Всероссийская перепись населения 2002 г.]. Перепись 2010 г. зафиксировала уже 635 тиндалов (идари, тиндинцев), но тоже в составе аварцев [Всероссийская перепись населения 2010 г.]. В переписи населения 2021 г. численность тиндалов уже достигает, как отмечалось выше, 1161 человек. Подобная динамика, отраженная в последних переписях населения, свидетельствует как об усилении соб-

ственной локальной — «тиндинской» — идентичности, так и о существовании иерархичности идентичностей. Однако этот вопрос требует дальнейшего специального изучения в ходе этнографической полевой работы.

3. Полевое исследование 2025 года

В июле 2025 года языковое сообщество тиндинцев в с. Тинди стало предметом первого за долгое время полевого исследования, проводимого Московским университетом в Дагестане. Исследование — часть совместной инициативы кафедры теоретической и прикладной лингвистики и кафедры этнологии. Кроме собственно научного, полевое исследование имело и символическое измерение: исполнилось ровно 50 лет с момента проведения организованной А.Е. Кибриком экспедиции по сбору данных андийских языков, которая работала в том числе и в с. Тинди в 1975 году.

В ходе экспедиции начата реализация процедур полевой документации языка, разработанная на кафедре теоретической и прикладной лингвистики. В первую очередь были записаны и расшифрованы три образца тиндинской речи, которые представляют нарративы разных жанров — историческое повествование, бытовая история, сказка. Каждый текст снабжен подстрочным поморфемным переводом и идиоматичным переводом на русский язык.

На первом этапе документации, кроме того, создана и начала наполняться база данных по словоизменительной морфологии тиндинского языка, как именной, так и глагольной. Работа нацелена на построение морфологического описания, включающего для любой лексической единицы полный набор процедур, порождающих все возможные словоформы. В ходе полевой работы собран корпус словоформ объемом примерно 1500 единиц.

Именные парадигмы по большей части представляют собой сочетание форм из [Кибрик, Кодзасов 1990] и [Магомедова 2012]. Анализ полученных данных показывает значительную вариативность в выборе словоизменительного класса. Засвидетельствованные грамматические формы могут отклоняться от ожидаемых в двух отношениях. В одних случаях носители в пределах одной лексемы «соединяют» части разных парадигм, переходя с одного словоизменительного класса на другой. В других случаях, напротив, парадигмы небольших по объему словоизменительных классов выравниваются за счет сведения к дефолтному классу. В данных отмечены и формы, не засвидетельствованные ни в одном из источников. Остается открытым вопрос о том, в какой степени наблюдаемые морфологические факты отражают диахронические изменения

в языке и в какой — специфику процедур документации, практиковавшихся в исследованиях наших предшественников.

В сфере глагольной морфологии производился сбор парадигм по глагольной выборке, опирающейся на [Кибрик, Кодзасов 1988] и более ранние исследования других андийских языков — годоберинского [Kibrik (ed.) 1996] и багвалинского [Кибрик (ред.) 2001]. Основная задача, которую должен решить анализ полученных данных, — построение обобщений о системе словоизменятельных глагольных классов. В предыдущих исследованиях эта задача либо не была решена в полной мере, либо вовсе не ставилась.

Параллельно осуществлялась аудиофиксация записываемого материала. Это особенно важно для последующего акустического анализа, который позволит дать полную картину фонологической системы языка, которая в текущем состоянии содержит серьезные лакуны.

Участники проекта, кроме того, провели первичный сбор социолингвистических данных о функционировании языка в условиях тиндинско-аварско-русского трилингвизма. Как отмечалось выше, с точки зрения этнической идентичности тиндинцы находятся под влиянием нескольких несовпадающих векторов: локальная идентичность, определяемая принадлежностью к сельской общине, общеаварская идентичность, общедагестанская идентичность и собственно тиндинская идентичность. Однако количественных данных, позволяющих оценить влияние каждого из этих факторов, недостаточно.

Предварительные полевые данные, полученные в ходе неформальных интервью с жителями с. Тинди в ходе экспедиции 2025 года, подтверждают, что самодостаточность тиндинского языка ни у кого из опрошенных не вызывает сомнений («У нас свой язык», «Мы говорим не по-аварски» и т. п.). В пределах селения тиндинский язык доминирует во всех социальных сферах за вычетом школьного образования, где уроки ведутся на русском языке, а уроки родного языка — на аварском. Межпоколенческая передача в пределах сельской общины, по-видимому, полностью сохранна. Наряду с этим была выявлена не описанная ранее тенденция к утрате аварских языковых практик и соответственно ослаблению аварского компонента в комплексной идентичности. Опрошенные нами носители среднего и старшего поколения отмечают, что роль лингва франка, которую аварский язык в течение долгого времени играл в языковой среде андийских и цезских народов, сейчас постепенно утрачивается, особенно среди детей и подростков, и аварский язык в этом качестве постепенно уступает место русскому.

4. Дальнейшие перспективы

Предшествующее обсуждение показывает, что, хотя языковое сообщество тиндинцев отличается значительным количеством уникальных, присущих только ему черт, его в то же время можно рассматривать как представителя целого класса таких сообществ. Вот три важнейшие характеристики, которые тиндинцы/тиндалы и тиндинский язык разделяют с некоторыми другими малыми народами и языками.

Во-первых, это языковая инфраструктура, близкая к отсутствующей. Письменность, образование, литература, книгоиздание, средства массовой информации, цифровые инструменты — ничего этого у тиндинского языка нет. А сочетание малочисленности носителей с ресурсоемкостью инфраструктуры делает ее появление в ближайшем будущем маловероятным.

Во-вторых, это относительно высокая витальность языка в пределах сельской общины в сочетании с дефицитом его социального престижа. Носители не связывают с языком виды на индивидуальный успех и благополучие своей семьи. Это гарантирует утрату тиндинской языковой компетенции в течение двух-трех поколений за пределами общины и делает его будущее зависимым от ее сохранения и процветания.

В-третьих, языковая среда, в которой существует тиндинский язык, — это среда с многослойной и многофакторной этнической идентичностью, элементы которой не полностью описаны и осмыслены. Нуждается в серьезной научной рефлексии и динамика этой идентичности.

Все перечисленное делает актуальными несколько задач для совместной работы лингвистов и этнологов — как с сообществом тиндинцев, так и с другими аналогичными сообществами.

Прежде всего, язык нуждается в продолжении подробной и обстоятельной документации полевыми методами. На наш взгляд, даже тиндинская фонетика и морфология требуют дополнительного изучения.

Среди фонетических вопросов — специфика тиндинского ударения. Например, А.Е. Кибрик и С.В. Кодзасов описывают тиндинский как язык со слоговым (морovým) ударением [Кибрик, Кодзасов 1990: 327], в то время как П.Т. Магомедова, носитель тиндинского языка, приписывает фиксированное место ударения каждому слову, причем различает основное и вспомогательное ударение разной интенсивности (см., например, тиндинско-русский словарь, [Магомедова 2003]).

Непечатый край работы — в сфере синтаксиса и семантики. Не входя в подробности, отметим, в каких областях сведения о системе тиндинского языка выглядят недостаточными. Это актантная структура глагольных предикатов; видовременная система; глагольная акциональность; конструкции с модальной семантикой; деривационная морфология, в том числе актантные преобразования и преобразования, изменяющие синтаксическую категорию, такие как номинализация; структура клаузы; морфосинтаксис согласования; структура сентенциальных актантов; структура и интерпретации сложных предикатов; семантика и дистрибуция послелогов и неструктурных падежей; структура именной группы, в частности количественной, комитативной, эквативной и нумеративной конструкций; сравнительные конструкции, индексикальный сдвиг, аллокутивное согласование, логические и дискурсивные операторы.

Наконец, необходима работа по сбору минимального корпуса текстов.

Второе направление — комплексное исследование тиндинского трилингвизма, которое должно опираться на имеющиеся наработки в этой области. Современные исследования трилингвизма, которые по сути мало отличаются от более широко распространенных исследований билингвизма и более редких исследований мультилингвизма, очень разнообразны по своим методам. Прежде всего, их можно разделить на качественные и количественные. К качественным методам относят разного рода интервью — как уже упоминавшиеся ретроспективные семейные интервью, так и глубинные интервью, при помощи которых социологи и этнологи посредством неформальной беседы получают подробную информацию о мотивах, мнениях и опыте респондентов (см., например, [Устьянцев и др. 2025]). Среди количественных методов наиболее распространены такие лингвистические экспериментальные инструменты, как задача на называние изображений (picture naming task) [Trudeau-Meisner et al. 2025], понимание речи на слух [Gollan et al. 2012], а также задача лексического решения (lexical decision task) [de Groot et al. 2002]. Промежуточное место между чисто качественными и чисто количественными методами занимают опросники, которые обычно содержат некоторую информацию о владении каждым из языков респондента, их сравнение, а также часто и некоторую дополнительную информацию о языковой истории. Среди наиболее широко распространенных можно выделить опросник “Language Experience and Proficiency Questionnaire”, а также опросник “Bilingual Language Profile”, легший в основу изучения кумыкско-русского билингвизма [Россяйкин и др. 2024] и марийско-русского трилингвизма [Устьянцев и др. 2024].

С точки зрения этнологии этническая группа тиндинцев представляет интерес как сообщество с проявлением множественной идентичности. С помощью анкетирования и интервьюирования местных жителей можно выявить соотношение разных форм идентичностей (локальной, этнической «тиндинской», общедагестанской, гражданской общероссийской) в разных социальных контекстах. Помимо языка как маркера этнического самосознания, важным представляется исследование других связанных с идентичностью явлений: родовой структуры, локального фольклора, обрядовых практик, материальной культуры, религиозных особенностей. Подробное описание этих признаков поможет выявить, что в представлениях современных тиндинцев является основной их этнитета.

Благодарности

Авторы выражают глубокую признательность М.И. Магомедову, заведующему кафедрой общего языкознания ДГПУ, М.З. Магомедову, главе администрации сельского поселения Тинди, А.Г. Магомедову, журналисту газеты «Дагестанская правда», Р.О. Муталову, г.н.с. Института языкознания РАН. Без их помощи и участия экспедиция Московского университета не могла бы состояться. Авторы благодарны Ю.Б. Корякову за статистические данные, а также анонимным рецензентам за их благожелательные замечания и комментарии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гудава Т.Е.* Тиндинский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. С. 368–383.
2. *Дирр А.* Материалы для изучения языков и наречий андо-дидойской группы. (СМОМПК. Вып. XL.) Тифлис, 1909.
3. *Казакевич О.А., Будянская Е.М., Евстигнеева А.П., Коряков Ю.Б., Мордашова Д.Д., Покровская С.В., Поливанов К.К., Ренковская Е.А., Халилова З.М., Шейфер К.О.* Шкалы языковой витальности и их применимость к материалу конкретных языковых ситуаций // Вопросы языкознания 2022. № 4. С. 7–47.
4. *Казьмина О.Е., Соловей Т.Д., Бахматова М.Н., Федорова О.В.* Этнокультурные идентичности в зеркале статистики: переписи населения России 1897–1937 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2025. № 1. С. 158–173.
5. *Кибрик А.Е.* Материалы к типологии эргативности. 9. Чамалинский язык. 10. Тиндинский язык. 11. Ахвахский язык. 12. Хваршинский язык // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 130. М.: ИРЯ, 1980.
6. *Кибрик А.Е., Кодзасов С.В.* Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М., 1988.
7. *Кибрик А.Е., Кодзасов С.В.* Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М., 1990.
8. *Кибрик А.Е.* (ред.) Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари. М., 2001.
9. *Магомедов А.М.* От тиндальской общины до Тиндинского сельсовета: логистический анализ развития сельской территории // Вестник Дагестанского

- государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2022. № 4. С. 36–50.
10. Магомедова. П.Т. Тиндинско-русский словарь. Махачкала, 2003.
  11. Магомедова П.Т. Тиндинский язык. Махачкала, 2012.
  12. Магомедханов М.М., Мусаева М.К. Тиндалы (этнографический очерк XIX — нач. XX вв.). 2009.
  13. Народы Дагестана. Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М., 2002.
  14. Россыйкин П.О., Груздева А.И., Камбулатова Ю.Р., Насырова Р.Р., Татевосов С.Г., Устьянцев Г.Ю., Федорова О.В. Возрастная динамика билингвизма терских кумыков как индикатор витальности языка: языковой и социокультурный аспекты. Часть 1 // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 1. С. 37–53.
  15. Соколовский С. В. Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года. 2-е изд. Набережные Челны, 2009.
  16. Устьянцев Г.Ю., Синуцына Ю.В., Федорова О.В., Хомченкова И.А., Насырова Р.Р., Ананьев А.А. Этнологический и лингвистический аспекты идентичности марийских этноактивистов. Самосознание и языковые практики // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2024. Т. 65. № 2. С. 97–119.
  17. Устьянцев Г.Ю., Архипова М.Н., Груздева А.И., Насырова Р.Р., Россыйкин П.О., Федорова О. В. Детский кумыкско-русский билингвизм глазами школьников и их родителей. Лингвистический и этносоциальный аспекты // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2025. № 2. С. 50–66.
  18. Шабханова М.М. Маркеры воспроизводства этнической идентичности малочисленных дагестанских народов // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2012а. № 3. С. 118–127.
  19. Шабханова М.М. Этноязыковые проблемы и языковое поведение малочисленных дагестанских народов (по результатам социологического исследования) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2012б. №4. С. 91–102.
  20. Шабханова М. М. Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов в современных условиях // Социологические исследования. 2013. 10. 354. С. 88–97.
  21. Authier G. Tindi. The Caucasian languages. // An International Handbook, Vol. 1. Nakh-Daghestanian languages: Nakh, Avar-Andic and Tsezic, ed. by T. A. Maisak, Yu. B. Koryakov, S. Kaye. In preparation.
  22. de Groot A., Borgwaldt S., Bos M., Eijnden E. Lexical Decision and Word Naming in Bilinguals: Language Effects and Task Effects. *Journal of Memory and Language*, 2002, 47, pp. 91–124.
  23. Gaither S. E. Belonging to multiple groups: Pushing identity research beyond binary thinking. // *Self & Identity*, Special Issue: New Directions in the Study of Self and Identity, 2018. 17, pp. 443–454.
  24. Gollan T. H., Weissberger G. H., Runnqvist E., Montoya R. I., Cera C. M. Self-ratings of spoken language dominance: A Multilingual Naming Test (MINT) and preliminary norms for young and aging Spanish–English bilinguals. *Bilingualism: Language and Cognition*, 2012, 15, 3, pp. 594–615.
  25. Kibrik A. E. (ed.). Godoberi. *Lincom Studies in Caucasian Linguistics*. München/ Newcastle, 1996.
  26. Trudeau-Meisner M., Johns B. T., Taler V. Contextual diversity and picture naming: The role of aging and bilingualism. *Bilingualism: Language and Cognition*. Published, 2025, pp. 1–17.

27. von Erkert R. Der Kaukasus und seine Volker. Nach eigener Auschaung. Leipzig, 1888.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

1. Всероссийская перепись населения 2002 г. Национальный состав населения по федеральным округам. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus2002_02_fo.php.
2. Всероссийская перепись населения 2010 г. Национальный состав населения Российской Федерации. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php.
3. Всероссийская перепись населения 2021 г. <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>.

REFERENCES

1. Authier G. Tindi. The Caucasian languages. An International Handbook, Vol. 1. Nakh-Daghestanian languages: Nakh, Avar-Andic and Tsezic, ed. by T. A. Maisak, Yu. B. Koryakov, S. Kaye. *De Gruyter Mouton*. In preparation.
2. de Groot A., Borgwaldt S., Bos M., Eijnden E. Lexical Decision and Word Naming in Bilinguals: Language Effects and Task Effects. *Journal of Memory and Language*, 2002, 47, pp. 91–124.
3. Dirr A. Materialy dlja izuchenija jazykov i narechij ando-didojskoj gruppy [Materials for the study of languages and dialects of the Ando-Dido group]. (SMOMPK. Vyp. HL.) Tiflis, 1909.
4. Gaither S.E. Belonging to multiple groups: Pushing identity research beyond binary thinking. *Self & Identity, Special Issue: New Directions in the Study of Self and Identity*, 2018. 17, pp. 443–454.
5. Gollan T.H., Weissberger G.H., Runnqvist E., Montoya R.I., Cera C.M. Self-ratings of spoken language dominance: A Multilingual Naming Test (MINT) and preliminary norms for young and aging Spanish–English bilinguals. *Bilingualism: Language and Cognition*, 2012, 15, 3, pp. 594–615.
6. Gudava T. E. Tindinskij jazyk [Tindi]. Jazyki narodov SSSR. T.IV. Iberijsko-kavkazskie jazyki. [Languages of the Peoples of the USSR. T. I. IV. Ibero-Caucasian Languages]. M.: Nauka, 1967, P. 368–383. (In Russ.)
7. Kazakevich O.A., Budjanskaja E.M., Evstigneeva A.P., Korjakov Ju. B., Mordashova D.D., Pokrovskaja S.V., Polivanov K.K., Renkovskaja E.A., Halilova Z.M., Shejfer K.O. Shkaly jazykovoj vital'nosti i ih primenimost' k materialu konkretnyh jazykovyh situacij [Language vitality scales and their applicability to the material of specific language situations]. *Voprosy jazykoznanija*, 2022, 4. P. 7–47. (In Russ.)
8. Kazmina O.E., Solovej T.D., Bakhmatova M.N., Fedorova O.V. Jetnokul'turnye identichnosti v zerkale statistiki: perepisi naselenija Rossii 1897–1937 gg. [Ethnocultural Identities through the Lens of Statistics: Russian population censuses 1897–1937]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8. Istorija*, 2025, 1. P. 158–173. (In Russ.)
9. Kibrik A.E. Materialy k tipologii ergativnosti. 9. Chamalinskii jazyk. 10. Tindinskii jazyk. 11. Akhvakhskii jazyk. 12. Khvarshinskii jazyk [Materials for typology of ergativity. 9. Chamalal. 10. Tindi. 11. Akhvakh. 12. Khvarshi]. Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya gruppa po eksperimental'noi i prikladnoi lingvistike. Predvaritel'nye publikatsii. Issue 130. M.: Institute of Russian Language, 1980. (In Russ.)
10. Kibrik A.E. (ed.). Godoberi. Lincom Studies in Caucasian Linguistics. München/Newcastle: *Lincom Europa*, 1996.
11. Kibrik A.E. (ed.). Bagvalinskii jazyk. Grammatika, teksty, slovari [Bagwalal: Grammar, texts, dictionaries]. Moscow: IMLI RAN, Nasledie, 2001. (In Russ.)

12. Kibrik A.E., Kodzasov S.V. Sopotavitel'noe izuchenie dagestanskikh yazykov. Glagol. [Comparative study of Dagestanian languages. Verb.]. Moscow: MGU, 1988. (In Russ.)
13. Kibrik A.E., Kodzasov S.V. Sopotavitel'noe izuchenie dagestanskikh yazykov. Imya. Fonetika. [Comparative study of Dagestanian languages. Noun. Phonetics.]. Moscow: MGU, 1990. (In Russ.)
14. Magomedov A.M. Ot tindal'skoj obshhiny do Tindinskogo sel'soveta: logisticheskij analiz razvitiya sel'skoj territorii. [From the Tindala Community to the Tindala Village Council: A Logistics Analysis of Rural Development]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3. Obshhestvennye nauki*, 2022, 4. P. 36–50. (In Russ.)
15. Magomedova. P.T. Tindinsko-russkij slovar'. [Tindi-Russian dictionary]. Mahachkala, 2003. 618 pp. (In Russ.)
16. Magomedova P. T. Tindinskij jazyk. [Tindi]. Mahachkala, 2012. (In Russ.)
17. Magomedhanov M.M., Musaeva M.K. Tindaly (jetnograficheskij ocherk XIX — nach. XXvv.). [Tindals (ethnographic essay of the 19th — early 20th centuries)]. 2009. (In Russ.)
18. Narody Dagestana. [Peoples of Dagestan]. Otv. red. S.A. Arutjunov, A.I. Osmanov, G.A. Sergeeva. M., 2002. (In Russ.)
19. Rossyaykin P.O., Gruzdeva A.I., Kambulatova Yu. R., Nasyrova R.R., Tatevosov S.G., Ustyantsev G. Yu., Fedorova O.V. Vozrastnaya dinamika bilingvizma terskikh kumykov kak indikator vital'nosti yazyka: yazykovoj i sociokul'turnyj aspekty [Age dynamics in Kumyk-Russian bilingualism and its implications for language vitality: linguistic and sociocultural dimensions. Part 1.] *Vestnik Moskovskogo universiteta. S. 9: Filologiya*. 2024. № 1. P. 37–53. (In Russ.)
20. Shabhanova M.M. Markery vosproizvodstva jetnicheskoy identichnosti malochislennyh dagestanskikh narodov. [Markers of the reproduction of ethnic identity of small Dagestani peoples]. *Vestnik Instituta istorii, arheologii i jetnografii*. 2012a, 3. P. 18–127. (In Russ.)
21. Shabhanova M.M. Jetnojazykovye problemy i jazykovoe povedenie malochislennyh dagestanskikh narodov (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovanija). [Ethnolinguistic problems and linguistic behavior of small Dagestani peoples (based on the results of a sociological study)]. *Vestnik Instituta istorii, arheologii i jetnografii*, 2012b, 4. P. 91–102. (In Russ.)
22. Shabhanova M.M. Jetnicheskaja identichnost' malochislennyh dagestanskikh narodov v sovremennyh uslovijah. [Ethnic identity of small Dagestan peoples in modern conditions]. *Sociologicheskie issledovanija*, 2013, 10, 354. P. 88–97. (In Russ.)
23. Sokolovskij S.V. Krjasheny vo Vserossijskoj perepisi naselenija 2002 goda. [Kryashens in the 2002 All-Russian Population Census]. 2-e izd. Naberezhnye Chelny: *KrjashIzdat*, 2009. 248 pp. (In Russ.)
24. Trudeau-Meisner M., Johns B.T., Taler V. Contextual diversity and picture naming: The role of aging and bilingualism. *Bilingualism: Language and Cognition*. Published, 2025, P. 1–17.
25. Ust'jancev G. Ju., Sinicya Ju. V., Fedorova O.V., Homchenkova I.A., Nasyrova R.R., Anan'ev A.A. Jetnologicheskij i lingvisticheskij aspekty identichnosti marijskikh jetnoaktivistov. Samosoznanie i jazykovye praktiki. [Ethnological and linguistic aspects of the identity of Mari ethnoactivists. Self-awareness and linguistic practices]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8. Istorija*, 2024, 65, 2. P. 97–119. (In Russ.)
26. Ust'yantsev G. Yu., Arkhipova M.N., Gruzdeva A.I., Nasyrova R.R., Rossyaikin P.O., Fedorova O.V. Detskii kumyksko-russkii bilingvizm glazami shkol'nikov i ikh

roditelei. Lingvisticeskii i etnosotsial'nyi aspekty. [Children's Kumyk-Russian bilingualism through the eyes of schoolchildren and their parents. Linguistic and ethnosocial aspects]. *Tomskii zhurnal lingvisticeskikh i antropologicheskikh issledovanii*. [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2025, 2. P. 50–66. (In Russ.)

27. von Erkert R. Der Kaukasus und seine Volker. Nach eigener Auschaung. Leipzig: Verlag von Paul Froberg, 1888.

INTERNET SOURCES

1. Vserossijskaja perepis' naselenija 2002 g. Nacional'nyj sostav naselenija po federal'nyh okrugam. [2002 All-Russian Population Census. Ethnic Composition of the Population by Federal Districts]. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus2002_02_fo.php.
2. Vserossijskaja perepis' naselenija 2010 g. Nacional'nyj sostav naselenija Rossijskoj Federacii. [2010 All-Russian Population Census. Ethnic Composition of the Population of the Russian Federation.]. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php.
3. Vserossijskaja perepis' naselenija 2021 g. [2020 All-Russian Population Census]. <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

Поступила в редакцию 20.06.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 25.01.2026

Received 20.06.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 25.01.2026

ОБ АВТОРАХ

Сергей Георгиевич Татевосов — заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; tatevosov@gmail.com

Ольга Евгеньевна Казьмина — заведующий кафедрой этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; okazmina@inbox.ru

Марьяна Николаевна Архипова — доцент кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; marta_ko@mail.ru

Мария Борисовна Панич — аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; shmak1280@gmail.com

Петр Олегович Россыйкин — инженер кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; petrrossyaykin@gmail.com

Федор Алексеевич Садковский — аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; лаборант-исследователь Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания РАН; feudor987@mail.ru

Герман Юрьевич Устьянцев — ассистент кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; ustyan-93@mail.ru

Ольга Викторовна Федорова — профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; olga.fedorova@msu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Sergei G. Tatevosov — Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; tatevosov@gmail.com

Olga E. Kazmina — Head of the Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; okazmina@inbox.ru

Mariana N. Arkhipova — Associate professor at the Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; marta_ko@mail.ru

Maria B. Panich — PhD Student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; shmak1280@gmail.com

Petr O. Rossyaykin — Engineer of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; petrrossyaykin@gmail.com

Fedor A. Sadkovskii — PhD Student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Research Assistant, Laboratory for Study and Preservation of Minority Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; feudor987@mail.ru

German Yu. Ustyantsev — Assistant of the Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; ustyan-93@mail.ru

Olga V. Fedorova — Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; olga.fedorova@msu.ru

КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОПАСЕНИЯ В БЕЖТИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

З.М. Халилова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; zaira.khalilova@gmail.com

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию конструкции со значением опасения, известной как категория апрехенсива. Впервые она рассматривается на материале бежтинского языка, который относится к цезской группе нахско-дагестанской языковой семьи. Для выражения апрехенсивного значения в бежтинском языке используется показатель подчиненной предикации *-dal*. Кроме того, апрехенсивную интерпретацию могут иметь временные придаточные предложения с значением ‘пока не’. Показатель *-dal* оформляет сентенциальный актанта при предикатах страха, выражая опасение возникновения нежелательной ситуации, а также используется в отрицательных целевых придаточных клаузах. Данные употребления подтверждают нефинитные свойства показателя *-dal*. Независимое использование показателя *-dal* допустимо с вопросительной клитикой в вопросах-размышлениях и в контрфактивных условных конструкциях. Показатель *-dal* в контексте апрехенсивной категории не обладает самостоятельным употреблением. В бежтинском языке морфема *-dal* классифицируется как апрехенсив. Она функционирует в контексте, где семантика опасения присутствует, однако не выражена другими лексическими или грамматическими элементами. В статье выдвигается гипотеза о том, что условное деепричастие является источником формирования апрехенсивного грамматического показателя.

Ключевые слова: бежтинский язык; апрехенсив; конструкции со значением опасения; сентенциальный актанта; предикаты страха; отрицательные целевые конструкции; инсубординация

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-2

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-18-00528п.

Для цитирования: Халилова З.М. Конструкции со значением опасения в бежтинском языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 31–42.

---

¹ Автор выражает глубокую признательность анонимным рецензентам журнала, а также Нине Добрушиной и Михаилу Даниэлю за их ценные рекомендации, которые были учтены при подготовке статьи. Все ошибки и недочеты принадлежат автору.

BEZHTA APPREHENSIVE CONSTRUCTIONS

Zaira M. Khalilova

*Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
zaira.khalilova@gmail.com*

Abstract: The paper is the first report on the apprehensive constructions in Bezhta (a Tsezic language within the Nakh-Daghestanian family). In Bezhta, the grammatical marker *-dal* is employed to convey a meaning of apprehension or anxiety. The marker *-dal* is mainly used in subordinate clauses. The most common use of *-dal* is to mark sentential complementation of matrix predicates expressing fear. *-dal* is also used in negative purpose constructions expressing both apprehension and negative purpose. Along with such a subordinate usage, the marker *-dal* together with the interrogative marker occurs in rhetorical questions and counterfactual conditional clauses. The marker *-dal* is not used independently as true apprehensive does. However, in Bezhta, *-dal* is considered as apprehensive, since it is able to function in contexts where the semantics of fear is present, yet not explicitly conveyed by other elements. The article posits that the source of the formation of the apprehensive marker can be traced back to the conditional converb.

Keywords: Bezhta; apprehensive; constructions expressing apprehension; sentential complementation; fear predicates; negative purpose clauses; insubordination

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation, grant no. 22-18-00528n.

For citation: Khalilova Z.M. (2026) Bezhta Apprehensive Constructions. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 31–42.

1. Введение

В типологии конструкции со значением опасения и предостережения получили освещение в нескольких работах. Среди основных работ можно выделить [Lichtenberk 1995] и [Добрушина 2006]. Конструкция со значением опасения, или апрехенсив, «сообщает о том, что может произойти некоторая нежелательная ситуация, которая вызывает у говорящего опасения» [Добрушина 2006]. В языках мира грамматические средства выражения опасения могут быть представлены как специализированными показателями, так и формами эпистемического наклонения, которые используются для передачи субъективной оценки вероятности или достоверности события. В бежтинском языке для передачи семантики опасения используется специализированная форма, маркируемая показателем *-dal*. Эта форма преимущественно функционирует в подчинительных предикативных конструкциях и крайне редко в независимых предложениях. В зависимых предикативных конструкциях данный показатель используется для оформления сентенциального актанта при глаголе 'бояться' и применяется в отрицательных целевых

придаточных предложениях. В независимой предикации *-dal* используется при оформлении вопросов, не требующих ответа, вопросов-размышлений и в условных конструкциях.

Исследования, посвященные конструкциям со значением опасения в дагестанских языках, немногочисленны. В статье [Dobrushina, Daniel in print] категория апрехенсива рассмотрена на примере трех дагестанских языков (арчинский, ахвахский и мегебский), в которых основным значением является употребление апрехенсива в независимой предикации. В настоящее время похожие работы на материале цезских языков отсутствуют. В данной статье проводится анализ конструкций, выражающих семантику опасения, на материале собственно бежтинского диалекта бежтинского языка. Большинство примеров взяты из корпуса бежтинских текстов [Халилов 2020], остальные примеры собраны методом элицитации. Статья состоит из следующих разделов: раздел 2 посвящен анализу различных типов полипредикативных конструкций, в состав которых входит апрехенсив. Раздел 3 содержит обсуждение источника развития апрехенсива. Синтаксические свойства апрехенсива представлены в разделе 4. В последнем разделе формулируются выводы.

2. Типы конструкций с апрехенсивом

Для выражения апрехенсивного значения в бежтинском языке используется показатель подчиненной предикации *-dal*, который функционирует в зависимых предикациях, т. е. во второй части сложного предложения. Добрушина [2006: 43] выделяет два типа полипредикативных предложений, для которых характерен апрехенсив. В первом типе главная часть предложения содержит императив, побуждающий к действию для предотвращения нежелательной ситуации, а вторая часть предложения с апрехенсивом описывает эту нежелательную ситуацию. Во втором типе полипредикативных предложений первая часть описывает некую ситуацию, которая является причиной другой ситуации, обозначенной во второй части и выраженной апрехенсивом. В бежтинском языке также представлены указанные типы.

(1) a. wodo   guh-dal,   хеҗи   билова   j-ěł'e
дождь   идти-APPR   быстро   домой   II-идти-IMP

‘Иди домой скорее, пока не пошел дождь!’

b. wodo   guh-dal,   kid   билова   j-ěł'e-jo
дождь   идти-APPR   девочка   домой   II-идти-PST

‘Девочка пошла домой, опасаясь, что вот-вот начнется дождь!’

В бежтинском языке апрехенсивную интерпретацию могут иметь временные придаточные предложения со значением *пока не*.

(2) a. wodo guw-al äjdä:, j-ěł'e biłova
 дождь идти-INF ПОКА.НЕ II-идти.IMP домой
 'Иди домой, пока не пошел дождь!'

b. wodo guw-al äjdä:, kid biłova j-ěł'e-jo
 дождь идти-INF ПОКА.НЕ девочка домой II-идти-PST
 'Пока не пошел дождь, девочка пошла домой.'

Апрехенсив обычно несовместим с маркерами отрицания [Lichtenberk 1995]. Однако в бежтинском языке *-dal* может следовать за показателем отрицания. В случае употребления *-dal* с отрицанием выражается опасение неосуществления желательной ситуации, а *-dal* без отрицательного показателя выражает опасение наступления нежелательной ситуации.

(3) abo Ø-ō q'a?-dal, kid iłela-s
 отец(I).ABS I-приходить-NEG-APPR девочка(II) звать-PRS
 'Девочка звонит отцу, беспокоясь, что он не придет.'

(4) bac'o m-oq'o-dal, kid j-ũcola-s
 волк(III).ABS III-приходить-APPR девочка(II) II-спрятаться-PRS
 'Опасаясь, что придет волк, девочка спряталась.'

Наиболее распространенное применение показателя *-dal* в зависимой предикации — это использование при оформлении синтаксических актантов при предикатах страха и при оформлении отрицательных целевых придаточных.

2.1. Синтаксический актант при предикатах со значением страха

Показатель *-dal* используется в качестве синтаксического актанта при предикатах со значением страха, которое выражает опасение возникновения нежелательной ситуации. В примерах ниже зависимая предикация при непереходном глаголе *hič'e*- 'бояться' выражена апрехенсивом.

(5) ädämlä:š šak m-eł'e-dal=na hič'e-na gej
 люди.GEN1 подозрение(III) III-идти-APPR=ADD бояться-CVB COP
 'Я боюсь, как бы люди меня не заподозрили.'

(6) Ali niso-s, hodo žena k'imalkoj gej,
 Али.ERG сказать-PRS этот все.еще сыр.COMIT COP
 wahaddijo b-öč'č'ö=nä b-olo-dal gej
 такой III-пустой=ADD III-заканчивать-APPR COP
hič'e-na do=ło
 бояться-CVB я=QUOT

‘Али говорит, что курсе с сыром еще есть и что он боится, как бы еще и хинкал не закончился.’

С глаголами страха использование апрехенсива не зависит от наличия или отсутствия отрицательной морфемы, т. е. апрехенсив используется независимо от контекстов с отрицательной оценкой. Пример (7) выражает опасение наступления нежелательной ситуации, а пример (8) — опасение неосуществления желательной ситуации.

(7) do hič'e-š abo Ø-ǫq'o-dal
я бояться-PRS отец(1) I-приходить-APPR

‘Я боюсь, как бы не пришел отец.’

(8) do hič'e-š abo Ø-ǫq'a?-dal
я бояться-PRS отец(1) I-приходить-NEG-APPR

‘Я боюсь, что отец не придет.’

Сентенциальный актант, оформленный показателем *-dal*, возможен не только при глагольных предикатах страха, но также и при именных предикатах. В примере (9) зависимая часть при именном предикате *urvel gej* ‘беспокоиться (досл. ‘иметь беспокойство’)’ оформлена апрехенсивом.

(9) nišelco gej urvel šajt'alla Ø-eže<Ø>ako-dal
ночью COP беспокойство черт.ERG.PL I-мешать<I>-APPR

‘Я беспокоюсь, что ночью меня могут потревожить шайтаны.’

Апрехенсив используется с глаголами мыслительной деятельности (‘думать’, ‘казаться’), вводящими чужую речь с использованием кватативной клитики, но не используется с глаголами речи, типа ‘говорить’. Пример (10) выражает опасение, что персонаж не найдет свою возлюбленную Унайжат.

(10) ünäjžät j-ĩq-a?-dal=λona gic'-ijo
Унайжат II-находить-NEG-APPR=QUOT казаться-PST

‘Мне казалось, что я не найду Унайжат.’

2.2. Отрицательные целевые конструкции

Апрехенсивом оформляется отрицательное целевое придаточное. В таком употреблении показатель *-dal* выражает как апрехенсивное значение, так и отрицательную цель, т. е. в придаточном предложении выражается опасение возникновения определенной ситуации, и в то же время действие главного предложения нацелено на предотвращение ситуации в зависимом придаточном. Отрицательное целевое придаточное с *-dal* соответствует русскому *чтобы не, как бы*

не. Такие примеры всегда можно перевести перифразой ‘опасаясь, что + глагол’.

- (11) do gäč'ela? ědo biło? ädäm-lä m-oq'o-**dal**
 я быть.NEG.CVB внутри дом.IN человек-PL NPL-приходить-APPR
 λ'alo=na j-ōso-na, λ'odo
 камень(IV)=ADD IV-сыпать-CVB сверху
 zaz gul-ca do
 хворост класть-PRS я.ERG

‘Когда меня нет дома, чтобы люди не пришли, я кладу сверху камней хворост.’

Апрехенсивное значение может быть передано посредством специализированного отрицательного конверба (пример 12) или через целевой конверб в отрицательной форме (пример 13).

- (12) Ø-ek-al-le?eł Ø-eccak'-na huli=na taχli-λ'a
 I-падать-INF-NEG.PURP I-опускать-CVB 3SG(I).ABS=ADD bed.OBL-SUP
 āko Ø-ěλ'e-jo
 пластом I-идти-PRST

‘Чтобы не упасть, он опустил его на кровать и прилег.’

- (13) isi-l Ø-ega-je?-Ħa, biłodoj
 сестра-LAT I-видеть-NEG-PURP дом.APUD
 šebła? Ø-ūcola-na Ø-eče-na gej
 рядом I-прятаться-CVB I-быть-CVB COP

‘Он спрятался рядом с домом, чтобы сестра его не заметила.’

Отрицательное целевое придаточное также можно выразить с помощью причинного конверба от глагола ‘хотеть’ в отрицательной форме. В примере (14a) говорящий выражает опасение, что может произойти ситуация, описанная в придаточном предложении. В примере (14b) такого опасения у говорящего нет.

- (14) a. k'ok'o-**dal** do daru χuło-jo
 болеть-APPR я лекарство пить-PRST

‘Опасаясь заболеть, я выпила лекарство.’

- b. k'ok'-al j-at'-a?a-ł do daru χuło-jo
 болеть-INF II-хотеть-NEG-CAUS.CVB я лекарство пить-PRST

‘Так как я не хотела болеть, я выпила лекарство.’

3. Источник происхождения показателя апрехенсива

Показатель *-dal* впервые упоминается в очерке на материале глядальского диалекта бежтинского языка [Kibrik, Testelet's 2004: 267] и описывается как превентивное причастие, являющееся отрицательным вариантом целевого причастия. Однако в собственно

бежтинском диалекте целевое причастие с показателем имеет соответствующую отрицательную форму. В бежтинской грамматике [Комри и др. 2015: 385] конструкция с *-dal* анализируется как условно-нежелательная. Наиболее достоверным источником происхождения апрехенсивного показателя можно считать условное деепричастие с показателем *-da* и суффиксом латива *-l*. Указанные показатели являются распространенными производящими элементами для различных категорий в бежтинском языке. В бежтинском языке, как и в ряде других языков Дагестана, форма условного деепричастия с суффиксом *-da* служит основой для образования деепричастия уступки посредством присоединения аддитивной клитики *-na*. Направительный падеж латив *-l* является самым распространенным падежом, используемым в абстрактных значениях.

Исходная функция латива заключается в маркировании ситуации движения к конечной точке, т. е. направления к ориентиру. Латив способен выражать абстрактные или переносные значения, обозначая конечный момент временного отрезка. Так, маркирование лативом временного адресата при предикате 'давать' [Daniel et al. 2010] можно рассматривать и как прямое значение падежа, и как переносное, т. е. происходит движение к конечной точке, к адресату. Абстрактное значение достижения конечной временной точки может быть представлено с использованием постериорного деепричастия, обозначаемого суффиксом *-cal*, который указывает на временные рамки 'пока', 'до тех пор, пока'. Эта грамматическая форма формируется путем комбинирования показателя настоящего времени *-sa* и лативного суффикса *-l*.

Сочетание условного конверба и направительного падежа со значением достижения конечной точки времени грамматикализовалось в показатель со значением апрехенсива. Связь условных конструкций с категорией апрехенсива отмечена и в других языках, например, в ахвахском языке [Daniel et al.] Так, в русском языке апрехенсивную интерпретацию имеет союз *a to*, который выражает «значение нежелательной ситуации в будущем, которой следует избежать, выполнив предписания говорящего». Этот тип предложений отнесен В.И. Подлесской к условным конструкциям [Podlesskaja 1997]. Ср.: *Если будешь трогать собаку, она укусит; Если не пойдём скорее, то опоздаем* [Добрушина 2006: 43].

В эхо-вопросах особенно ярко проявляется условная интерпретация маркера *-dal*. Так, примеры (15) можно перевести с использованием условной конструкции, *Что если пойдет* или *Что если произойдет*. Следует отметить, что использование вопросительной

клитики в частных вопросах не является обязательным в бежтинском языке.

(15) a. sijo guh-dal, kid biłova j-ěł'e-jo
 что идти-APPR девочка домой II-идти-PR

‘Что боялась девочка, возвращаясь домой?’ досл. ‘Что же, опасаясь, **если пойдет**, девочка пошла домой?’

b. sijo j-aq-dal, kid biłova j-ěł'e-jo
 что IV-становиться-APPR девочка домой II-идти-PR

‘Что боялась девочка, возвращаясь домой?’ досл. ‘Что же, опасаясь, **если произойдет**, девочка пошла домой?’

4. Синтаксические свойства и финитное употребление

Конструкции, представленные в разделе 2, демонстрируют нефинитные свойства *-dal*, которым маркируется предикат в зависимой предикации. О нефинитности данного показателя можно судить и по его способности выступать определением. Апрехенсив, как инфинитив и причастие, может обладать атрибутивными свойствами, т. е. служит определением к существительному.

(16) žü hollol Ø-ega-dal-la-s hinq'i=na gäč'el
 self они.LAT I-видеть-APPR-OBL-GEN I страх=ADD быть.NEG.CVB

‘Даже не думая, что его могут увидеть.’ (досл. ‘страх быть увиденным’)

Финитность апрехенсива проявляется в способности выступать предикатом независимой предикации. Такое финитное употребление является периферийным. Апрехенсив может функционировать как независимый предикат только в сочетании с вопросительной клитикой в вопросах-размышлениях (или риторических вопросах) и в контрфактивных условных конструкциях. Сама по себе вопросительная клитика $=d/=di$ в бежтинском языке может сочетаться с любым компонентом в вопросительном предложении. Позиция вопросительной клитики зависит от фокуса вопроса: при вопросе ко всей пропозиции в целом, $=d/=di$ примыкает к финитному глаголу. Чаще всего в общих вопросах клитика присоединяется к финитному глаголу, выражая предикативный, общий фокус, а в частных вопросах вопросительная клитика факультативна. В риторических вопросах $=d/=di$ всегда следует за *-dal*, т. е. присоединяется только к самому апрехенсиву и присоединение $=d/=di$ к другим компонентам риторического вопроса невозможно.

(17) häž b-oj-č'e-zu dena Ø-đq'o-l, k'et'o
 хадж(III) III-делать-NEG.CVB-FOC назад I-приходить-AS хороший
 niso-dal=di ädäm-lä:
 сказать-APPR=QUES человек-ERG.PL

‘Если я вернусь, не совершив хадж, разве сельчане одобряют?’

Следующим контекстом употребления *-dal* с вопросительной клитикой является цитативная конструкция, а именно конструкции с сентенциальными актантами с глаголами речи, ментальными и эмотивными глаголами. В бежтинском языке цитативная конструкция часто сопровождается цитативной клитикой =*λo*. Цитативные конструкции, содержащие вопросительные, ложные или сомнительные утверждения, оформляются при помощи вопросительной цитативной клитики =*λona*, которая применяется исключительно в зависимых клаузах [Khalilova 2025: 132].

(18) it'ina   q'ojla-l   hideš   xabar
 маленький ребенок.OBL-LAT   self.PL.GEN1   разговор(III)
 bidži<b>aq-dal=di=λona   holco-λ'a   sijo=na
 понимать<III>APPR=QUES=QUOT   2SG.OBL-SUP   что=ADD
 heλ'ar   b-ow-a?a-s   hollo
 внимание(III)   III-делать-NEG-PRS   они.ERG

‘Они не боялись, что ребенок поймет их разговор, поэтому не обращали на него внимания.’

Как предикат независимой предикации апрехенсив с вопросительной клитикой часто встречается в контрфактивных условных конструкциях в аподозисе. Конструкция с контрфактивным условием образуется с помощью частицы сослагательного наклонения, частицы ирреалиса *q'oda*:, которая присоединяется к форме глагола в протазисе, и с помощью финитной формы глагола и специальной формы глагола-связки (*gä:/gä:lo*) в аподозисе. В примерах ниже описывается маловероятная ситуация, которая необязательно имеет значение нежелательности и предостережения.

(19) mi   hugda:la?   zuq'-eʔeš-q'oda:,   do   wahla: c'ixo-da:
 ты   там   быть-NEG.PST-IRR   я   так   далеко-DIR
 hič'-eč'e   j-ēλ'e-dal=di   gä:lo
 бояться-NEG.CVB   II-идти-APPR=QUES   COP.IRR

‘Если бы тебя там не было, разве пошла бы я смело так далеко?’

(20) jaccal,   hogo:lo   qazaqba:-d   j-iλ'ell-ijo-q'oda:,
 кухня   то.время   грузин.PL-INST   II-убивать-PST-IRR
 žensa   mi   č'ägö   j-aq-dal=di   gä:lo=λo   niso-na
 сегодня ты   живой   II-быть-APPR=QUES   COP.IRR=QUOT   сказать-CVB

‘Кухина, если бы грузины тогда убили нас, тебя бы сейчас не было в живых, — сказал он.’

Контрфактивная условная конструкция необязательно содержит протазис с зависимой предикацией. В таком случае апрехенсив с во-

просительной частицей и специальной формой глагола-связки используется в контрфактивных условных конструкциях в аподосизе без зависимой клаузы.

(21) hollo:l b-eče-jo mǎče b-iq'-a?a-s zuq'o-jo,
они III-быть-PST.PTCP место(III) III-знать-NEG-PRS быть-PST
betas wahdosinab q'o=na b-oh-na Ø-eče-dal=di gä: do
иначе много страдании(III)=ADD III-делать-CVB I-быть-APPR=QUES IRR я
'Я не знал место, где они спрятались. Иначе разве бы я так долго мучился.'

В дагестанских языках широко распространено использование нефинитных форм глагола в независимых предикативных конструкциях. Такое явление известно под термином инсубординации (расподчинение) [Evans 2007]. Примером инсубординации является эвиденциальная форма прошедшего времени, которая в одних цезских языках образуется полной утратой финитной глагольной связки (копулы), а в других цезских языках данная копула сохраняется [Comrie et al. 2016; Comrie et al. 2012]. К возможным примерам инсубординации можно отнести употребление апрехенсива в сочетании с вопросительной клитикой и частицей ирреалиса в независимой предикации в контрфактивных контекстах.

5. Выводы

В статье была представлена ранее не описанная конструкция со значением опасения, известная как категория апрехенсива, которая в бежтинском передается с помощью *-dal*. В основном данный показатель используется в подчиненных предложениях, которые выполняют роль актантов при предикатах, выражающих страх. Также *-dal* встречается в отрицательных целевых придаточных предложениях.

Показатель *-dal* в контексте апрехенсивной категории не обладает самостоятельным употреблением. Однако в бежтинском языке *-dal* рассматривается как апрехенсив, так как он способен функционировать в контекстах, где семантика опасения присутствует, но не выражена другими элементами. Источником происхождения бежтинского апрехенсива можно считать условное деепричастие в сочетании с показателем латива.

В ходе сравнительного анализа данных близкородственных языков следует отметить, что специализированный показатель апрехенсива подчинительной предикации присутствует в гунзибском языке [van den Berg, 1995: 99] и отсутствует в остальных трех западно-цезских языках.

Ввиду недостаточной изученности категории апрехенсива в дагестанских языках представляется преждевременным делать выво-

ды о функционировании показателя *-dal* в контекстах, не выражающих опасение. Это относится, например, к его употреблению в контрфактивных условных конструкциях. Данные аспекты требуют дальнейшего исследования.

ГЛОССЫ

ABL — аблатив, ABS — абсолютив, ADD — аддитивная клитика, APPR — апрехенсив, CVB — конверб, ERG — эргатив, FOC — фокусная частица, GEN — генитив, HPL — (human plural) 'разумное' множественное, INF — инфинитив, INST — инструментальный падеж, IRR — ирреалис, LAT — латив, NEG — negative, OBL — косвенная основа, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время, PTCP — причастие, QUES — вопросительная частица, QUOT — квотатив, SUP — супер-эссив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добрушина Н.Р. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 28–67.
2. Комри Б., Халилов М.Ш., Халилова З.М. Грамматика бежтинского языка: Фонетика. Морфология. Словообразование. Махачкала, 2015.
3. Халилов М.Ш. На устах у бежтинцев: легенды, предания, сказки и рассказы. М., 2020.
4. Comrie B., Forker D., Khalilova Z. Adverbial clauses in the Tsezic languages // V. Gast, H. Diessel (eds.) / Clause Linkage in Cross-Linguistic Perspective. Berlin, 2012. P. 157–190.
5. Comrie B., Forker D., Khalilova Z. Insubordination in the Tsezic languages // N. Evans, H. Watanabe (eds.), The Dynamics of Insubordination. Amsterdam, 2016. P. 171–182.
6. Daniel M., Khalilova Z., Molochieva Z. Ditransitive constructions in East Caucasian: A family overview // A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.), Studies in Ditransitive Constructions / Berlin, 2010. P. 277–315.
7. Dobrushina, N. Negation in the complement clauses of the fear-verbs. // Functions of Language, Volume 28, Issue 2. 2021. P. 121–152.
8. Dobrushina N., M. Daniel. Apprehensive in East Caucasian. MS.
9. Evans, N. Insubordination and its uses. Finiteness: Theoretical and empirical foundations. Oxford, 2007.
10. Heine, B. On the role of context in grammaticalization // I. Wischer, G. Diewald (eds.), New reflections on grammaticalization / Amsterdam, 2002. P. 83–101.
11. Kibrik A. E., Testelefs Ja. G. Bezhta // V. Job (ed.), The Indigenous Languages of the Caucasus, 3: The North East Caucasian Languages Part 1 / Delmar, NY, 2004. P. 217–295.
12. Lichtenberk, F. Apprehensional epistemics // J. Bybee, S. Fleischman (eds.), Modality in grammar and discourse, (Typological Studies in Language 32), Amsterdam, 1995. P. 293–327.
13. Podlesskaja, V.I. Syntax and Semantics of Resumption: Some Evidence from Russian Conditional Conjuncts. *Russian Linguistics* 21, 1997. P.125–155.
14. van den Berg, Helma. A grammar of Hunzib. Munich, 1995.

REFERENCES

1. Comrie B., Forker D., Khalilova Z. Adverbial clauses in the Tsezic languages // V. Gast, H. Diessel (eds.) / *Clause Linkage in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin: De Gruyter. 2012. P. 157–190.
2. Comrie B., Forker D., Khalilova Z. Insubordination in the Tsezic languages // N. Evans, H. Watanabe (eds.), *The Dynamics of Insubordination*. Amsterdam: John Benjamins. 2016. P. 171–182.
3. Daniel M., Khalilova Z., Molochieva Z. Ditransitive constructions in East Caucasian: A family overview // A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.), *Studies in Ditransitive Constructions* / Berlin: De Gruyter. 2010. P. 277–315.
4. Dobrushina N. Grammatičeskie formy i konstrukcii so značeniem opaseniya i predostereženija. [Grammatical forms and constructions expressing apprehension and warning] *Voprosy jazykoznanija*. 2006. № 2. P. 28–67. (In Russ.)
5. Dobrushina, N. Negation in the complement clauses of the fear-verbs. // *Functions of Language*, Volume 28, Issue 2, 2021. P. 121–152.
6. Dobrushina N., M. Daniel. Apprehensive in East Caucasian. MS.
7. Evans, N. Insubordination and its uses. *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007.
8. Heine, B. On the role of context in grammaticalization // I. Wischer, G. Diewald (eds.), *New reflections on grammaticalization* / Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 2002. P. 83–101.
9. Khalilov M.Sh. Na ustakh u bezhtintsev: legendy, predaniya, skazki i rasskazy [Bezhta texts]. Moscow: Institute of Linguistics RAN, 2020.
10. Kibrik A. E., Testelefs Ja. G. Bezhta // V. Job(ed.), *The Indigenous Languages of the Caucasus*, 3: The North East Caucasian Languages Part 1 / Delmar, NY, 2004. P. 217–295.
11. Komri B., Khalilov M.Sh., Khalilova Z.M. Grammatika bezhtinskogo yazyka [A grammar of Bezhta]. Leipzig: Makhachkala: ALEF. 2015. (In Russ.)
12. Lichtenberk, F. Apprehensional epistemics. // J. Bybee, S. Fleischman (eds.), *Modality in grammar and discourse*, Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1995. P. 293–327.
13. Podlesskaja, V.I. Syntax and Semantics of Resumption: Some Evidence from Russian Conditional Conjuncts. *Russian Linguistics* 21, 1997. P. 125–155.
14. van den Berg, Helma. A grammar of Hunzib. Munich: Lincom. 1995.

Поступила в редакцию 22.08.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 17.01.2026

Received 22.08.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 17.01.2026

ОБ АВТОРЕ

Зайра Маджидовна Халилова — к.ф.н., старший научный сотрудник Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания РАН; zaira.khalilova@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Zaira M. Khalilova — PhD, Senior Researcher, Laboratory for Study and Preservation of Minority Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; zaira.khalilova@gmail.com

РЕДУЦИРОВАННЫЕ СРЕДСТВА РЕФЕРЕНЦИИ В ПОЗИЦИИ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ И ОБЪЕКТНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ В ЛЕСНОМ НЕНЕЦКОМ

С.Ю. Толдова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; stoldova@hse.ru*

Аннотация: В статье рассматривается распределение редуцированных средств референции, которые используются при повторном упоминании некоторой сущности (референта) в позиции прямого дополнения (ПД) в лесном ненецком языке (ненецкая подгруппа северной группы самодийской ветви уральской языковой семьи). Данными для исследования послужили тексты на лесном ненецком из двух корпусов текстов: из корпуса текстов, созданного в Гамбургском университете (INEL Nenets Corpus) и из корпуса текстов, собранных в ходе коллективных экспедиций в Пуровский район с 2023 по 2025 гг. (HSE FoNeCo). В ряде уральских языков глагол может согласовываться с ПД. В таком случае он оформляется субъектно-объектным спряжением. В этих языках представлено дифференцированное кодирование ПД в глаголе: переходные глаголы могут оформляться как показателями субъектного, так и субъектно-объектного спряжения. Как отмечают многие исследователи, для таких языков характерно как опущение подлежащего (субъектный pro-drop), так и отсутствие выраженного на поверхности ПД (объектный pro-drop). Анализ корпусных данных показал, что в лесном ненецком при повторном упоминании референта в позиции ПД такое ПД чаще всего не выражается ни местоимением, ни лексически полной именной группой. При отсутствии выраженной именной группы выбирается именно субъектно-объектное спряжение. Полные местоимения используются крайне редко, например, при эфазе. В корпусе представлено несколько случаев, когда при ПД, не выраженном именной группой, глагол оформлен показателем субъектного спряжения. Это случаи, когда опущенное ПД имеет генерический или родовой референциальный статус. Таким образом, в лесном ненецком основным редуцированным референциальным средством для позиции ПД является показатель субъектно-объектного спряжения на глаголе.

Ключевые слова: лесной ненецкий; корпус; анафора; референциальный выбор; субъектно-объектное спряжение

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 24-28-01464 «Грамматическое описание и документация лесного ненецкого языка».

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-3

Для цитирования: Толдова С.Ю. Редуцированные средства референции в позиции прямого дополнения и объектное согласование в лесном ненецком // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 43–54.

REDUCED REFERENTIAL DEVICES IN THE DIRECT OBJECT POSITION AND OBJECT AGREEMENT IN FOREST NENETS

Svetlana Yu. Toldova

*National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia;
stoldova@hse.ru*

Abstract: The research is dedicated to the referential choice in Forest Nenets (Northern subgroup of the Samoyedic branch of Uralic languages), namely, the choice of reduced referential devices in the direct object (DO) position. In Forest Nenets free pronouns (the full form of the 3rd person pronoun and demonstratives) can be used in case of second referent mentioning, or there could be no overt noun phrase in the DO position (in some works the term ‘object pro-drop’ is used for these cases). The research is based on real-life data from two spoken corpora: INEL Nenets Corpus (<https://inel.corpora.uni-hamburg.de/NenetsCorpus/search>) and the texts collected during team field-trips to the Purovsk district in 2023 till 2025 (HSE FoNeCo). The absence of an overt noun phrase in the DO position usually triggers object agreement in Forest Nenets (as in many other Uralic languages with object agreement). Nenets has optional object agreement, both Subject agreement and Subject-Object agreement markers are possible with transitive verbs. The main questions are what devices are used in Forest Nenets in case when the pronominal anaphora in the DO position is used in Russian translation, whether pronominal anaphora in Nenets is frequent, what the distribution of different agreement markers is in these cases. Corpus data analysis has shown that in the majority of contexts no overt pronouns or lexical noun phrases are used to express DO, however, almost always the DO object agreement markers are used. There are some cases when Subject agreement is used with no overt NP in DO position. However, all of them are cases of generic reference. Thus, the corpus study has shown that Subject-Object agreement is the main reduced device for expressing a referent in DO position in Forest Nenets and it is nearly obligatory in case of absence of an overt NP in a clause.

Keywords: Forest Nenets; corpora; anaphora; reduced reference devices; Subject-Object conjugation

Funding: This research has been supported by RSF, project no. №24-28-01464 «Grammatical description and documentation of the Forest Nenets language».

For citation: Toldova S.Yu. (2026) The Reduced Referential Devices in the Direct Object Position and the Object Agreement. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 43–54.

1. Введение

В многочисленных исследованиях дискурса и референции (см., например, [Givón 1983; Kibrik 2011] и др.) активно обсуждается вопрос о том, каков репертуар референциальных выражений, которые говорящий может использовать при повторном упоминании некоторой сущности (референта), какими редуцированными средствами располагает тот или иной язык (к редуцированным средствам относятся, например, анафорические местоимения), от чего зависит их распределение. Особое внимание в исследованиях занимают языки, в которых допустимо отсутствие выраженной на поверхности именной группы (ИГ) для обозначения такого референта. Как правило, это языки, в которых возможно так называемое опущение местоимения в позиции подлежащего (часто говорят о pro-drop языках). Так, например, в русском предложении *Вася пришел сегодня поздно. (Он) Так устал, что даже не стал есть.* можно считать, что не выражено местоимение третьего лица, которое легко может быть восстановлено. Во многих таких языках (как, например, в русском) глагол согласуется с подлежащим. А.А. Кибрик [Kibrik 2011] такие случаи относит к случаям, когда редуцированным средством кодирования референта является связанный кросс-референциальный маркер, т. е. глагольный аффикс.

В примере выше и далее по статье будем использовать следующие термины и обозначения: под ИГ имеются в виду как лексически полные именные группы, так и местоимения; при опущении ИГ или при употреблении местоимения будем называть антецедентом такую ИГ, которая соответствует упоминанию референта в предыдущем контексте (в примере выше ИГ *Вася* является антецедентом опущенной ИГ, либо антецедентом местоимения *он*); двум ИГ, обозначающим один и тот же референт, будем приписывать один и тот же референциальный индекс: *Вася_i сказал, что Ø_i придет.*

Уральские языки относятся к pro-drop языкам (см., например, [Laakso and Metslang 2022], о самодийских языках см. [Терещенко 1973]). Исследователи отмечают также, что в языках, где возможно согласование глагола с прямым дополнением (ПД), возможен объектный pro-drop, т. е. в предикации может отсутствовать выраженная на поверхности ИГ в позиции прямого дополнения [Klumpp, Skribnik 2022; Janda, Laakso and Metslang 2022].

В настоящей работе рассматриваются данные лесного ненецкого языка, который также, как и другие северо-самодийские языки, имеет субъектно-объектное спряжение. В нем представлено такое явление, как вариативное кодирование прямого дополнения, т. е. переходный глагол может либо оформляться по субъектному спря-

жению, либо по субъектно-объектному (т. е. согласовываться с ПД). На выбор спряжения могут влиять различные дискурсивные факторы (информационный статус ПД, его референциальные свойства и др.)¹. Согласно данным И. Николаевой [Nikolaeva 2014], в тундровом ненецком в случае невыраженного ПД показатель субъектно-объектного спряжения на глаголе практически обязателен.

Цель настоящего исследования — на основе анализа спонтанных устных текстов выявить частотное распределение различных редуцированных анафорических средств в лесном ненецком языке, определить, как отсутствие выраженного ПД коррелирует с наличием показателя объектного спряжения на глаголе, является ли маркер субъектно-объектного спряжения основным редуцированным средством референции в лесном ненецком.

Лесной ненецкий язык² относится к северной подгруппе самодийской ветви уральской языковой семьи. Он распространен в Ямало-Ненецком автономном округе и на севере Ханты-Мансийского автономного округа. Выделяют три основных говора: пуровский, аганский и нумтовский. В настоящей работе рассматриваются данные пуровского говора. Лесные ненцы являются малочисленным народом, их численность не превышает 2000 человек, из них владеют языком не более 900 человек³.

Материалом исследования послужили данные двух корпусов устных текстов: (1) подкорпуса пуровского говора Гамбургского корпуса ненецкого языка (INEL Nenets Corpus, см. [Budzisch&Wagner-Nagy 2024], <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/NenetsCorpus/search>), в корпус вошли фольклорные тексты, записанные Полиной Гильевой Турутиной [Турутина 2003], а также тексты, собранные и проанализированные Светланой Игоревной Бурковой в 2003 г.; (2) корпус текстов, собранных в ходе групповых экспедиций студентов и сотрудников НИУ ВШЭ и студентов отделения ТиПЛ филологического факультета МГУ в 2023–2025 гг. (об экспедициях см. [Агичева, Козлов, Толдова в печати] (HSE FoNeCo). Объем первого корпуса — 11 190 словоупотреблений, 1878 предложений. Второй корпус на момент исследования составлял около 4500 словоупотреблений. Также в работе используются данные, полученные методом элици-

¹ Факторы, влияющие на выбор спряжения в тундровом ненецком, описаны, в частности, в [Nikolaeva 2014], фактор информационной структуры как влияющий на выбор спряжения в лесном ненецком кратко обсуждается в [Klumpp, Skribnik 2022].

² В статье используется термин *лесной ненецкий язык* (во многих предыдущих исследованиях говорят о лесном диалекте ненецкого языка) в соответствии со списком языков народов России Института языкознания РАН [Коряков и др. 2022]

³ Согласно данным института языкознания РАН <https://minlang.iling-ran.ru/lang/neshanskiy-yazyk>.

В (1) ПД *pa-ti* ‘дрова’ стоит во множественном числе, глагол принимает окончание субъектно-объектного спряжения *-t°*, соответствующее множественному числу ПД.

Как было сказано выше, переходные глаголы могут присоединять как показатели субъектного спряжения, так и субъектно-объектно-го спряжения ПД:

- (2) ma-ma-n-ta   taj-xana   što   **še-m-ta**   māta
 сказать-АСТ2-СО-OBL.3SG   пусть-LOC.SG   что   язык-ACC.SG-POSS.3s   срубить.[3SG.S]
 pita   māta-ŋa-ta
 PRO3SG.[NOM.SG]   срубить-СО-3PL.SG.O

‘Чтобы не сказала, что язык отрезал, он (Коньчеей Копаныта) язык ей отрезал.’ (INEL Nenets Corpus, PIK_TPG_2002_KoncheeyKopanyta_flk.PIK.232 (243)⁵)

В (2) в первой предикации глагол *māta* ‘срубить, отрезать’ оформлен по субъектному спряжению (нулевое окончание), во второй предикации к основе присоединен суффикс субъектно-объектного спряжения *-ta*. Варьироваться также может падежное оформление ПД (см., например, [Кошкарёва 2005]). В настоящей работе падежная вариативность остается за рамками обсуждений. Единственное грамматическое ограничение на выбор спряжения, которое упоминается в литературе (см., например, [Burkova 2022]) — это случай, когда в позиции ПД стоит личное местоимение (когда ПД — местоимение 1-го или 2-го лица, ограничения не зависят от того, выражено оно или опущено). Субъектно-объектное спряжение в этом случае невозможно.

Описывая выбор спряжения в тундровом ненецком, И. Николаева [Nikolaeva 2014] указывает, что выбор объектного спряжения зависит от статуса ПД в информационной структуре высказывания (см. также [Klumpp, Skribnik 2022]). В некоторых контекстах при этом выбор субъектно-объектного спряжения обязателен. В лесном ненецком при опросе носителей языка не удалось выявить аналогичных строгих ограничений. Единственный контекст, где нельзя опустить показатель субъектно-объектного спряжения, который удалось выявить, — это контекст, когда ПД не выражено на поверхности никакой ИГ:

- (3) Neša-j   **kał°**   kata-maj,   nēma-j
 Отец-POSS.1SG   рыба.ACC.PL   добыть-EVID   мать-POSS.1SG
 pīl' i-d' ā-ta   / *pīl' i-d' ā
 варить-SFS-3SG.PL.OBJ   /   варить-SFS[3SG]

‘Отец рыбу поймал, мать сварила.’

⁵ PIK_TPG_2002_KoncheeyKopanyta_fk.PIK.232 (243) — ссылка на пример в INEL Nenets Corpus.

Интерес представляют следующие вопросы: в каких случаях и насколько часто в лесном ненецком ПД опускается в реальных текстах, обязателен ли при этом показатель субъектно-объектного спряжения в глаголе.

3. Редуцированные референциальные средства в позиции ПД в лесном ненецком. Данные корпусов

3.1. Несколько предварительных замечаний об опущении прямого дополнения

Когда говорят о pro-drop языках, прежде всего имеют в виду языки, в которых в предложении не обязательно выражать подлежащее. Во многих таких языках редуцированный способ референции представлен аффиксальным маркированием. Многие исследователи уральских языков отмечают, что в языках с субъектно-объектным спряжением показатели этого спряжения могут использоваться как редуцированное средство кодирования ПД (см., например, [Klumpp, Skribnik 2022]).

Опущение ПД возможно и в русском: *Мама покормила Машу_i, а сестра Ø_i отвела в школу*. Однако возможность такого опущения имеет синтаксические ограничения: обе предикации должны находиться в одном предложении, антецедент опущенной ИГ должен занимать позиции ПД. Так в примере **Маша_i встала, а сестра Ø_i отвела в школу* нельзя опустить ПД, поскольку ИГ *Маша* из первой предикации занимает позицию подлежащего, а не ПД.

Таким образом, при обсуждении возможности опущения ИГ нас будет интересовать ответ на следующий вопрос: можно ли опустить ИГ по тем же дискурсивным правилам, по которым в языках типа русского употребляются анафорические местоимения. Прежде всего мы имеем в виду, что антецедент анафорического местоимения в дискурсе либо занимает неподлежащую позицию в той же предикации, либо может находиться в предшествующих предложениях (не обязательно в ближайшем).

3.2. Объектный pro-drop в лесном ненецком по материалам корпусов

В текстах из обоих корпусов достаточно частотны случаи, когда описывается серия манипуляций с каким-то референтом. В таких случаях ПД не выражено, глагол оформлен субъектно-объектным спряжением. Рассмотрим фрагмент текста:

(4) 1)	ńum-ta	čik'e-n	me-ŋa-ta.
	ребенок-ACC.SG-OBL.3SG	тот-LOC.ADV	делать-CO-3SG.SG.O
2)	Ø weta-štu-ta	Ø tamna	d'il'e-štu
	стеречь-НАВ-3SG.SG.O	Ø еще	жить-НАВ.[3SG.s]

3)	šan-l'i	po	mi-ʔ	n'i-x'ij
	сколько-NOM.SG.2SG	год.[NOM.SG]	жить-CNG	NEG-3DU.S
4)	ɲaml'-uud'i-x'ina	Ø	ɲamla-štu-ta	
	еда-DIM1-LOC.SG		кормить-НАВ-3SG.SG.O	

‘Ребенка своего туда положила. Оглядывает его: еще живой. Сколько лет так жили — неизвестно, едой скудной Ø кормила.’ (TPG_2002_Wella_flk.056 (001.056))

В (4) манипуляции производятся с ребенком. В 1) соответствующая ИГ занимает позицию ПД, в 2) предикации ИГ в позиции ПД отсутствует. Глагол оформлен показателем субъектно-объектного спряжения. В 3) ребенок не упоминается. Однако в 4) ИГ в позиции ПД также опущена.

Антецедент может занимать другую синтаксическую позицию (не ПД):

(5) 1)	n'i	ɲaške-l	mun'-ši	me
	жена[NOM.SG]	ребёнок.NOM.SG.-2SG	звук-CAR	делать[3SG.S]
	šej-ta	kad'a.		
	сердце-nom.sg. 3sg	уйти [3sg.s]		
2)	wen-kašuta-li	šiča	ɲa-xet-a-tta	
	собака-жила-NOM.SG.2SG	два	нога-ABL.SG-EP-OBL.3SG	
	neʔkaɫ-ɲa-ta	p'i-n	kana-ɲa-ta	
	вынуть-CO-3SG.SG.O	пространство.вне.дома-LAT.SG	увезти-CO-3SG.SG.O	

‘Девочка молчит, испугалась. Собачья половинка ее за две ноги схватил, на улицу вытащил.’ (TPG_2002_DogHalf_flk.023 (INEL / Turutina 2003: 33))

В (5) повторно упоминается девочка. В 1) соответствующая ИГ занимает позицию подлежащего, в 2) ИГ в позиции ПД не выражена, глаголы обеих предикациях в субъектно-объектном спряжении.

Таким образом, корпусные данные подтверждают, что опущение ПД в лесном ненецком подчиняется тем же дискурсивным правилам, что и анафора в русском. Показатели субъектно-объектного спряжения могут служить редуцированным референциальным средством.

3.3. Употребление анафорических и указательных местоимений

В корпусе встретились случаи, когда ПД выражено либо указательным местоимением (6) (в лесном ненецком для анафорической отсылки к неодушевленным референтам используется указательное местоимение), либо местоимением третьего лица (7) в аккузативе:

(6)	čalka-m	čam	ɲaj	čik'e-l	ɲam-t
	рюмка-ACC.SG	вот	PTCL	этот-NOM.SG.2SG	есть-IMP.2SG.O

‘Рюмка твоя вот, ее выпей.’ (TPG_2002_NohoLehe_flk.023 (INEL/Turutina 2003: 13))

(7) Tat m'at ču-ŋa šeta manæʔ-°
 так чум.[NOM.SG] войти-СО.[3SG.S] PRO3SG.ACC увидеть-СО.[3SG.S]
 'Так в чум вошел, ее увидел.' (TPG_2002_DogHalf_flk.010 (INEL / Turutina
 2003: 33)

В обоих случаях референты этих местоимений выделены, находятся в фокусе.

Примечательно, что это единственные примеры в INEL Nenets Corpus, где в позиции ПД встретились анафорические местоимения.

3.4. Обобщение данных корпусов

Мы рассмотрели тексты из подкорпуса пуровского говора в INEL Nenets Corpus. Для оценки того, насколько часто в лесном ненецком отсутствие выраженного ПД сопровождается показателем объектного спряжения в глаголе, были выбраны только предложения, где в русском переводе представлены анафорические местоимения в позиции ПД. Такой принцип отбора данных связан с тем, что отсутствие выраженного ПД при повторном упоминании референта в самом ненецком тексте или в русском переводе невозможно выявить поиском с использованием корпусного менеджера, требуется сплошной просмотр всего подкорпуса. Поскольку форма аккузатива и генитива русских анафорических местоимений омонимичны, далее искомые предложения были отобраны вручную среди найденных с помощью корпусного менеджера. В результате получилось около 70 предложений. Во всех этих случаях ПД в соответствующих ненецких предложениях отсутствовало, глагол был оформлен субъектно-объектным спряжением, кроме двух случаев, рассмотренных в п. 3.3. Не встретилось ни одного предложения с опущенным ПД, где бы глагол был в субъектном спряжении. В HSE FoNeCo местоимение третьего лица в аккузативе не встретилось ни разу.

В HSE FoNeCo представлены примеры, где ПД не выражено, а глагол оформлен по субъектному спряжению. Рассмотрим пример (8):

(8) čik'i posama d'amt šipčun-ta
 этот труха ветка очищать-POSS.3SG
 piht° řul'-ŋa-n° ŋe-ŋæ
 2SG искать-GFS-2SG женщина-ESS
 Kasa wiŋi řul'-t ŋe-ʔ řul'-š°tu-ʔ
 мужчина EMPH.NEG искать-CNG женщина-PL искать-НАВ-3PL

'Ты, как женщина, эту труху ищешь. Мужчина не ищет, женщины ищут.'

В тексте, откуда взят пример, рассказывается, как женщины заготавливают специальную березовую труху, чтобы подкладывать под

младенца. Несмотря на то, что в ИГ *čik'i posama d'amt* из примера (9) входит указательное местоимение, эта ИГ неререферентна. Она имеет генерический референциальный статус. Имеется в виду любая подходящая труха. Во второй и третьей предикации ИГ в позиции ПД опущены, глагол оформлен показателем субъектного спряжения.

Примечательно, что в позиции субъекта в русских переводах местоимение третьего лица в именительном падеже единственного числа встретилось около 70 раз, а в ненецких предложениях местоимение 3-го лица *pi^{hta}* (для одушевленных референтов) — 18 раз. Т. е. можно считать, что объектный *pro-dop* в лесном ненецком даже более последовательный, чем субъектный. Стоит, однако, отметить, что в корпусе HSE FoNeCo на 3200 словоупотреблений местоимение 3-го лица в позиции субъекта встретилось всего два раза.

4. Заключение

Таким образом, корпусные данные показывают, что в лесном ненецком анафорические и указательные местоимения практически не употребляются в позиции ПД. Их использование обусловлено эмфазой, фокусной позицией. Показатель объектного спряжения используется в лесном ненецком как кросс-референциальный маркер. Он устойчиво появляется в контекстах, где требуется редуцированное средство для отсылки к дискурсивно выделенному референту. Если референтное ПД не выражено в предложении, показатель объектного спряжения обязателен.

Список сокращений в глоссах

1, 2, 3 — лицо; AVL — аблатив; ACC — аккузатив; ACT2 / NMZ — номинализация; ADV — наречие; CAR — каритив; CNG — коннегатив; DAT — датив; DIM — диминутив; DU — двойственное число; EMPH — эмфатический; GEN — генитив; CO⁶ / GFS — общая финитная основа; IMP — императив; NAV — хабитуалис; LAT — латив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NSG — двойственное или множественное число; O / OVJ — объектное спряжение; OVL — косвенная основа; OPT — оптатив; PTCL — частица; PL — множественное число; PRO — личное местоимение; PROL — пролатив; POSS — посессивный показатель; SFS — финитная основа; SG — единственное число.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агичева О.К., Козлов А.А., Толдова С.Ю. Полевые исследования лесного ненецкого языка: экспедиция в Пуровский район. // Языки и фольклор коренных народов Сибири. В печати.

---

⁶ Перед знаком «/» приводятся глоссы по INEL Nenets Corpus, после него приводится соответствующая глосса в корпусе HSE FoNeCo

2. *Коряков Ю.Б., Давидюк Т.И., Харитонов В.С., Евстигнеева А.П., Сюрюн А.А.* Список языков России и статусы их витальности. Монография-препринт. М., 2022.
3. *Кошкарева Н. Б.* Очерки по синтаксису лесного диалекта ненецкого языка. Новосибирск, 2005. 223 с.
4. *Турутина П. Г.* Нешан ванлат шотпялвс” (Легенды и сказки лесных ненцев). Сост. В.В. Шилова. Новосибирск. 2003.
5. *Терещенко Н. М.* Синтаксис самодийских языков: Простое предложение. М., 1973.
6. *Budzisch J., Wagner-Nagy B.* INEL Nenets Corpus. Version 1.0. Publication date 2024-12-31. 2024.
7. *Burkova S.* Nenets // *The Oxford Guide to the Uralic languages / Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (ed.).* Oxford, 2022. Pp. 674-709.
8. *Kibrik A. A.* Reference in discourse. *Oxford Studies in Typology*, Oxford, 2011.
9. *Givón T.* Topic continuity in discourse. Amsterdam and Philadelphia. 1983.
10. *Janda G. E., Laakso J., Metslang H.* Person marking // *Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford, 2022. — С. 894-903.
11. *Klumpp G., Skribnik E.* Information structure // *Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford, 2022. С. 1018-1035.
12. *Nikolaeva I.* A grammar of Tundra Nenets. Berlin, Boston, 2014. Т. 65.
13. *Salminen T.* Notes on Forest Nenets phonology // *Samit, sanit, satnehamit [Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. Vol. 253].* Suomalais-Ugrilainen Seura, 2007. P. 349-372.

ИСТОЧНИК ПРИМЕРОВ

14. INEL Nenets Corpus = Budzisch, Josefina; Wagner-Nagy, Beáta. 2024. INEL Nenets Corpus. Version 1.0. Publication date 2024-12-31. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FE37-E>. Archived at Universität Hamburg. In: *The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages*. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>. URL: <https://inl.corpora.uni-hamburg.de/NenetsCorpus/search>

REFERENCES

1. Agicheva O.K., Kozlov A.A., Toldova S.YU. Polevye issledovaniya lesnogo neneckogo yazyka: ekspeditsiya v Purovskij rajon. [Field research of the Forest Nenets Language: the field trip to Purock district]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. In print. (In Russ.)
2. Koryakov, Yu. B., Davidyuk, T. I., Kharitonov, V. S., Evstigneeva, A. P., Syuryun, A. A. *Spisok yazykov Rossii i statusy ikh vitalnosti* [List of Russian languages and their vitality statuses]. Monograph-preprint. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN. 2022. 81 pp. (In Russ.)
3. Koshkareva N.B. *Ocherki po sintaksisu lesnogo dialekta neneckogo yazyka* [Essays on the Syntax of the Forest Dialect of the Nenets Language]. Novosibirsk, Lyubava Publ., 2005. 334 p. (In Russ.)
4. Turutina P.G. *Neshang vanlat, shotpyals”: Legendy i skazki lesnykh nencev* [Legends and Tales of the Forest Nenets]. Sost. V.V. Shilova. Novosibirsk: Izd-vo NGU. 2003. 61 p. (In Russ. and Nenets)
5. Tereshchenko N. M. *Sintaksis samodijskih yazykov: Prostoje predlozhenie* [The syntax of Samoyedic languages: The simple sentence]. Leningrad: Nauka Publ., 1973. 323 p. (In Russ.)
6. Budzisch, Josefina; Wagner-Nagy, Beáta. 2024. INEL Nenets Corpus. Version 1.0. Publication date 2024-12-31. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FE37-E>.

- Archived at Universität Hamburg. In: The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>.
7. Burkova S. Nenets. *The Oxford Guide to the Uralic Languages* / Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (eds), Oxford: Oxford University Press. 2022, pp. 674-709. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198767664.001.0001>
  8. Kibrik A. A. Reference in discourse. *Oxford Studies in Typology*, Oxford: Oxford University Press, 2011. 651 p.
  9. Discourse — T. Givón (ed.), Topic continuity in discourse: A quantitative cross-language study. (Typological Studies in Language, vol. 3.) Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 1983. 492 p.
  10. Janda G. E., Laakso J., Metslang H. Person marking. *The Oxford Guide to the Uralic Languages* / Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (eds), Oxford: Oxford University Press. 2022. Pp. 894-903. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198767664.001.0001>
  11. Klumpp G., Skribnik E. Information structure. *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. / Bakró-Nagy, Marianne, Johanna Laakso, and Elena Skribnik (eds), Oxford: Oxford University Press. 2022, pp. 1018-1035. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198767664.001.0001>
  12. Nikolaeva I. A grammar of Tundra Nenets. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2014. <https://doi.org/10.1515/9783110320640>
  13. Salminen T. Notes on Forest Nenets phonology. Samit, sanit, satnehamit [Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. Vol. 253]. *Suomalais-Ugrilainen Seura*, 2007, pp. 349-372.

SOURC OF EXAMPLES

14. INEL Nenets Corpus = Budzisch, Josefina; Wagner-Nagy, Beáta. 2024. INEL Nenets Corpus. Version 1.0. Publication date 2024-12-31. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FE37-E>. Archived at Universität Hamburg. In: The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>. URL: <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/NenetsCorpus/search>

Поступила в редакцию 22.08.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 17.01.2026

Received 22.08.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 17.01.2026

ОБ АВТОРЕ

Светлана Юрьевна Толдова — к.ф.н., доцент Школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; stoldova@hse.ru

ABOUT THE AUTHOR

Svetlana Yu. Toldova — PhD, Associate Professor, School of Linguistics, Head of the Laboratory of Formal Models in Linguistics, National Research University “Higher School of Economics”; stoldova@hse.ru

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИКА И ДИСТРИБУЦИЯ

Д.Д. Мордашова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Институт языкознания РАН, Москва, Россия; mordashova.d@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена семантике и дистрибуции трех эпистемических маркеров в горномарийском языке (< уральские): *vekät* ‘наверное’, *säj* ‘наверное’ и *än’ät* ‘может быть’. Исследование основано на данных анкетирования, собранных в Горномарийском районе республики Марий Эл в 2024 г. Привлекаются также данные корпуса устных текстов и двух пилотных экспериментов с носителями языка на субъективное определение уровня эпистемической оценки с целью выявления различий между маркерами *vekät* и *säj*.

Результаты исследования соотносятся с семантической картой эпистемических выражений К. Бойе. Показано, что *än’ät* служит показателем нейтральной эпистемической оценки, тогда как *vekät* и *säj* выражают частично положительную оценку, причем первый из маркеров по результатам экспериментов маркирует более высокую степень уверенности. Он также демонстрирует тесную связь с категорией эвиденциальности и параметром непрямого доступа к информации (сенсорного, инферентивного, презумптивного, репортивного). Маркер *säj* имеет более ограниченную дистрибуцию и не совместим с репортивным источником информации, однако в ходе анкетирования в его семантике был выявлен дополнительный компонент желательности того положения дел, который говорящий оценивает как вероятное.

Ключевые слова: эпистемическая модальность; эвиденциальность; семантика; горномарийский язык; уральские языки

Финансирование: Исследование поддержано грантом Российского научного фонда №22-18-00285-П, выполняемым в МГУ имени М.В. Ломоносова.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-4

Для цитирования: Мордашова Д.Д. Эпистемические маркеры в горномарийском языке: семантика и дистрибуция // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 55–68.

EPISTEMIC MARKERS IN HILL MARI: SEMANTICS AND DISTRIBUTION

Daria D. Mordashova

Lomonosov Moscow State University, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; mordashova.d@yandex.ru

Abstract: The paper is devoted to the semantics and distribution of three epistemic markers in Hill Mari (< Uralic): *vekät* ‘probably’, *säj* ‘probably’ and *än’ät* ‘maybe’. The study is based on fieldwork data collected in the Hill Mari district of the Republic of Mari El (Russia) in 2024. I also involve the data from the Hill Mari corpus and two pilot experiments with native speakers. The experiments were aimed at the speakers’ subjective estimation of the level of epistemic support in order to identify possible differences between the markers *vekät* and *säj*.

The results of the study are aligned with Boye’s semantic map for epistemic expressions. I argue that *än’ät* serves as a marker of neutral epistemic support, while *vekät* and *säj* express partial support. According to the results of the experiments, *vekät* conveys a higher degree of confidence in a proposition compared to *säj*. It also demonstrates a close connection with evidentiality and indirect access to information (sensory, inferential, assumptive, reportative). The marker *säj* has a more limited distribution and is not compatible with a reportative information source. However, according to the fieldwork data, its semantic profile contains an additional component of desirability of the probable state of affairs.

Keywords: epistemic modality; evidentiality; semantics; Hill Mari; Uralic languages

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation grant № 22-18-00285-P (Lomonosov Moscow State University).

For citation: Mordashova D.D. (2026) Epistemic Markers in Hill Mari: Semantics and Distribution. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 55–68.

1. Введение

Настоящая статья посвящена исследованию дистрибуции трех эпистемических маркеров в горномарийском языке (уральская семья): *vekät* ‘наверное’, *säj* ‘наверное’ и *än’ät* ‘может быть’. В литературе они традиционно рассматриваются в группе частиц, выражающих «отношение к достоверности высказываемого» [Саваткова 2002: 274], «вносят в речь оттенок неопределенности, недостоверности, указывают на то, что говорящий не может точно установить, действительно ли, достоверно ли явление, а только предполагает то, о чем говорится в речи» [Сибатрова 1987: 128]. Более конкретных сведений об их семантике и потенциальной взаимозаменяемости не приводится. В монографии [Элементы горномарийского языка в ти-

пологическом освещении] описано только выражение эпистемических значений с помощью модальных глаголов.

Нашей целью является типологически ориентированное описание перечисленных маркеров с опорой на полевые данные, собранные методом анкетирования в экспедиции в с. Кузнецово (Горномарийский район, респ. Марий Эл) в 2024 г. Данный метод предполагает перевод предложений с русского на горномарийский с дальнейшей проверкой горномарийских стимулов на предмет допустимости в них исследуемых частиц и их интерпретации. Анкета составляется в соответствии с набором значений и параметров, признающихся значимыми в типологических работах: в частности, мы рассматриваем, какие области семантической карты [Boye 2012: 130] покрывают частицы и в какой степени для них релевантно эвиденциальное измерение карты, связанное с источником информации. К анализу также привлекается корпус устных текстов (объемом ок. 63,5 тыс. словоупотреблений), записанных и расшифрованных участниками Горномарийской экспедиции МГУ в 2016–2019 гг. (далее — Корпус)¹.

Статья строится следующим образом. В разделе 2 мы опишем семантическую карту эпистемических выражений, предложенную К. Бойе. В разделе 3 мы представим данные горномарийского языка, обсудив семантические характеристики частиц с опорой на результаты анкетирования и двух пилотных экспериментов, а также проанализируем употребления частиц в корпусе. В разделе 4 будут подведены итоги о семантике и положении частиц на семантической карте эпистемических выражений.

2. Семантическая карта эпистемических выражений [Boye 2012]

Под эпистемической модальностью понимается область, связанная с выражением эпистемической оценки, или степени уверенности в содержании высказывания [van der Auwera, Plungian 1998]. Средства выражения эпистемической модальности формируют шкалу, на «положительном» полюсе которой располагаются единицы, выражающие знание или высокую степень уверенности, а на «отрицательном» полюсе — выражения сомнения или эпистемической невозможности (подробнее см. [Boye 2016]).

Существует обширная формальная литература по эпистемическим выражениям английского языка и их семантическим и синтаксическим свойствам (см. [Yanovich 2021]), а также корпусные исследования на материале отдельных единиц и полей (ср. исследование наречий с семантикой высокой степени уверенности типа *certainly* [Simon-Vandenberg, Aijmer 2007]). Следует отметить ра-

¹ Корпус доступен по ссылке: <https://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>

боты по эпистемическим единицам в других германских языках [Boye 2001; Nuys 2001] и в языках романской группы индоевропейской семьи [Pietrandrea 2005; Cornillie 2007; Míguez 2024], а также недавние исследования по некоторым уральским языкам (см. доклады на воркшопе XIV международного конгресса финно-угроведов CIFU-2025, посвященном эпистемическим выражениям²). Тем не менее типологические исследования эпистемических маркеров практически отсутствуют: наиболее масштабным проектом к настоящему моменту остается монография [Boye 2012], выполненная на материале 50 языков.

К. Бойе предлагает семантическую карту эпистемических выражений, в которой выделяется два взаимосвязанных измерения: эвиденциальное и собственно модальное (см. рисунок). Первое измерение предполагает связь эпистемических единиц с зоной эвиденциальности, т. е. маркированием типа доступа к информации — прямого (*direct justification*) или непрямого (*indirect justification*). В первом случае говорящий воспринимает информацию напрямую (как правило, зрительно: *сосед уже дома, я видел, как он заходил в квартиру*), во втором случае он располагает только непрямыми сведениями: наблюдает косвенные свидетельства (*inferential*: *в окнах горит свет — видимо, сосед уже дома*) или располагает общими знаниями о мире (*assumptive*: *сейчас 8 вечера — наверное, сосед уже дома, он всегда возвращается в это время*), на основе которых можно сделать логический вывод о реализации некоторой ситуации, или же получает сведения от третьих лиц (*reportative*: *сосед уже дома, мне брат рассказал*) (более подробное обсуждение этой терминологии см. в [Aikhenvald 2004]).

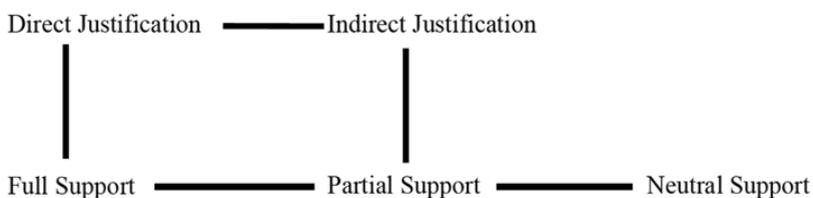

Рисунок. Семантическая карта эпистемических выражений по [Boye 2012: 130]

Второе (собственно модальное) измерение карты связано со степенью эпистемической оценки высказывания говорящим (*degrees of epistemic support*). С точки зрения функционально-когнитивного подхода, который реализует К. Бойе, эпистемическая оценка явля-

² Информация о воркшопе доступна по ссылке: <https://cifui4.ut.ee/symposium-b8>

ется недискретным понятием и может быть условно представлена в виде шкалы от нейтральной до полностью положительной оценки высказывания (выражения «отрицательного полюса» эпистемической шкалы в монографии не рассматриваются), ср. единицы типа англ. *perhaps, maybe*, выражающие нейтральную оценку, и *certainly, for sure*, выражающие полностью положительную оценку. Между этими точками шкалы располагается зона частично положительной оценки (ср. англ. *probably, presumably* и др.), в которую попадают единицы, выражающие высокую степень уверенности в содержании высказывания. Эта уверенность нередко основана на косвенных свидетельствах или общих знаниях говорящего, поэтому на карте это схематически отражено в виде связующей линии между частично положительной оценкой и косвенной засвидетельствованностью.

Отдельно К. Бойе обсуждает возможность дальнейшей градации внутри зоны частично положительной оценки. В частности, он приводит примеры из языков, где можно выделить сильную и слабую ее разновидности, ср. финский [Boye 2012: 117] (цит. по [Sulkala, Karjalainen 1992: 320]):

- (1) a. *Leila lienee siellä.* 'Leila may be there.'
 b. *Leila voi olla siellä.* 'Leila can be there.'
 c. *Leila voisi olla siellä.* 'Leila could be there'³.

Впрочем, четких критериев для противопоставления показателей сильной и слабой частично положительной оценки К. Бойе не предлагает, и утверждение о наличии такого противопоставления опирается на суждения авторов грамматик. Далее мы обсудим возможность подобного семантического разграничения горномарийских частиц.

3. Горномарийские эпистемические частицы

Из трех рассматриваемых в этой статье частиц только частица *än'ät* 'может быть' постулирует наличие возможности, не подкрепленной какими-либо косвенными данными, что соответствует нейтральной эпистемической оценке:

- (2) *vas'a tagaçđ škol-äš tol-te, jasđ*
 Вася сегодня школа-ILL приходит-NEG.PRET большой
li-n kolt-en än'üt.
 становится-CVB посылать-PRET может_быть

'Вася сегодня не пришел в школу, может быть, заболел' (Комм.: «а может в город поехал, один из вариантов»).

³ Мы сохранили перевод на английский для передачи противопоставления между модальными глаголами *can* и *may*.

Частицы *vekät* и *säj* ‘наверное’ предполагают наличие косвенного источника информации (ср. инферентивное употребление на основе косвенных данных о состоянии машины в (3а) и презумптивное на основе общих знаний о распорядке дня Васи, регулярно ходящего в школу, в (3б)), в отличие от *än’ät*, ср. комментарий носителя к (2).

- (3) а. *mäm-nä-n*   *mašinä-nä*   *skoro*   *pädärg-a*
 мы-POSS.1PL-GEN   машина-POSS.1PL   скоро   ломаться-NPST.3SG
vekät / säj.
 наверное

‘Наша машина наверно скоро сломается’ (Комм.: «есть признаки, которые указывают на скорую поломку»).

- б. *vas’a*   *tagaçê*   *škol-âš*   *tol-te,*   *jasê*
 Вася   сегодня   школа-ILL   приходит-NEG.PRET   больной
li-n   *kolt-en*   *vekät / säj.*
 становится-СВВ   посылать-PRET   наверное

‘Вася сегодня не пришел в школу, наверное, заболел’.

Это позволяет поместить частицу *än’ät* на крайнюю точку эпистемической шкалы, соответствующую нейтральной эпистемической оценке, тогда как частицы *vekät* и *säj* занимают промежуточное положение с частично положительной оценкой. При этом *säj*, в отличие от *vekät*, несовместима с репоративным источником информации:

- (4) *miša*   *päšä-žž-m*   *vaštalt-a*   *vekät / *säj,*
 Миша   работа-POSS.3SG-ACC   менять-NPST.3SG   наверное наверное
män’   *täng-žž*   *gäc*   *kol-än-am.*
 я   друг-POSS.3SG   EL   слышать-PRET-1SG

‘Миша, наверное, скоро будет менять работу, я слышал от его друга’.

В экспедиции было проведено два пилотных эксперимента на субъективное определение уровня эпистемической оценки с целью определить возможные различия в суждениях по поводу частиц *vekät* и *säj*. В первом эксперименте участникам предлагалось выстроить карточки с предложениями, которые отличались только использованной в них эпистемической частицей, в порядке убывания степени уверенности в содержании высказывания (карточки также включали предложения-филлеры с частицами *navernäi* и *vidnä*, заимствованными из русского языка, а также предложение с частицей *än’ät*). Всего было опрошено 10 носителей по следующим двум предложениям, содержащим предположения о текущем и будущем положении дел: *iz’i t’et’ä amala* РТСЛ (маленький ребенок спать-NPST.3SG РТСЛ) ‘маленький ребенок спит ЧАСТИЦА’ и *kängäžžäm mä*

ängär täräš känäš kenä PTCL (лето-АСС мы река край-ILL отдыхать-INF идти-NPST.1PL PTCL) ‘летом мы поедем отдыхать к реке ЧАСТИЦА’.

Большинство ответов респондентов содержало относительный порядок частиц *vekät > säj*, т. е. *vekät* соответствовала большей степени уверенности (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1. Относительный порядок *vekät* и *säj* в предложении *iz’i t’etä amala PTCL* ‘маленький ребенок спит ЧАСТИЦА’

<i>vekät > säj</i>	8 случаев (из них 6 — порядок <i>vekät > säj > änät</i>)
<i>säj > vekät</i>	2 случая

Таблица 2. Относительный порядок *vekät* и *säj* в предложении *kängäžäm mü ängär täräš känäš kenä PTCL* ‘летом мы поедем отдыхать к реке ЧАСТИЦА’

<i>vekät > säj</i>	7 случаев (из них 4 — порядок <i>vekät > säj > änät</i>)
<i>säj > vekät</i>	3 случая

Во втором эксперименте участникам предлагалось оценить степень уверенности в содержании высказываний с тремя исследуемыми частицами в процентах. Было опрошено 9 носителей по следующим двум предложениям: *vas’a tagaçä školaš tolte, jasä lin kolten PTCL* (Вася сегодня школа-ILL приходить-NEG.PRET большой становится-СВВ посылать-ПРЕТ PTCL) ‘Вася сегодня не пришел в школу, заболел, ЧАСТИЦА’ и *tene kängäž šokšälieš PTCL* (в_этом_году лето теплый становится-NPST.3SG PTCL) ‘Лето в этом году будет жарким, ЧАСТИЦА’. Соотношение полученных оценок для частиц *vekät* и *säj* приведено в Таблицах 3 и 4, из которых видно, что однозначного перевеса в оценке степени уверенности ни одна из частиц не получила (*änät* при этом стабильно получала более низкую оценку в процентах по сравнению с двумя другими частицами). Таким образом, при субъективной оценке «силы» эпистемического маркера мы получили равнозначность порядков *vekät > säj* и *säj > vekät*.

Таблица 3. Соотношение оценок для *vekät* и *säj* в предложении *vas’a tagaçä školaš tolte, jasä lin kolten PTCL* ‘Вася сегодня не пришел в школу, заболел, ЧАСТИЦА’

<i>vekät > säj</i>	4 случая
<i>vekät = säj</i>	1 случай
<i>säj > vekät</i>	4 случая

Таблица 4. Соотношение оценок для *vekät* и *säj* в предложении *tene kängäž šokšä lieš rTCL* ‘Лето в этом году будет жарким, ЧАСТИЦА’

<i>vekät</i> > <i>säj</i>	3 случая
<i>vekät</i> = <i>säj</i>	3 случая
<i>säj</i> > <i>vekät</i>	3 случая

У некоторых участников возникали сложности при выборе конкретного числа в качестве оценки, поэтому они предлагали крупные интервалы (больше 50 % vs меньше 50 % уверенности), что затрудняло установление четкого противопоставления между частицами (ср. вариант *vekät* = *säj* в таблицах выше). Тем не менее, среднее значение оценки для каждой частицы (подсчитанное для тех участников, которые всё же предложили конкретное число) показывает, что частица *vekät* получает чуть более высокую оценку по сравнению с *säj* (табл. 5), а *än'ät* оценивается ниже других.

Таблица 5. Средние значения оценок для трех частиц

	Предложение 1	Предложение 2
<i>vekät</i>	59 %	60 %
<i>säj</i>	49 %	55 %
<i>än'ät</i>	40 %	45 %

Подводя итог этим пилотным экспериментам, можно заключить, что их результаты подтвердили данные анкетирования о крайней позиции частицы *än'ät* на эпистемической шкале, однако для *säj* и *vekät* картина оказалась менее однозначной. Первый эксперимент на шкалирование дал довольно однозначный порядок *vekät* > *säj*, где *vekät* оказалась выше на шкале эпистемической оценки, однако недостатком эксперимента может быть то, что само по себе задание уже навязывает некоторую шкалу, которой приходится оперировать. Второй эксперимент на субъективную оценку в процентах вызвал затруднения в выборе конкретного значения у некоторых участников, но по результатам тех, кто всё же справился с выбором, частица *vekät* в среднем получила более высокую оценку вероятности по сравнению с *säj*.

Итак, в ходе анкетирования мы выявили ограничение на употребление *säj* в репортативном контексте, а эксперименты показали, что *vekät* выражает более высокую степень уверенности по сравнению с *säj*. Для дальнейшего уточнения семантического профиля этих единиц обратимся к корпусным данным.

В корпусе устных текстов частицы *vekät* и *säj* встретились 15 и 11 раз соответственно, что совсем немного по сравнению с эпистемическими маркерами, заимствованными из русского, которые в горномарийской речи более частотны (ср. 198 вхождений *nav'ernä* в корпусе). Тем не менее в имеющихся употреблении горномарийских частиц удастся проследить некоторые характерные для них типы контекстов (проверка обнаруженных контекстов на взаимозаменяемость частиц в них остается задачей для будущих исследований). И *vekät*, и *säj* встречаются в текстах, представляющих собой воспоминания рассказчика. Если *vekät* в таких текстах, как правило, служит маркером эпистемической дистанции (в терминах [Plungian 2010]), т. е. выступает дискурсивным средством, с помощью которого говорящий снимает с себя ответственность за истинность сообщаемого (5), то *säj* обычно выступает средством «автокоррекции» или добавления рассказчиком забытых деталей по ходу нарратива (6).

- (5) *teve ti ke-n šagal-än-na jäljäl-äš,*
 вот этот идти-CVВ вставать-PRТ-1PL Юльялы-ILL
pär-t-en kudä-skä vekät.
 входить-CAUS-PRТ лачуга-ILL наврное

{Однажды, понимаешь, меня к себе домой в Юльялы повез. Когда еще работал в колхозе. <...>} 'Вот это, приехали в Юльялы, завел в лачугу вроде бы'. [Корпус: «Диалог о прошлом», 9]

- (6) *v'edenk'ina ä'l-ä säj fam'il'ij-žä <...>.*
 Веденкина быть-AOR.3SG наврное фамилия-POSS.3SG

'Веденкина была, наврное, фамилия ее' {вот она звонила, нам прислали видеоролик, гимн диктанта}. [Корпус: «Этнографический диктант», 30]

Обе частицы также встречаются в нарративах о традициях или исторических событиях, причем *vekät* употребляется в случае, когда говорящий мог быть участником событий, но плохо их помнит (7), тогда как *säj* используется для построения предположения о событиях, участником которых говорящий не был (8).

- (7) *tože iе ukš gäc-än päčk-ed-en jämdä-l-ät*
 тоже ива ветка EL-FULL разрезать-ITER3-CVВ готовый-DENOM1-NPST.3PL
äl-än vekät kogo-rak ärvezä-vlä.
 быть-PRТ наврное большой-СМРР парень-PL

{Я и объяснить-то не могу всё, конечно, но помнится такой из дерева сделанный один маленький десятисантиметровый, в пядь длиной, из этого вырезали — ива, из ивовой ветки потолще. И это, видно, была петюнга, и палки, у каждого были палки.} 'Тоже, из ивовых веток вырезая, приготавливали, вроде, парнишки постарше'. [Корпус: «Петюнга», 8]

- (8) *mar-ân-vlä-ž=ät*   *âl-ân-ât*   **säj**,
 мари-GEN-PL-POSS.3SG=ADD   быть-PRET-3PL   наверное
ruš-ân-vlä,   *ves*   *väre gäc*   *tol-šâ-vlä* <...>.
 русский-GEN-PL   другой   место   ЕЛ   приходить-PTCP.ACT-PL
 ‘И маришцы были, наверное, русские, приезжие из других мест <...>’
 [Корпус: «О церкви», 16]

Частица *vekät* встречается также в контекстах, предполагающих наличие сенсорной засвидетельствованности (а не косвенного источника информации, как в (3) выше): например, в (9) говорящий делает вывод о копчении колбасы по наличию характерного запаха.

- (9) <...> *ta-ma-m*   *kopt'-et*   **vekät**,   *pel*
 INDEF1-что-ACC   коптить-NPST.2SG   наверное   половина
sola-š   *totlâ*   *pâš*   *tol-eš*,   *šiz-ø-nä*.
 деревня-ILL   вкусный   запах   приходить-NPST.3SG   чувствовать-AOR-1PL
 ‘<...> что-то коптишь наверно, на полдеревни вкусный запах идет, мы почувствовали.’ [Корпус: «Колбаса», 65]

Несколько употреблений *vekät* приходится на контексты, характерные для эвиденциальных показателей при 1-м лице: речь в таких случаях идет о событиях, которые говорящий или агенс не контролирует, поскольку действует неосознанно, например, когда тема меняется в процессе рассказа (10) или событие происходит во время сна (так, в (11) речь идет о том, как еловый пень попал под веко богатырю, пока он спал).

- (10) *tidä ves*   *mad-äš*,   *ves*   *mad-äš-âm*
 этот   другой   играть-НАСТ   другой   играть-НАСТ-ACC
šajäšt-am   **vekät**.
 говорить-NPST.1SG   наверное
 ‘Это другая игра, другую игру рассказываю, видимо.’ [Корпус: «Игры-4», 72]

- (11) *amalâ-m-em*   *god-âm*   **vekät**, —   *man-eš*, —
 спать-NMLZ-POSS.1SG   время-ACC   наверное   говорить-NPST.3SG
caklâ-del-am=at, —   *man-eš*.
 замечать-NEG.PRET-1SG=ADD   говорить-NPST.3SG
 ‘«Кажется, во время сна, — говорит, — я и не заметил», — говорит.’
 [Корпус: «Сказка о богатыре», 37]

Частица *säj*, в отличие от *vekät*, в корпусе зафиксирована в вопросах: как правило, такие вопросы имеют статус предположения о состоянии или поступках собеседника (12). Подобные употребления сближают ее с русской частицей *чай*, которая предположитель-

но является источником заимствования для *säj* (13) (см. [Мордашова 2025]).

(12) *veseläj-en-dä*   *mol*   *säj?*
веселиться-ПРЕТ-2PL   другой   наверное
‘Веселились, наверное?’ [Корпус: «В старину», 13]

(13) *živoj-âtm=ok*   *a-t*   *kač*   *säj.*
живой-ACC=ЕМРН   NEG.NPST-2SG   есть   наверное
‘Живую не съешь, чай.’ [Корпус: «Сова и лиса», 43]

Наконец, в ходе анкетирования мы зафиксировали дополнительный семантический эффект, возникающий при введении в предложение частицы *säj*: в большинстве идиолектов она связывается со значением не только вероятности, но и желательности ситуации. Так, предложение (3а), продублированное в (14), получало неожиданные интерпретации, будто поломка машины является долгожданным для говорящего событием. С частицей *vekät* подобных семантических приращений не возникало.

(14) *mäm-nä-n*   *mašinä-nä*   *skoro*   *pädärg-a*
мы-POSS.1PL-GEN   машина-POSS.1PL   скоро   ломаться-NPST.3SG
säj.
наверное

‘Наша машина наверно скоро сломается.’ (Комм.: «скорее бы уже сломалась, мы уже в ожидании», «бог с ней, пусть ломается»).

4. Заключение

В статье мы предложили типологически ориентированное описание трех эпистемических частиц в горномарийском языке. Частица *än’ät* ‘может быть’ является показателем нейтральной эпистемической оценки, т. е. указывает на открытую возможность, не подкрепленную косвенными данными. Частицы *vekät* и *säj* ‘наверное’ выражают частично положительную оценку. При этом для *vekät* более значим эвиденциальный компонент: ее употребление совместимо с любыми контекстами, предполагающими непрямо́й доступ к информации (сенсорный, инферентивный, презумптивный, репортативный). Это наблюдение дополняется наличием в корпусе контекстов с отсутствием у говорящего контроля над ситуацией или выражением эпистемической дистанции. Частица *säj*, в отличие от *vekät*, имеет ограничения на употребление в репортативном контексте, но в ее семантике отмечается дополнительный компонент желательности.

Мы представили результаты двух пилотных экспериментов на субъективное определение уровня эпистемической оценки для частиц *vekät* и *säj*. Один из экспериментов (на шкалирование) показал, что *vekät* в большинстве идиолектов располагается выше на шкале и тем самым выражает более высокую степень уверенности по сравнению с *säj*. Второй же эксперимент (на субъективную оценку в процентах) вызвал затруднения в выборе конкретного значения у некоторых участников, но по результатам тех, кто справился с выбором, частица *vekät* в среднем также получила более высокую оценку вероятности.

Таким образом, в рамках семантической карты, предложенной К. Бойе, частица *än'ät* располагается на правом полюсе, соответствующем нейтральной оценке, тогда как *vekät* и *säj* занимают промежуточное положение с частично положительной оценкой. Частица *vekät*, по-видимому, выражает более высокую степень уверенности по сравнению с *säj* (и, соответственно, маркирует «сильную» частично положительную оценку в терминах К. Бойе), а также тесно связана с эвиденциальным измерением карты и параметром косвенной засвидетельствованности.

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

1–3 — 1–3-е лицо, ADD — аддитивный маркер, AOR — аорист, CAUS — каузатив, CMPR — сравнительная степень, CVB — деепричастие, DENOM1 — отыменной глагол, EL — элатив, EMPH — эмфатическая частица, FULL — полная форма, GEN — генитив, ILL — иллатив, INDEF1 — маркер неопределенности, INF — инфинитив, ITER3 — итератив, NACT — имя действия, NEG — отрицание, NMLZ — номинализация, NPST — непрошедшее время, PL — множественное число, POSS — посессивность, PRET — претерит, PTCL — частица, PTCL.ACT — активное причастие, SG — единственное число.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корпус горномарийских текстов, записанных Горномарийской экспедицией МГУ, 63,5 тыс. словоупотреблений [Электронный ресурс]. URL: <https://hillmariepr.tilda.ws/corpus> (дата обращения: 14.09.2025).
2. Мордашова Д.Д. Горномарийская частица *säj* 'наверное': типичные употребления и возможный путь заимствования // Доклад на конференции «Языки России в контакте с русским языком», Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 19–20 сентября 2025 г.
3. Саваткова А.А. Горное наречие марийского языка. Szombathely, 2002.
4. Сибатрова С.С. Частицы горного наречия марийского языка // Вопросы марийского языка. Материалы и исследования по марийской диалектологии / Под ред. Т.А. Товашовой. Йошкар-Ола, 1987. С. 113–133.

5. Элементы горномарийского языка в типологическом освещении / Под ред. Е.В. Кашкина (отв. ред.), М.-Э.А. Винклер, Т.И. Давидюк, В.В. Дьячкова, В.А. Иванова, Д.Д. Мордашовой, П.С. Плешак, И.А. Хомченковой. М., 2023.
6. *Aikhenvald A.Yu. Evidentiality*. Oxford, 2004.
7. *Boye K. The force-dynamic core meaning of Danish modal verbs // Acta Linguistica Hafniensia*. 2001. № 33. P. 19–66.
8. *Boye K. Epistemic meaning. A crosslinguistic and functional-cognitive study*. Berlin, 2012.
9. *Boye K. The expression of Epistemic Modality // The Oxford Handbook of Modality and Mood / Eds. J. Nuyts, J. van der Auwera*. Oxford, 2016. P. 117–140.
10. *Cornillie B. Evidentiality and epistemic modality in Spanish (semi-) auxiliaries: A cognitive-functional approach*. Berlin, 2008.
11. *Míguez V. Revisiting Modality: A corpus-based study of epistemic adverbs in Galician*. Amsterdam, 2024.
12. *Nuyts J. Epistemic modality, language, and conceptualization*. Amsterdam, 2001.
13. *Pietrandrea P. Epistemic Modality: Functional Properties and the Italian System*. Amsterdam, 2005.
14. *Plungian V. Types of Verbal Evidentiality Marking: An Overview // Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages / Eds. G. Diewald, E. Smirnova*. Berlin, 2010. P. 15–58.
15. *Simon-Vandenberghe A.-M., Aijmer K. The semantic field of modal certainty: A corpus-based study of English adverbs*. Berlin, 2007.
16. *Sulkala H., Karjalainen M. Finnish*. London, 1992.
17. *van der Auwera J., Plungian V. Modality's semantic map // Linguistic Typology*. 1998. № 2(1). P. 79–124.
18. *Yanovich I. Epistemic modality // The Wiley Blackwell Companion to Semantics / Eds. Gutzmann D., Matthewson L., Meier C., Rullmann H., Zimmermann T.E.* New Jersey, 2021. P. 1–30.

REFERENCES

1. Korpus gornomariiskikh tekstov, zapisannykh Gornomariiskoi ehkspeditsiei MGU, 63,5 tys. slovopotreblenii [Corpus of Hill Mari texts collected within the MSU project on Hill Mari, 63,5k tokens]. URL: <https://hillmari-exp.tilda.ws/corpus> (accessed: 14.09.2025).
2. Mordashova D.D. Gornomariiskaya chastitsa säj ‘navernoë’: tipichnye upotrebleniya i vozmozhnyi put’ zaimstvovaniya [Hill Mari particle säj ‘probably’: typical uses and a possible borrowing path]. Talk delivered at the conference “Indigenous languages of Russia in contact with Russian”, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, September 19–20, 2025. (In Russ.)
3. Savatkova A.A. *Gornoe narechie mariiskogo yazyka* [The Hill dialect of Mari]. Szombathely: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002. 292 p. (In Russ.)
4. Sibatrova S.S. Chastitsy gornogo narechiya mariiskogo yazyka [Particles of Hill Mari]. *Voprosy mariiskogo yazyka. Materialy i issledovaniya po mariiskoi dialektologii*. Ed. T.A. Tovashova. Ioshkar-Ola, 1987. P. 113–133. (In Russ.)
5. *Ehlementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Hill Mari from a typological perspective]. Eds. E.V. Kashkin, M.-E.A. Winkler, T.I. Davidyuk, V.V. D'yachkov, V.A. Ivanov, D.D. Mordashova, P.S. Pleshak, I.A. Khomchenkova. Moscow: Buki-Vedi Publ., 2023. (In Russ.)
6. *Aikhenvald A.Yu. Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 480 p.

7. Boye K. The force-dynamic core meaning of Danish modal verbs. *Acta Linguistica Hafniensia*, 2001, № 33, pp. 19–66.
8. Boye K. *Epistemic meaning. A crosslinguistic and functional-cognitive study*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012. 373 p.
9. Boye K. The expression of Epistemic Modality. *The Oxford Handbook of Modality and Mood*. Eds. J. Nuyts, J. van der Auwera. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 117–140.
10. Cornillie B. *Evidentiality and epistemic modality in Spanish (semi-) auxiliaries: A cognitive-functional approach*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. 313 p.
11. Míguez V. *Revisiting Modality: A corpus-based study of epistemic adverbs in Galician*. Amsterdam: John Benjamins, 2024. 234 p.
12. Nuyts J. *Epistemic modality, language, and conceptualization*. Amsterdam: John Benjamins, 2001. 450 p.
13. Pietrandrea P. *Epistemic Modality: Functional Properties and the Italian System*. Amsterdam: John Benjamins, 2005. 232 p.
14. Plungian V. Types of Verbal Evidentiality Marking: An Overview. *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*. Eds. G. Diewald, E. Smirnova. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. P. 15–58.
15. Simon-Vandenberghe A.-M., Aijmer K. *The semantic field of modal certainty: A corpus-based study of English adverbs*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. 405 p.
16. Sulkala H., Karjalainen M. *Finnish*. London: Routledge, 1992. 426 p.
17. van der Auwera J., Plungian V. Modality's semantic map. *Linguistic Typology*, 1998, № 2(1), pp. 79–124.
18. Yanovich I. Epistemic modality. *The Wiley Blackwell Companion to Semantics*. Eds. Gutzmann D., Matthewson L., Meier C., Rullmann H., Zimmermann T.E. New Jersey: John Wiley & Sons, 2021. P. 1–30.

Поступила в редакцию 22.08.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Отредактирована 17.01.2026

Received 22.08.2025

Accepted 27.11.2025

Revised 17.01.2026

ОБ АВТОРЕ

Дарья Дмитриевна Мордашова — к.ф.н., инженер 2 кат. филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания РАН; mordashova.d@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Daria D. Mordashova — PhD, engineer at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Junior Researcher at the Laboratory for Study and Preservation of Minority Languages of the Institute of Linguistics RAS; mordashova.d@yandex.ru

СТАТЬИ

ПОМЕТА «УВЕЛИЧИТЕЛЬНОЕ» В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА» Н.Ю. ШВЕДОВОЙ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ван Чжэ, И.В. Галактионова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; zh.wang@mail.ru; ig@philol.msu.ru*

Аннотация: В статье рассматривается интерпретация пометы «увеличительное», приписываемой в словарях производным словам (дериватам) с увеличительными суффиксами. Содержание этой пометы может быть разным и зависит от семантики производящего слова. В большинстве словарей значение пометы не разъясняется, и читатель вынужден сам догадываться о том, что она означает в каждом конкретном случае. Задача состоит в формулировании закономерностей интерпретации пометы «увеличительное» и в оценке возможности их реального применения читателем. Источником материала послужил «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под редакцией Н.Ю. Шведовой. Из него методом сплошной выборки было извлечено 64 слова с увеличительными суффиксами (представленных 109 лексико-семантическими вариантами). На основе отмеченных в литературе соответствий между семантикой производящего и увеличительного суффикса предложены четыре закономерности интерпретации пометы, для применения которых необходимо установить, к какой семантической группе относится дериват: к названиям людей (идентифицирующим или предикатным), иных живых существ, веществ, состояний природы и др. Показано, что, с одной стороны, эти закономерности не охватывают всех дериватов, а с другой — для их применения читатель должен сам определить группу, к которой относится производящее, опираясь на его толкование, что далеко не всегда возможно. Уточнение списка закономерностей и помещение их во вводные материалы словарей представляется нецелесообразным, поскольку перекладывает на читателя задачу установления смысла деривата. Для описания семантики увеличительных дериватов предпочтительно использовать их толкования, как делается в ряде случаев в анализируемом словаре.

Ключевые слова: помета «увеличительное»; интерпретация пометы; толковый словарь; читатель словаря; семантика деривата

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-5

Для цитирования: Ван Чжэ, Галактионова И.В. Помета «увеличительное» в «Толковом словаре русского языка» Н.Ю. Шведовой: проблема интерпретации // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 69–83.

THE NOTE *UVELICHITEL'NOE* 'AUGMENTATIVE' IN "EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE" BY N.YU. SHVEDOVA: THE PROBLEM OF INTERPRETATION

Wang Zhe, Irina V. Galaktionova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
zh.wang@mail.ru; ig@philol.msu.ru

Abstract: The article examines the usage of the note *uvelichitel'noe* 'augmentative' in "Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information About the Origin of Words" by N.Yu. Shvedova. This note is attributed to derived words with augmentative suffixes (in total 64 words, 109 meanings), and its interpretation varies depending on the semantics of the underlying word, thus, the reader has to guess what it means in each specific case. The task is to formulate the regularities of its interpretation and evaluate the possibility of their actual application by the reader. Based on the correspondences between the semantics of the underlying word and augmentative suffix noted in the literature, four regularities of interpretation of the note are proposed. To apply them it is necessary to find out the semantic group to which the derivative belongs: to the names of people (identifying or predicate), other living beings, substances, states of nature, etc. It is shown that, on the one hand, these regularities do not cover all derivatives, on the other hand, the explanation of the underlying word does not always help the reader identify the semantic group. Clarifying the list of regularities and placing them in the introductory materials of dictionaries seems inappropriate, since it shifts the task of establishing the meaning of the derivative to the reader. To describe the semantics of augmentative derivatives, it is preferable to use their explanation, as is done in a number of cases in the analyzed dictionary.

Keywords: note *uvelichitel'noe* 'augmentative'; interpretation of the note; explanatory dictionary; dictionary reader; semantics of derivative

For citation: Wang Zhe, Galaktionova I.V. (2026) The Note *Uvelichitel'noe* 'Augmentative' in "Explanatory Dictionary of the Russian Language" by N.Yu. Shvedova: The Problem of Interpretation. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 69–83.

1. Введение

Обращаясь к словарям, включая толковые, можно получить разные типы информации о словах. Для ее передачи используются в том числе пометы, которые должны адекватно представлять се-

мантические, грамматические, стилистические и иные характеристики слов. Одна из групп слов, которые регулярно описываются с помощью помет — слова с уменьшительными и увеличительными суффиксами, например, *домик,домище, носик,носище*. Их значение полностью складывается из значения производящего и значения суффикса. В словарях они помещаются в словарную статью производящего или в отдельную статью с отсылкой к статье производящего. Их семантическая характеристика отражается с помощью помет *уменьш.* (уменьшительное) и *увел.* (увеличительное). Эти пометы в словарях обычно не объясняются; причина заключается, по-видимому, в представлении о том, что пользователям их понять нетрудно: пометы приписываются словам, имеющим уменьшительный/увеличительный суффикс и обозначающим предмет маленького/большого размера.

Однако семантика слов с уменьшительными и увеличительными суффиксами сложнее, чем просто указание на размер предметов. Во-первых, значение суффикса по-разному взаимодействует с семантикой производящего слова, вследствие чего суффикс может указывать как на физический размер объекта, так и на другие параметры обозначаемого: количество, интенсивность, степень (см. об этом, например, [Апресян 1995; Спиридонова 1999]). Во-вторых, уменьшительные и увеличительные суффиксы, кроме указания на разные параметры объекта, часто выражают также и оценку (положительную и отрицательную) (см. об этом, например, [Земская 1992; Лопатин, Улуханов 2016]). Эта оценка иногда отражается с помощью отдельной оценочной пометы (например, *ласк.* — ласкательное) или комплексной пометы, включающей компонент *уменьш./увел.* и оценочную помету (например, *уменьш.-ласк.* — уменьшительно-ласкательное), но часто информация об оценке передается самими пометами *уменьш.* и *увел.*

Таким образом, пометы *уменьш.* и *увел.* на самом деле многозначны. Они указывают на разные параметры объекта, а иногда и на оценку (то есть на отношение говорящего к объекту). Читатели словарей должны сами определять, что именно обозначают эти пометы при конкретных словах, и это может вызывать у них трудности. Особенно трудно бывает пользователям-неспециалистам, в том числе иностранцам, изучающим русский язык.

2. Материал и цель исследования

Материалом исследования служат слова, извлеченные методом сплошной выборки из «Толкового словаря русского языка с включением сведений о происхождении слов» под редакцией Н.Ю. Шведовой (далее — СШ). В данном словаре зафиксировано большое

количество слов с пометами *уменьш.* и *увел.* — более 2400. Содержание данных помет в словаре не объясняется.

В работе [Ван, Галактионова 2024] интерпретация этих двух помет опиралась на толкование терминологических значений слов *уменьшительный* и *увеличительный* (результатом субстантивации которых данные пометы являются) в СШ, а также в целом на систему помет в этом словаре. Из толкований слов *уменьшительный* и *увеличительный* следует, что слова с этими пометами могут выражать не только разные параметрические значения (размер, степень качества), но и эмоциональное отношение — как вместе с параметрической информацией, так и без нее. Вместе с тем наличие в СШ специализированных оценочных, а также комплексных помет, содержащих оценочный компонент, свидетельствует о противопоставлении помет *уменьш.* и *увел.* пометам оценочным, а значит, пометы *уменьш.* и *увел.* должны пониматься параметрически. Таким образом, анализ толкований и системы помет не позволил приписать пометам *уменьш.* и *увел.* четкого содержания. Вместе с тем понятно, что обычный пользователь словаря не будет проводить подобных изысканий.

Проблемы, возникающие при интерпретации значений двух указанных помет, в целом одинаковы. Хотя подавляющее большинство слов с этими пометами имеют помету *уменьш.* (более 97% от общего количества), в данной статье проблема интерпретации помет рассматривается на относительно небольшой группе слов с пометой *увел.* Выбор именно этой группы обусловлен двумя причинами. Во-первых, слова с увеличительными суффиксами, или аугментативы, изучались гораздо меньше, чем слова с уменьшительными суффиксами. Во-вторых, небольшое количество слов с увеличительными суффиксами позволяет провести более тщательный анализ материала с помощью описательного метода.

Цель нашего исследования состоит в выяснении того, может ли обычный пользователь словаря правильно понять семантику слова, переданную с помощью пометы *увел.*, какие правила интерпретации этой пометы можно сформулировать для того, чтобы ему помочь, и действительно ли эти правила помогут пользователю.

3. Слова с увеличительными суффиксами в СШ

В СШ зафиксированы 64 слова с увеличительными суффиксами, семантическая характеристика которых дается с помощью пометы *увел.*

Для образования этих слов используется преимущественно суффикс *-ищ-*, например, *басище, грязища, дурища, ножище, теснотища*; таких слов всего 56. Некоторые другие суффиксы представлены

у единичных слов: суффикс *-ин-* — у 5 слов — *вражина*, *дождина*, *домина*, *купчина* и *старичина*, суффикс *-юг-* — у слова *катюга* (от *кат*), суффикс *-юк-* — у слова *грязюка* и суффикс *-яг-* — у слова *парняга* (от *парень*). В литературе отмечается, что среди слов с увеличительными суффиксами «наибольшую продуктивность демонстрируют производные с суффиксом *-ИЩ*» [Меркулова 2023: 121]. Очевидно, что материал СШ это подтверждает.

Большинство из этих слов снабжены только одной пометой *увел.*, но есть и исключения: четыре слова, кроме пометы *увел.*, имеют также помету *прост.* (просторечное; это *вонища*, *вражина*, *красотища* и *парняга*), пять слов имеют оценочную помету: *неодобр.* (неодобрительное; *табачище*), *презр.* (презрительное; *вражина*), *пренебр.* (пренебрежительное; *дурища* и *коровища*) и комплексную помету *увел.-пренебр.* (увеличительно-пренебрежительное; *катюга*).

Количество дериватов от одного и того же слова — обычно один, но в четырех случаях для одного и того же производящего фиксируются два увеличительных деривата — это *грязища* и *грязюка* от *грязь*, *дождина* и *дождище* от *дождь*, *домище* и *домина* от *дом*, *парнище* и *парняга* от *парень*.

Надо отметить, что количество слов с пометой *увел.* и количество значений, имеющих данную характеристику, не совпадают. Некоторые дериваты соотносятся с единственным значением производящего (таких дериватов всего 18; например, *карасище*) или с одним из значений многозначного слова (таких случаев 15; например, *губища*, которое соотносится только с первым значением *губа* ‘часть тела’). У всех таких производных только одно значение. Другие дериваты соотносятся сразу с несколькими (со всеми или не со всеми) значениями производящего. Со всеми значениями соотносятся 19 дериватов (например, *котище* соотносится с обоими значениями *кот* — ‘животное’ и ‘похотливый мужчина’), с несколькими — 11 дериватов (например, *носище* соотносится с первым и третьим из четырех значений *нос* — ‘орган обоняния у человека и животного’ и ‘клюв птиц’). У всех таких дериватов более одного увеличительного значения (максимум — пять значений — представлен у слова *хвостище*). В одном случае дериват соотносится с оттенком значения производящего (*коровища* соответствует только переносному употреблению второго значения *корова* «о толстой, неуклюжей женщине» [СШ 2011: 367]).

Таким образом, если учесть многозначность увеличительных дериватов, то окажется, что в СШ зафиксировано всего 109 лексико-семантических вариантов (далее — ЛСВ) слов с увеличительным

значением¹. Различение ЛСВ важно потому, что помета *увел.* при разных ЛСВ дериватов может интерпретироваться по-разному. Для указания на то, с каким ЛСВ многозначного производящего соотносится увеличительный дериват, мы ставим номер, совпадающий с номером ЛСВ производящего; такие номера оформляются нижним индексом, например, *котище*₁, *котище*₂. При необходимости значение ЛСВ поясняется тем или иным способом.

Слова с увеличительными суффиксами обычно не имеют других, неувеличительных значений, поэтому у них почти никогда нет самостоятельных словарных статей. Исключениями являются два слова — *кострище* и *пожарище*, первые значения которых описываются с помощью пометы *увел.* и отсылки к статье производящего слова, а вторые, в которых они обозначают место, эксплицируются с помощью толкования.

4. Содержание пометы *увел.* в СШ

4.1. Закономерности интерпретации пометы *увел.*

Неоднозначность пометы *увел.* требует формулирования закономерностей (правил), опираясь на которые можно определить, какое именно содержание она передает при конкретном слове.

В работах [Апресян 1995: 146; Скачкова 2022: 181–183; Меркулова 2023: 121] перечислены некоторые соответствия между семантикой производящего и значением (увеличительного) суффикса². Наиболее эксплицитно эти соответствия представлены в работе Е.В. Скачковой, автор которой выделяет четыре разных значения увеличительных суффиксов, каждое из которых реализуется при присоединении к производящим словам определенной семантики (см. табл. 1).

Опираясь на указанные Е.В. Скачковой соответствия и уточняя их, можно попытаться сформулировать для читателя СШ закономерности интерпретации содержания пометы *увел.*

Приводимые Е.В. Скачковой примеры показывают, что под «словами с предметной семантикой» понимаются обозначения собственно предметов (*букет*, *глыба*), а не людей или других живых существ. Если учесть это, то **первую закономерность** можно сформулировать следующим образом.

¹ Надо отметить, что мы описываем материал словаря, но не всегда с ним согласны, например, наличие четырех ЛСВ у слова *теснотища* и наличие деривата у слова *кровь* в его 2–4 значениях вызывают у нас сомнения.

² Для уменьшительных дериватов подобные закономерности формулировались в работах [Апресян 1995: 145–146; Спиридонова 1999: 17–18] и др.

Соответствия между семантикой производящего
и значением суффикса у Е.В. Скачковой³

Семантическая характеристика производящего слова	Значение увеличительного суффикса у деривата	Примеры
Слово с предметной семантикой	Увеличенный параметрический показатель размера	Букетище, кулачище, аквариумище, глубина, каменюга
Слово с вещественной семантикой	Большое количество	Грязища, кровища, пылига, грязюка
Слово, обозначающее физическое явление, свойство	Усиленная интенсивность	Дождище, туманище, холодина, ветрюга, жарюка
Слово с отвлеченной семантикой	Усиленный субъективно-прагматический компонент	Стыдобище, кошмарище, идиотина, ворюга, зверюка

• Если производящее называет предмет, то помета *увел.* при деривате указывает на большой размер этого предмета.

Эта закономерность позволяет понять, что *глазище₁* (*глазища ребенка*) обозначает глаз большого размера, а *ножище₁* (*острый нож*) — большой нож; ср. также *губища₁*, *домище₁*, *избища*, *носище₁*, *ручища₁*.

Однако эта закономерность действует не для всех названий предметов. Согласно Н.Д. Арутюновой, нарицательные существительные делятся на те, для которых наиболее естественна идентифицирующая роль, и те, которые чаще используются в предложении в позиции предиката, — на идентифицирующие и предикатные имена [Арутюнова 1976: 343 и след.]. Приведенная закономерность верна только для идентифицирующих имен предметов.

В СШ зафиксирован как минимум один дериват от предикатного имени предмета. Это *вкуснотища* (*уплетать эту вкуснотищу*). Очевидно, что речь идет не, например, о куске торта большого размера, а об очень вкусной еде. При подобных словах помета *увел.* указывает на большую степень признака, положенного в основу номинации предмета, а не на его размер.

К словам с предметной семантикой, кроме названий собственно предметов, относящихся к неживой природе, относятся также на-

³ Все формулировки значений и примеры слов принадлежат Е.В. Скачковой.

звания людей и иных живых существ. Из формулировки приводимого в [Скачкова 2022: 181] первого соответствия следует, что дериваты от них должны указывать на большой размер. Это верно для слов, обозначающих иные живые существа: *бегемотище* — это большой бегемот, *карасище* — большой карась; ср. также *котище*₁, *собачища*₁, *паучище*. Заметим, что эти слова относятся к идентифицирующим именам.

Интерпретация пометы *увел.* при названиях людей зависит, как и в случае с названиями предметов, от типа имени, но в отличие от имен предметов, эта помета никогда не указывает на размер. При идентифицирующих словах она указывает на оценку; например, *парнище*₁ (*деревенский парнище*) — это парень, к которому говорящий относится с восхищением; ср. также *купчина*₁, *старичина*₁, *сынище*₁. При предикатных словах помета *увел.* указывает на большую степень признака, положенного в основу номинации лица; например, в *дурища*₁ интенсифицируется признак глупости (*дура* — ‘глупая женщина’, *дурища* — ‘очень глупая женщина’); ср. также *вражина*₁, *идолище*₄ ‘большой дурак’, *котище*₂ ‘очень похотливый мужчина’.

Таким образом, необходимо уточнить закономерности интерпретации пометы *увел.* при дериватах от слов предметной семантики.

- Если производящее является а) идентифицирующим названием предмета или б) названием живого существа (кроме человека), то помета *увел.* при деривате указывает на большой размер этого предмета или существа.

- Если производящее является предикатным названием человека или предмета, то помета *увел.* при деривате указывает на большую степень признака, положенного в основу номинации человека или предмета.

- Если производящее является идентифицирующим названием человека, то помета *увел.* при деривате указывает на оценку этого человека.

Вторая закономерность сформулирована на основе второго соответствия Е.В. Скачковой.

- Если производящее обозначает вещество, то помета *увел.* при деривате указывает на большое количество этого вещества.

Эта закономерность позволяет понять, что *пылища* обозначает большое количество пыли, а *кровища*₁ (*Из раны хлестала кровища*) — много крови; ср. также *грязища*₁, *грязюка*₁.

Однако для *табачище*₂ эта закономерность дает неправильный результат; в этом ЛСВ, соотносимом с вещественным ЛСВ *табак 2* «Содержащие никотин высушенные и изрезанные или растертые

листья этого растения⁴» [СШ 2011: 966], суффикс, как считает В.В. Химик, не обозначает большого количества табака, а усиливает негативную экспрессию [Химик 2006: 16–17]. Кроме того, по мнению Ю.Д. Апресяна, в словах типа *табачище* «сохраняется намек на какую-то чрезмерность» [Апресян 1995: 146]; при этом в приводимом им примере *Табачищем разит* (при сомнительном *Табачищем попахивает*) увеличительный суффикс не выражает характеристику самого табака, а указывает на интенсивность его запаха.

В СШ обнаружился только один вещественный дериват с такими особенностями семантики, и он должен считаться исключением из закономерности, сформулированной выше. Сама же эта закономерность в уточнении не нуждается.

В качестве примеров, иллюстрирующих третье соответствие, Е.В. Скачкова приводит слова *дождище*, *туманище*, *холодина*, *ветрюга*, *жарюка*. Все они называют погодные явления, которые могут быть охарактеризованы по параметру интенсивности. Однако по этому параметру действительно могут быть охарактеризованы не только погодное явление *мороз 2* (ср. *морозище*₂), но и другие явления, например *вонь* (ср. *вонища*), а также свойства, например *теснота 2* (*квартиры*) (ср. *теснотища*₂), и атрибуты человека, например *голос 1* (*соседа*) (ср. *голосище*₁).

С учетом сказанного **третью закономерность** можно сформулировать следующим образом.

- Если производящее называет явление, или свойство, или атрибут человека, имеющие параметр интенсивности, то помета *увел.* понимается как указывающая на большую интенсивность этого явления, или свойства, или параметра атрибута.

Таким образом, получается, что если что-либо можно охарактеризовать по параметру интенсивности, то помета *увел.* при соответствующем деривате будет указывать на большую интенсивность. Нельзя не отметить, что степень признака у предикатных имен лиц и предметов — это фактически разновидность данного параметра.

Е.В. Скачкова устанавливает также соответствие между отвлеченной семантикой производящего и значением «усиленного субъективно-прагматического компонента» у деривата. Поясняя это значение, она пишет, что для него «в большей степени характерна не интенсификация непроцессуального признака как таковая, а усиление общей экспрессивности высказывания, в котором употреблен дериват, что достигается его необычностью» [Скачкова 2022: 183]. Таким образом, в данном значении объединяются информация,

⁴ Названием этого растения является ЛСВ *табак 1* «Травянистое и кустарниковое растение сем. пасленовых, обычно с крупными листьями» [СШ 2011: 966].

относящаяся к денотату (указание на интенсивность его признака; соответствие этого типа уже отражено нами при обсуждении первой закономерности), и характеристика высказывания как более экспрессивного. В качестве примеров автор приводит слова, обозначающие как предметы (*идиотина, человечина, ворюга, зверюка, зверюга, тварюга*; эти слова, на наш взгляд, не относятся к отвлеченным), так и ситуации (*стыдобище, скукотища, кошмарище*). Об усилении экспрессивности высказывания можно говорить, как представляется, только в том случае, когда высказывание, в котором использовано слово без увеличительного суффикса, также обладает экспрессивностью, что естественно связать с наличием оценочной семантики в производящем слове.

Поскольку оцениваемый признак может лежать в основе номинации и людей, и предметов, и событий, и свойств, помета *увел.* указывает на усиление выражаемой оценки независимо от отвлеченности/конкретности существительного. В приводимой далее формулировке **четвертой закономерности** говорится именно об оценке, так как формулировка «усиление субъективно-прагматического компонента» непонятна обычному читателю.

- Если в производящем содержится оценка называемого им предмета, человека, ситуации, свойства и т. п., то помета *увел.* понимается как указывающая на усиление этой оценки.

Эта закономерность позволяет понять, что *смехотища* обозначает очень смешные предмет, человека или ситуацию, *стыдобища* — очень стыдную ситуацию; ср. также слова *красотища*₁ (*красотища пейзажа*), *тощища*₂ (*Не спектакль, а тощища*).

Данная закономерность охватывает в том числе и предикатные названия людей, которые были рассмотрены в связи с первой закономерностью, поскольку семантический признак, на который она опирается, связан не с типом обозначаемого объекта или ситуации, а со способом его номинации через тем или иным образом оцениваемый признак.

Итак, мы попытались, опираясь на зафиксированные в литературе соответствия, сформулировать некоторые правила интерпретации дериватов с пометой *увел.* в зависимости от семантики производящего и убедились, что они, во-первых, основаны на признаках, выделенных на разных основаниях, и поэтому частично пересекаются, а во-вторых, имеют исключения, даже если применять их к ограниченному числу ЛСВ.

Вместе с тем не ко всем ЛСВ с пометой *увел.* можно уверенно применить какую-либо из приведенных закономерностей. Так, *хвостище*₆ от *хвост* б (*хвост за билетами*) можно было бы считать предметным словом и, воспользовавшись первым соответствием

Е.В. Скачковой, прийти к правильному выводу, что *хвостище*₆ — это очень большая по размеру (то есть длинная) очередь, однако само столь общее соответствие неверно, а ни одна из уточненных формулировок первой закономерности для этого ЛСВ не подходит, так как обозначает совокупность людей (а не предмет, человека или животное). Отдельная закономерность (или модификация уже имеющейся) понадобится для интерпретации ЛСВ *сила*₁₀ от *сила 10* 'очень большое количество' (*Народу там — сила*). Ни одну из закономерностей нельзя, на наш взгляд, применить также к ЛСВ *деньжища*₂ (о капитале), *дождище*₂ (о чем-н. падающем во множестве).

Таким образом, закономерностей для интерпретации пометы *увел.* много, и они не охватывают всего материала. Кроме того, уже сформулированные закономерности могут быть уточнены, если учитывать не только 109 ЛСВ, представленных в СШ, но и другие аугментативы, зафиксированные в словарях с большим объемом словника⁵.

4.2. Определение семантической группы производящего слова

Предположим, что все закономерности, позволяющие установить значение пометы *увел.*, сформулированы достаточно четко и сообщены читателю во вводных материалах словаря. Чтобы воспользоваться этими закономерностями, читатель должен уметь определять, к какой семантической группе относится слово, обладающее дериватом с такой пометой. Кажется маловероятным, что обычный пользователь словаря, а тем более иностранец, изучающий русский язык, сможет это сделать во всех случаях.

Для определения семантической группы читатель прежде всего может опираться на толкование производящего слова в СШ, и во многих случаях толкования достаточно, чтобы определить группу.

По толкованию обычно легко определить, что слово обозначает живое существо (но не человека): в толковании таких ЛСВ используются метаслова *животное*, *млекопитающее*, *рыба* и под. Например, *баранище*₁ — это дериват от *баран 1* «Жвачное парнокопытное дикое млекопитающее сем. полорогих...» [СШ 2011: 30], *карасище* — от *карась* «Пресноводная рыба сем. карповых...» [Там же: 324]. Если слово обозначает живое существо, то для него действует только одна из сформулированных выше закономерностей, поэтому пользователь словаря легко определит, что помету *увел.* при *баранище*₁ и *карасище* нужно понимать как указание на большой размер.

⁵ Дополнительные уточнения понадобятся также, чтобы можно было определить, в каком случае параметрическое значение, выявленное на основе приведенных выше закономерностей, сопровождается в конкретном аугментативе оценкой, а в каком — нет; в данной статье этот вопрос не рассматривается.

Нетрудно также понять, что слово обозначает человека: на это указывают метаслова *человек, мужчина, женщина* и под. Например, *вражина*₁ — от *враг 1* «Человек, к-рый находится в состоянии вражды с кем-н., противник» [Там же: 116], *старичина*₁ — от *старик 1* «Мужчина, достигший старости» [Там же: 937]. Однако, чтобы установить значение пометы *увел.* при словах, называющих людей, нужно также знать, являются ли они идентифицирующими или предикатными. По толкованию это определить почти невозможно. В ряде случаев может помочь комментарий вида «в значении сказуемого» при ЛСВ, указывающий на предикатный тип предметного имени. Отсутствие четкого указания на тип, безусловно, создает трудности для читателя, которому нужно понять, обозначают ли, например, ЛСВ *вражина*₁ и *старичина*₁ оценку врага или старика со стороны говорящего (если они идентифицирующие) или указывают на большую степень враждебности или глубокую старость соответственно (если они предикатные).

Кроме того, часть ЛСВ трудно отнести к определенной группе, например, непонятно, что обозначают слова, имеющие толкования вида «О чем-н. очень вкусном» [Там же: 96] или «То, что пачкает, грязнит» [Там же: 175] у ЛСВ *вкуснота* и *грязь 2*, — предмет или вещество. Не зная семантики, читатель не сможет определить, какую закономерность надо применить для дериватов *вкуснотища*, *грязища*₂, *грязюка*₂.

Таким образом, не установив, к какой группе относится конкретный ЛСВ слова, невозможно применить нужное правило интерпретации пометы *увел.*, даже если эти правила сформулированы очень четко и охватывают все случаи.

Из всего сказанного следует, что помета *увел.* для обычного пользователя малоинформативна; фактически из словаря он узнает только то, что у данного слова или значения есть дериват, образуемый именно с помощью данного увеличительного суффикса, но не сможет с достаточной степенью точности определить его значение. Более удачным способом представления семантики данных слов было бы их толкование, тем более что этот способ использован в СШ для некоторых слов. Так, слова *холодина* и *холодрыга*, в отличие от *холодище*, не включены в словарную статью *холод*, а имеют свои собственные статьи, где значение каждого из них толкуется: *холодина* — «Очень сильный холод» [СШ 2011: 1069], *холодрыга* — «Сильный мороз, пронизывающий холод» [Там же: 1069]. Хотя толкование занимает больше места в словаре, чем пометы, однако оно непосредственно отражает семантику слова и гораздо удобнее для читателя.

5. Заключение

Мы рассмотрели относительно небольшое количество слов, имеющих в СШ помету *увел.*, и пришли к выводу, что обычному читателю словаря по этой помете трудно установить семантику слова. Причин этого сразу несколько. Во-первых, неоднозначна сама помета: она может выражать и параметрическое значение (причем разных типов), и оценочное значение. Во-вторых, значения пометы *увел.*, как и всех остальных, не разъясняются в каких-либо вводных материалах словаря; а значит, читатель не получает информации о том, как выбрать одно, реализующееся в конкретном слове значение пометы. В-третьих, самостоятельное выведение значения слова требует от читателя определенной лингвистической подготовки или языковой интуиции.

Известно, что интерпретация пометы *увел.* при производном слове зависит от семантики производящего. Опираясь на отмеченные в литературе соответствия между семантикой производного и производящего, можно сформулировать следующие закономерности интерпретации пометы *увел.* в СШ: 1) при словах с предметной семантикой помета указывает на большой размер (если слово является идентифицирующим названием предмета или названием живого существа, за исключением названия человека), на большую степень признака (если слово является предикатным названием человека или предмета), на оценку (если слово является идентифицирующим названием человека); 2) при словах с вещественной семантикой помета указывает на большое количество; 3) при словах, обозначающих объект, имеющий параметр интенсивности, указывает на большую интенсивность; 4) при словах, содержащих оценку, указывает на усиленную оценку. Однако эти закономерности работают не на всем массиве слов с пометой *увел.* в СШ. Кроме того, за пределами нашего внимания остался вопрос о наличии оценочного значения у всех без исключения увеличительных дериватов, на который в литературе даются прямо противоположные ответы.

Использование пометы *увел.* для описания слов, как мы считаем, предполагает формулирование подобных закономерностей во вводной части словаря. Однако, как кажется, это не очень поможет читателю, ведь для того, чтобы воспользоваться этими закономерностями, он должен уметь определять, к какой семантической группе относится слово, в статье которого помещен дериват; а ожидать этого от обычного читателя словаря, а тем более от иностранца, изучающего русский язык, нереалистично.

Представляется, что семантику всех слов, включая увеличительные дериваты, разумнее эксплицировать с помощью толкований,

а не с помощью семантических помет. Пометы, безусловно, экономят место, но не позволяют точно передать семантику и перекладывают задачу ее выявления на читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды, т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
2. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.
3. *Ван Ч., Галактионова И.В.* Пометы «уменьшительное» и «увеличительное» в «Толковом словаре русского языка» Н.Ю. Шведовой // *Litera*. 2024. № 7. С. 81–91.
4. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. М., 1992.
5. *Лопатин В.В., Улуханов И.С.* Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М., 2016.
6. *Меркулова И.А.* Аугментативы как суффиксальные формы русских существительных // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 114–125.
7. *Скачкова Е.В.* Семантика и особенности функционирования существительных с аугментативными суффиксами в неформальной интернет-коммуникации (на материале русскоязычных блогов) // *Вестник Самарского университета*. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 1. С. 179–186.
8. *Спиридонова Н.Ф.* Русские диминутивы: проблемы образования и значения // *Известия АН*. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 2. С. 13–22.
9. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2011.
10. *Химик В.В.* Экспрессия русского производного слова: избыточность или богатство? // *Мир русского языка*. 2006. № 1. С. 14–19.

REFERENCES

1. *Apresyan Yu.D.* *Izbrannyye Trudy, vol. 2. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works. Vol 2. Integral description of a Language and Systematic Lexicography]. Moscow, *Shkola "Yazyki russkoj kul'tury"*, 1995. 767 p. (In Russ.)
2. *Arutyunova N.D.* *Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problemy* [The sentence and its meaning: Logical and semantic problems]. Moscow, *Nauka*, 1976. 383 p. (In Russ.)
3. *Wang Zh., Galaktionova I.V.* Pomety «umen'shitel'noe» i «uvelichitel'noe» v «Tolkovom slovare russkogo yazyka» N.Yu. Shvedovoi [Notes «umen'shitel'noe» 'diminutive' and «uvelichitel'noe» 'augmentative' in «Explanatory Dictionary of the Russian Language» by N.Yu. Shvedova]. *Litera*, 2024, no. 7, pp. 81–91. (In Russ.)
4. *Zemskaya E.A.* *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word formation as an activity]. Moscow, *Nauka*, 1992. 221 p. (In Russ.)
5. *Lopatin V.V., Ulukhanov I.S.* *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennoy russkogo yazyka* [Dictionary of word-formative affixes in the modern Russian language]. Moscow, *Azbukovnik*, 2016. 812 p. (In Russ.)
6. *Merkulova I.A.* Augmentativy kak suffiksaly'nye formy russkikh sushchestvitel'nykh [Augmentatives as suffix forms of Russian nouns]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Pro-

ceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2023, no. 4, pp. 114–125. (In Russ.)

7. Skachkova E.V. Semantika i osobennosti funktsionirovaniya sushchestvitel'nykh s augmentativnymi suffiksami v neformal'noi internet-kommunikatsii (na materiale russkoyazychnykh blogov) [Semantics and specifics of functioning of nouns with augmentative suffixes in informal internet-communication (based on the materials of Russian-speaking blogs)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2022, vol. 28, no. 1, pp. 179–186. (In Russ.)
8. Spiridonova N.F. Russkie diminutivy: problemy obrazovaniya i znacheniya [Russian diminutives: problems of education and meaning]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 1999, vol. 58, no. 2, pp. 13–22. (In Russ.)
9. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, *Azbukovnik*, 2011. 1175 p. (In Russ.)
10. Khimik V.V. Ekspressiya russkogo proizvodnogo slova: izbytochnost' ili bogatstvo? [Expression of a Russian derivative word: excess or wealth?]. *Mir russkogo yazyka* [World of the Russian Word], 2006, no. 1, pp. 14–19. (In Russ.)

Поступила в редакцию 07.04.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 20.01.2026

Received 07.04.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 20.01.2026

ОБ АВТОРАХ

Ван Чжэ — соискатель кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; zh.wang@mail.ru

Ирина Владимировна Галактионова — к.ф.н., доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ig@philol.msu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Wang Zhe — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; zh.wang@mail.ru

Irina V. Galaktionova — PhD, Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; ig@philol.msu.ru

«ПРИБЛИЖАЮЩИЙ» ДЕЙКСИС В ОРИГИНАЛЬНОМ И ПЕРЕВОДНОМ НАРРАТИВЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО-РУССКОГО ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА

А.В. Уржа, Г.А. Филатова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; English2@yandex.ru, gphilatova@gmail.com

Аннотация: В статье представлены результаты исследования средств «приближающего» дейксиса (наречий *здесь, тут, сюда / here, сейчас, теперь, нынче / now*, форм настоящего времени глагола и др.), позволяющих переключить ретроспективный взгляд на события сюжета на синхронный, погрузить читателя в хронотоп происходящего. С использованием параллельного англо-русского корпуса Национального корпуса русского языка проведен сопоставительный анализ функционирования «приближающих» дейктиков в англоязычных прозаических текстах (созданных на протяжении последней трети XIX века — первой половины XX века) и в их русских переводах (подготовленных и опубликованных в XX веке). Для обработки результатов автоматической выборки контекстов с дейктическими средствами, а затем для корректировки количественной оценки переводческих трансформаций был привлечен традиционный функционально-семантический анализ развернутых контекстов. Результаты проведенного исследования показывают, что авторы и переводчики активизируют разные составляющие репертуара «приближающего» дейксиса в своих текстах, и это обусловлено как грамматическими возможностями языков (наличием / отсутствием ограничений на употребление форм настоящего времени в рамках субъективированного нарратива), так и различиями повествовательных традиций: если в англоязычном нарративе особую функциональную нагруженность приобретает наречие *now*, обеспечивающее эффект синхронизации дейктического центра с повествуемыми событиями даже в случае употребления «дистанцирующих» глагольных форм прошедшего времени или будущего в прошедшем, то в русских переводах для той же цели зачастую привлекается функциональная связка темпоральных и пространственных «приближающих» дейктиков, включающая наречия и презенсные глагольные формы. Переключение на точку зрения наблюдателя в русских переводах маркируется более активно, нередко за счет дополнительных вставок дейктических слов. Выявленный феномен ограничен вышеуказанным хронологическим периодом (переводы, помещенные в корпус, носят доместицирующий характер), перспектива исследования предполагает включение в анализ оригинальных текстов более

позднего периода и конкурирующих переводов с форенизирующей стратегией, для чего потребуется формирование поливариантного параллельного корпуса.

Ключевые слова: дейксис; перевод; свободный косвенный дискурс; параллельный корпус; английский язык; русский язык

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-6

Для цитирования: Уржа А.В., Филатова Г.А. «Приближающий» дейксис в оригинальном и переводном нарративе: исследование на материале англо-русского параллельного корпуса НКРЯ // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 84–100.

DEICTIC “PROXIMALS” IN ORIGINAL AND TRANSLATED NARRATIVES: THE RESEARCH BASED ON ENGLISH-RUSSIAN PARALLEL CORPUS

Anastasia V. Urzha, Ganna A. Filatova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; English2@yandex.ru, gphilatova@gmail.com

Abstract: The article presents the research of deictic words and grammar forms with “approximating” effect in a narrative (adverbs *zdes’, tut, sjuda / here; seichas, teper’, nynche / now*; present tense verb forms, etc.) which allow the reader to switch from a retrospective view of the events of the plot to a synchronous one, immersing them in the spacetime of what is happening. These deictic elements are called “proximals” (vs. “distals” like *there, then*, past tense forms, etc.). Using a parallel English-Russian corpus of the National Corpus of the Russian Language, we conducted comparative analysis of the functioning of “proximals” in English-language prose texts (created during the last third of the 19th century and the first half of the 20th century) and in their Russian translations (prepared and published in the 20th century). Traditional functional-semantic analysis of expanded contexts was used to process the results of automatic selection of contexts with deictic words and then to correct the quantitative assessment of translation transformations. The results of the study show that authors and translators activate different components of the repertoire of “approximating” deixis in their texts, and this is due both to the specific features of grammar systems (the presence/absence of restrictions on the use of present tense forms within the free indirect discourse about past events) and to dissimilar narrative traditions. In English narratives the adverb *now* acquires a special functional significance, ensuring the synchronization of the deictic center with the events being narrated even when “distancing” verb forms of the past tense or future in the past are employed, whereas in Russian translations the same goal is often achieved by using a functional combination of “approximating” deictics, in-

cluding temporal and spatial adverbs and present tense verb forms. The shift to the observer's point of view in Russian translations is marked more actively, often through the addition of deictic words. The identified phenomenon is limited to the above-mentioned chronological period (the translations included in the corpus apply strategy of domestication), and the research perspective suggests including original texts from a later period and competing translations with a foreignization strategy in the analysis, which will require the formation of a multivariant parallel corpus.

Keywords: deixis; translation; free indirect discourse; parallel corpus; English language; Russian language

Funding: The research is financially supported by grant of Russian Science Foundation (RSF) <https://rscf.ru/en/project/23-18-00260/>

For citation: Urzha A.V., Filatova G.A. (2026) Deictic “Proximals” in Original and Translated Narratives: The Research Based on English-Russian Parallel Corpus. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 84–100.

Введение

Феномен «дейксиса к воображаемому» [Бюлер 1993], или вторичного [Апресян 1997], нарративного [Падучева 2010] дейксиса, давно и активно изучаемый в сфере нарратологии [Bal 2009] и когнитивной поэтики [Stockwell 2002], в последнее время привлекает все большее внимание лингвистов, сопоставляющих оригинальные и переводные произведения на разных языках. Перемещение дейктического центра повествования — локализованной в определенном времени и пространстве точки зрения, с которой представляются явления художественной действительности [Levinson 1983: 64], — может воссоздаваться в переводных версиях произведения с разной степенью точности, обусловленной целым комплексом разнородных факторов [Mason, Şerban 2004; Goethals, De Wilde 2009; Немкова 2018].

Особый интерес для изучения представляет так называемый «приближающий» дейксис, позволяющий переключить ретроспективный или проспективный взгляд на события сюжета на синхронный, позволить читателю приобщиться к сознанию персонажа. В репертуар средств «приближающего» дейксиса (в англоязычной терминологии ‘proximals’) включают слова и грамматические формы, указывающие на пространственно-временную синхронность определенного явления текстовой реальности и выбранной для его представления точки отсчета. В русском языке это слова *сейчас, теперь, ныне, сегодня, здесь, тут* (в пространственном и темпоральном значениях), *туда, отсюда, вот, этот* и подобные им, а также грамматические формы глагола настоящего времени, безглагольные конструкции с нулевой связкой. «Приближающий» дейксис противопоставлен «отдаляющему» (‘distals’), используемому для введения

в нарратив ретроспективы, дистанцированного взгляда на события сюжета (*тогда, там, туда, оттуда, тот* и т. п.). Варьирование средств нарративного дейксиса в тексте способно привлекать дополнительное внимание читателя к определенным элементам повествования, и этот прагматический эффект позволяет исследователям усматривать у «дейксиса к воображаемому» специфическую интерактивную функцию [Segal 1995].

Вопрос о том, сохраняются ли переключения дейктического центра повествования при переводе на другой язык, оказался для лингвистов и переводоведов сложным, комплексным. В начале XXI века были осуществлены два исследования на корпусном материале переводов с румынского языка на английский [Mason, Şerban 2004] и с голландского языка на испанский [Goethals, De Wilde 2009]. Были выявлены интересные закономерности, требующие проверки на более обширном и разнообразном материале, но обозначился и целый ряд методических проблем, решение которых необходимо для продолжения подобных исследований. Данные последующих переводоведческих работ [Мельник 2017; Немкова 2018] на материале отдельных произведений подтвердили необходимость комбинирования количественных методов и детального лингвистического анализа расширенных контекстов употребления дейктиков.

Целью данной статьи стало представление результатов такого комбинированного анализа средств приближающего дейксиса с использованием параллельного англо-русского корпуса Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ). Период создания выбранных для исследования оригиналов (англизмычных романов) охватывает последнюю треть XIX века и первую половину XX века, русские переводы подготовлены и опубликованы в XX веке.

Корпусные исследования средств нарративного дейксиса в оригинальных и переводных текстах: первые результаты и методические вопросы

Направление современных переводоведческих исследований дейксиса на корпусном материале было задано работой Я. Мейсона и А. Шербан, в которой авторы постулировали тенденцию к дистанцированию дейктического центра нарратива при переводе с румынского на английский язык [Mason, Şerban 2004]. Корпус текстов включал 11 повестей и рассказов, написанных на румынском языке в период с 1900 по 1989 гг. и переведенных на английский язык с 1945 по 1989 гг. Объектами исследования стали дейктические местоимения и наречия: *this / that, these / those, here / there, now / then* и их румынские корреляты, а также формы прошедшего и настоящего нарративного времени в оригинальных и переводных текстах. Семантическая оп-

позиция, формируемая перечисленными лексическими и грамматическими средствами, представлена как противопоставление «приближающих» / «дистанцирующих» дейктических элементов.

В каждом из 11 текстов авторы выделили типовой фрагмент объемом 4500 слов для подсчетов (например, главу или ее часть). Опущение приближающих дейктиков, замена их на дистанцирующие или вставка дистанцирующих суммарно составили 136 случаев. Замены, вставки и пропуски, ведущие к увеличению количества «приближающих» дейктиков, составили 55 случаев. Настоящее историческое заменялось формами прошедшего времени, *acum* ('now') на *then* и т. п. Авторы подчеркнули, что все учтенные изменения не были связаны с различием грамматических и лексических систем: в каждом случае переводчик находился в ситуации свободного выбора. Была высказана гипотеза о том, что предпочтение дистанцирующих элементов при переводе может быть связано с их большей распространенностью в англоязычной нарративной традиции, немаркированностью [Mason, Şerban 2004: 270–279].

Такой яркий результат привлек внимание лингвистов и переводоведов. П. Гутолс и Дж. Де Вилде провели аналогичное исследование на материале голландских текстов и их испанских переводов XX века [Goethals, De Wilde 2009: 643]. Четкую тенденцию к дистанцированию или приближению дейктического центра при переводе для всего корпуса текстов им установить не удалось, закономерности были выявлены только в рамках переводов конкретных произведений, что могло объясняться как особенностями их индивидуальной поэтики, так и переводческой стратегией.

Идея изучения функционирующих дейктиков в контексте перевода представляется очень интересной. Однако, детально исследуя методику, примененную Я. Мейсоном и А. Шербан, можно отметить ряд спорных моментов:

- тексты, включенные авторами в корпус, были переведены на английский язык румынскими переводчиками, таким образом, язык перевода был неродным;

- в статьях нет упоминаний о том, была ли снята омонимия в корпусе (это важно, например, для характеристики слов *that* и *then* — автоматический подсчет таких слов включает союзы, идиомы и др.);

- фрагменты текстов, выбранные для подсчетов, были охарактеризованы только по объему, но не по характеру перспективы: осталось неясным, предпочиталось ли повествование от 1-го, 3-го лица, свободный косвенный курс и т. п.

Таким образом, опробованная в корпусных переводоведческих исследованиях нарративного дейксиса методика нуждается в до-

работке. Требуется детальное, сплошное исследование объемных текстов разных авторов, созданных и переведенных в определенный исторический период.

Принимая во внимание опыт предшественников, мы доработали методику сопоставительного анализа текстового дейксиса на корпусном материале применительно к англоязычным оригинальным текстам и их русским переводам:

- в качестве материала мы привлекли 5 полных текстов объемных англоязычных романов (от 46 до 80 тысяч словоупотреблений в каждом), размещенных в параллельном корпусе НКРЯ вместе с их переводами на русский язык;

- все переводы, привлеченные нами в рамках параллельного корпуса, были созданы носителями языка, известными мастерами переводческого цеха;

- в каждом романе были автоматически выявлены все контексты с использованием основных приближающих и отдаляющих действительных слов; затем вручную были отобраны только фрагменты нарратива (то есть была исключена прямая и косвенная речь, где дейксис использовался не в нарративном, а в других режимах), а также были исключены авторские метатекстовые комментарии;

- все отобранные контексты были подсчитаны и вручную проанализированы с сопоставлением оригинала и перевода. Это дало возможность точно установить не только случаи, когда дейктики были опущены, добавлены или переведены с помощью соответствующего эквивалента, но и ситуации функциональной компенсации: например, передачи роли лексического показателя с помощью функции грамматической формы или конструкции и т. п.

Таким образом, функционально-семантический анализ развернутых контекстов был привлечен для обработки результатов автоматической выборки, а затем для корректировки количественной оценки переводческих трансформаций. В результате удалось установить ряд особенностей функционирования средств нарративного дейксиса в выбранных англоязычных текстах, выявить закономерности интерпретации этих средств при переводе на русский язык в рамках заданного временного периода, а также охарактеризовать факторы, обуславливающие эти закономерности.

Особенности функционирования «приближающих» дейктиков в оригинальных англоязычных нарративах (последняя треть XIX — середина XX вв.)

В ходе исследования были проанализированы англоязычные романы, созданные британскими и американскими авторами и размещенные в параллельном корпусе НКРЯ (см. табл. 1). Изучая ори-

гинальные тексты, мы поместили в фокус внимания основные средства «приближающего» дейксиса по двум причинам. Во-первых, именно их появление в нарративе знаменует «сдвиг» дейктического центра, погружение в хронотоп событий, привлекающее внимание читателя. Во-вторых, они имеют значительно меньше омонимов, чем отдаляющие дейктики типа *there* или *then* (омонимия в корпусе не снята), и результаты подсчетов оказываются более точными. Представим результаты анализа романов в табл. 1, располагая тексты по хронологии.

Таблица 1

Количество основных «приближающих» дейктиков в оригинальных текстах

Автор и название	Общее количество словоупотреблений	Всего дейктиков		Из них в нарративе	
		here	now	today	tonight
Mark Twain The Adventures of Tom Sawyer, 1876	70657	here	112	here	13
		now	285	now	63
		today	4	today	0
		tonight	5	tonight	1
O. Wilde The Picture of Dorian Gray, 1890–1891	79221	here	51	here	8
		now	134	now	27
		today	13	today	0
		tonight	34	tonight	0
H.G. Wells The Invisible Man, 1897	48818	here	50	here	1
		now	74	now	23
		today	3	today	0
		tonight	4	tonight	0
A.C. Doyle The Hound of the Baskervilles, 1902	59277	here	90	here	5
		now	177	now	21
		today	12	today	0
		tonight	15	tonight	0
R. Bradbury Fahrenheit 451, 1953	46119	here	103	here	22
		now	171	now	79
		today	10	today	1
		tonight	26	tonight	2

Приведенные данные позволяют сопоставить результаты автоматических подсчетов дейктиков по всему тексту (с диалогами, косвенной речью и авторскими комментариями) и полученные в результате ручной обработки сведения о количестве дейктических слов, ответственных за переключение точки зрения в рамках соб-

ственно повествования. Фрагменты, включающие элементы приближающего дейксиса с такой функцией, традиционно относят к свободному косвенному дискурсу [McHale 1978; Падучева 2010: 343–350] или субъективированному нарративу (где позиции повествователя и фокального персонажа максимально сближаются, однако повествование не переходит во внутренний монолог) [Виноградов 1971: 189]. Приведем примеры:

*He recalled the stainless purity of his boyish life, and it seemed horrible to him that it was **here** the fatal portrait was to be hidden away* (O. Wilde).

*And why should he give it up, he reasoned — the signal did not come the night before, so why should it be any more likely to come **tonight**?* (Mark Twain)

*The object he had sent tumbling with his foot **now** glinted under the edge of his own bed.* (R. Bradbury)

Полученные данные демонстрируют общие черты употребления приближающих дейктиков во всех романах: и в целых текстах, и в их нарративной части лидирует наречие *now*, тогда как слово *today* в четырех объемных текстах из пяти вообще не используется в качестве нарративного дейктика, фигурируя только в диалогах персонажей. По мнению Е.В. Падучевой, слова *today* и *сегодня* представляют так называемые первичные, или «жесткие» эгоцентрики: при переводе прямой речи в косвенную они меняют референцию, а появление их в нарративе (как раз изучаемое нами) является редким, но ярким признаком свободного косвенного дискурса [Падучева 2010: 344].

Наиболее частотными (в процентном отношении от общего количества словоупотреблений) приближающие дейктики в нарративе оказались в романах Рэя Брэдбери и Марка Твена. На наш взгляд, это связано с поэтикой произведений: оба автора активно использовали субъективированное повествование, чтобы приобщить читателя к сознанию главных героев, передать ему их непосредственные впечатления и ощущения. В романах Герберта Уэллса и Оскара Уайльда таких фрагментов меньше, они возникают только тогда, когда герои испытывают наибольшее эмоциональное напряжение. Повествовательная форма романа Артура Конан Дойла предполагает доминирование ретроспективной позиции в прямой речи рассказчика, синхронных «включений» в этом тексте меньше, хотя они тоже присутствуют.

Отдельно скажем об использовании грамматических форм времени глагола в нарративных фрагментах романов. По законам оформления свободного косвенного дискурса в традиционном англоязычном нарративе обычно используются формы Past Simple, Past Perfect и Future in the Past:

No; she had died for love of him, and love would always be a sacrament to him now. (O. Wilde). Yet their conviction that they had, that very moment, heard somebody moving in the room had amounted to a certainty (H. Wells).

В редких случаях драматизации нарратива возможно появление эллиптических конструкций или фрагментов, оформленных в настоящем времени:

The street empty, the house burnt like an ancient bit of stage-scenery, the other homes dark, the Hound here, Beatty there, the three other firemen another place, and the Salamander (R. Bradbury). Gradually white fingers creep through the curtains, and they appear to tremble (O. Wilde).

Англоязычные лингвисты предлагают для такого употребления форм настоящего времени при фокусировании на деталях субъективно переживаемых событий термин “dramatic present”, в противопоставлении традиционным формам “historical present”, которые могут оформить целый нарратив, обозначая смену одного события другим в гомогенном повествовании [Chvany 1990: 228]. В период создания анализируемых нами романов такой прием был спорадическим [Royster, Thompson 1919], он начал активно развиваться позже, во второй половине XX века, когда нарратологи зафиксировали так называемый «взрыв настоящего» при создании повествовательных текстов [Huber 2016].

Опираясь на полученные данные, сопоставим оригинальные тексты с их русскими переводами в отношении употребления элементов нарративного дейксиса.

Интерпретация нарративного дейксиса в русских переводах англоязычной прозы: основные закономерности и обуславливающие их факторы

Лексическими коррелятами к английским основным «приближающим» дейктикам, в первую очередь, выступают русские наречия с пространственным (*здесь, тут, сюда, отсюда*) и временным (*сейчас, теперь, тут, впрямь, отныне, нынче*) значением, каждое из таких слов было учтено нами в ходе поиска соответствующих контекстов в русских переводах выбранных романов. Особое внимание мы уделили наречию *сегодня* — по сравнению со словом *today*, которое крайне редко фигурировало в оригинальных нарративах. Представим результаты подсчета этих элементов в табл. 2.

По данным таблицы видно, что в русских переводах приближающие дейктики разнообразны и используются активно: доля нарративного дейксиса с пространственной семантикой во всех переводах составляет от одной трети до одной четверти от всех употреблений соответствующих слов в тексте, тогда как в оригинальных произведениях она составляла от одной десятой до одной

Таблица 2

**Количество основных «приближающих» дейктиков
в русских переводах романов**

Название, переводчик	Общее к-во с/у	Всего дейктиков			Из них в нарративе		
«Приключения Тома Сойера» Н. Дарузес, 1950	59953	здесь	39	158	здесь	11	45
		тут	93		тут	31	
		сюда	18		сюда	1	
		отсюда	8		отсюда	2	
		сейчас	37	198	сейчас	4	62
		теперь	148		теперь	56	
		впредь	0		впредь	0	
		отныне	0		отныне	0	
		нынче	13		нынче	2	
		сегодня	6	6	сегодня	1	1
«Портрет Дориана Грея» М. Абкина, 1960	65703	здесь	40	85	здесь	19	35
		тут	28		тут	8	
		сюда	12		сюда	6	
		отсюда	5		отсюда	2	
		сейчас	73	173	сейчас	23	46
		теперь	91		теперь	18	
		впредь	1		впредь	1	
		отныне	4		отныне	4	
		нынче	4		нынче	0	
		сегодня	77	77	сегодня	7	7
«Человек-невидимка» Д. Вейс, 1935	40182	здесь	25	121	здесь	3	29
		тут	81		тут	25	
		сюда	8		сюда	0	
		отсюда	7		отсюда	1	
		сейчас	28	69	сейчас	1	6
		теперь	40		теперь	5	
		впредь	0		впредь	0	
		отныне	1		отныне	0	
		нынче	0		нынче	0	
		сегодня	11	11	сегодня	2	2

Название, переводчик	Общее к-во с/у	Всего дейктиков			Из них в нарративе		
		здесь			здесь		
«Собака Баскервиль» Н. Волжина, 1948	47085	здесь	99	175	здесь	18	33
		тут	40		тут	13	
		сюда	20		сюда	0	
		отсюда	16		отсюда	2	
		сейчас	42	131	сейчас	3	9
		теперь	89		теперь	6	
		впредь	0		впредь	0	
		отныне	0		отныне	0	
		нынче	0		нынче	0	
		сегодня	31	31	сегодня	0	0
«451 по Фаренгейту» Т. Шинкарь, 1956	41355	здесь	30	81	здесь	14	25
		тут	33		тут	6	
		сюда	14		сюда	4	
		отсюда	4		отсюда	1	
		сейчас	64	168	сейчас	29	64
		теперь	102		теперь	34	
		впредь	0		впредь	0	
		отныне	1		отныне	1	
		нынче	1		нынче	0	
		сегодня	34	34	сегодня	2	2

пятой. В переводах четырех из пяти романов в рамках свободного косвенного дискурса появляется слово *сегодня*. И только количество употреблений слов с темпоральной дейктической семантикой снижено в переводах «Собаки Баскервиль» и «Человека-невидимки» по сравнению с оригиналами.

Эти наблюдения подтверждаются в ходе сопоставительного лингвистического анализа переводов с исходными текстами.

1. Первая заметная тенденция — активное добавление приближающих пространственных дейктиков во всех переводах:

Every one began to move. They were prepared for scars, disfigurements, tangible horrors, but nothing! (H. Wells). — *Все вскочили с мест. Ждали ран, уродства, видимого глазом ужаса, а тут ничего* (Д. Вейс).

He had the key, and no one else could enter it (O. Wilde). — *Ключ теперь в руках у него, Дориана, и никто другой не может проникнуть сюда*. (М. Абкина).

<...> each, had he been alone, would have been right glad to have turned his horse's head (A.C. Doyle). — *<...> каждый из них, будь он здесь один,*

без товарищей, с радостью повернул бы своего коня вспять (Н. Волжина).

Всего в русском переводе романа О. Уайльда 26 «приближающих» вставок, в русскоязычной версии романа А. Конан Дойла — 22, Марка Твена — 16, Г. Уэллса — 12, Р. Брэдли — 11.

2. Также обнаруженные в переводах «приближающие» пространственные дейктики нередко заменяют оригинальные «отдаляющие». Приведем примеры замен:

*He searched his pockets, the money was **there**.* (R. Bradbury). — Он пошарил в карманах — деньги были **тут** (Т. Шинкарь).

***There** he paused, hearing the slow heavy tread of the policeman on the pavement outside.* (O. Wilde). — **Здесь** постоял, прислушиваясь к медленным и тяжелым шагам полисмена на улице. (М. Абкина).

Всего в переводе Н. Дарузес 16 подобных замен, у Д. Вейса 13, у Н. Волжиной 8, у М. Абкиной 5, у Т. Шинкарь 4.

3. Приближение дейктического центра повествования можно отметить и при добавлении в переводах слова *сегодня* или использовании его для замены оборотов *that day, that morning*:

The man seemed to take an interminable time over everything (O. Wilde). — Ему казалось, что слуга **сегодня** бесконечно долго копается (М. Абкина).

*The story he had been active to ridicule only **that morning** rushed through Kemp's brain* (H. Wells). — Кемпу сразу вспомнилась история, которую он так усердно высмеивал еще **сегодня утром** (Д. Вейс).

4. Гораздо более сложную ситуацию мы наблюдаем в отношении использования других показателей темпорального нарративного дейксиса. Наречие *now* в трех оригинальных текстах из пяти используется чаще, чем все его русские лексические корреляты вместе взятые. Это очень интересный феномен: судя по всему, именно *now* выступает в изученных англоязычных нарративах основным элементом приближающего дейксиса. Анализ показывает, что в русских переводах его коррелятами часто становятся не только темпоральные наречия *теперь, сейчас* или *нынче*, но и пространственные дейктики, реализующие таким образом свою функциональную эквивалентность в контексте:

*The excitement was gone, **now**, and Tom and Joe could not keep back thoughts of certain persons at home who were not enjoying this fine frolic as much as they were* (Mark Twain). — Волнение **теперь** улеглось, и Джо с Томом невольно вспомнили про своих родных, которым дома вовсе не так весело думать об этой их шалости, как им **здесь** (Н. Дарузес).

*For these were the hands that had acted on their own, no part of him <...>, and **now**, in the firehouse, these hands seemed gloved with blood* (R. Bradbury). — Ибо эти руки вздумали жить и действовать по

своей воле, независимо от Монтега <...>, **здесь**, на пожарной станции, они казались руками преступника, обгауренными кровью (Т. Шинкарь).

Таким образом, регистрируется любопытная асимметрия: в англоязычных текстах основную нагрузку при приближении дейктического центра в нарративе на себя принимает слово *now* (во всех изученных текстах в нарративе оно используется в три-четыре раза чаще чем *here*, см. табл. 1), тогда как в русских переводах этих текстов возрастает нагрузка на пространственные дейктики.

5. Очень важным средством приближения дейктического центра в русских переводах становится употребление форм настоящего и будущего времени. Возможности грамматики русского языка дают здесь переводчикам свободу выбора, и формы презенса широко используются в качестве функциональных коррелятов приближающего дейктика *now*.

Рассмотрим, как средства в оригинале и в переводе работают в комплексе, на примере размышлений Гека в романе Марка Твена (приближающие дейктики выделены жирным шрифтом и подчеркнуты, отдаляющие дейктики просто подчеркнуты):

<...> *he felt glad <...>. In fact, everything seemed to be drifting just in the right direction, **now**; the treasure must be still in No. 2, the men would be captured and jailed that day, and he and Tom could seize the gold that night without any trouble or any fear of interruption* (Mark Twain).

<...> он был даже рад <...>. Как будто все сошлось как нельзя лучше: клад, должно быть, все **лежит** в номере втором, бродяг **нынче же схватят и засадят** в тюрьму, и они с Томом **в этот же вечер пойдут и возьмут** золото без всяких препятствий и хлопот, ничего не опасаясь (Н. Дарузес).

В приведенном фрагменте оригинала использованы по большей части «дистанцирующие» дейктики, свидетельствующие о том, что размышления Гека принадлежат прошлому (*that day, that night*, формы глагола Past Simple и Future in the Past), однако показатель *now* маркирует принадлежность всего фрагмента к свободному косвенному дискурсу и подключение читателя к точке зрения персонажа. В русском переводе этот же эффект реализуется с помощью «приближающих» средств: дейктиков *нынче* и *в этот вечер*, форм настоящего и будущего времени глагола. Такое асимметричное соотношение средств отражает разные нормы повествовательных традиций, сформировавшихся в условиях применения разных языковых систем. Там, где в русском языке работает целая связка грамматических и лексических средств, в английском языке может функционировать один, но важный показатель — дейктик *now*.

Приведем еще несколько примеров функционального соотношения показателя *now* в оригинале и форм настоящего времени в русском переводе:

Why should he trouble about Sibyl Vane? She was nothing to him now. But the picture? (O. Wilde). — *К чему же тревожить себя мыслями о Сибиле Вэйн? Ведь она больше для него не существует. Ну а портрет?* (М. Абкина)

He looked down the boulevard. It was clear now (R. Bradbury). — *Он глянул вдоль бульвара. Пусто* (Т. Шинкарь).

Результаты проведенного исследования показывают, что авторы и переводчики активизируют разные составляющие репертуара приближающего дейксиса в своих текстах, и это обусловлено как грамматическими возможностями языков (наличием/отсутствием ограничений на употребление форм настоящего времени в рамках субъективированного нарратива), так и различиями повествовательных традиций, в рамках которых темпоральные и пространственные дейктики приобретают большую или меньшую распространенность. Получает объяснение выявленное на корпусных данных привлечение пространственных дейктиков и форм настоящего времени при переводе на русский язык субъективированного англоязычного нарратива, где ключевым маркером СКД является показатель *now*.

Выводы и перспективы исследования

1. Сочетание корпусного исследования оригинальных англоязычных текстов с их лингвистическим анализом дало возможность детально описать репертуар основных «приближающих» темпоральных и пространственных дейктиков и выявить особую функциональную нагруженность наречия *now*, обеспечивающего эффект синхронизации дейктического центра с повествуемыми событиями даже в случае употребления «дистанцирующих» глагольных форм прошедшего времени, характерных для англоязычного свободного косвенного дискурса. Важно подчеркнуть, что полученные результаты соотносятся с периодом создания изученных произведений: с последней трети XIX до середины XX вв. Повествовательные тексты, написанные на английском языке в более поздний период, станут материалом для отдельного исследования, поскольку во второй половине XX века лингвисты и нарратологи диагностируют так называемый «взрыв настоящего» в повествовательной прозе: репертуар и количественный состав дейктиков претерпевает изменения. Первые подсчеты по корпусу показывают, что романы, написанные на рубеже тысячелетий, используют больше средств приближения дейктического центра повествования — это пред-

стоит проверить в ходе анализа с применением аналогичной методики.

2. Сопоставительный анализ дейктиков в оригиналах и русских переводах показал, что при переводе каждого из выбранных произведений количество трансформаций с эффектом «приближения» дейктического центра повествования (за счет вставки приближающих дейктиков, замены отдаляющих на приближающие, использования форм глагола настоящего и будущего времени вместо прошедшего и будущего в прошедшем) превышало количество трансформаций с эффектом «отдаления» (с пропуском приближающих дейктиков или замены их на слова *там, тогда, оттуда*). Однако эти наблюдения сделаны только на основе переводов, размещенных в корпусе и выполненных в советское время, когда доминировали принципы доместицирующего (осваивающего) перевода с ориентацией на повествовательную норму принимающей литературы. Сопоставление этих вариантов перевода с более поздними форенизирующими (очуждающими) версиями может в будущем позволить уточнить связь обнаруженной закономерности с выбором стратегии перевода. Для это необходимо включение таких версий в параллельный корпус НКРЯ или формирование отдельного поливариантного корпуса.

3. В перспективу исследования включено противоположное направление анализа (исследование переводов с русского языка на английский, созданных в XX веке англоязычными переводчиками). Оно даст возможность подтвердить состав репертуаров дейктиков и проверить, есть ли закономерности отдаления / приближения дейктического центра нарратива при таком направлении перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семантика и информатика. 1997. Вып. 35. С. 272–298.
2. *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.
3. *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М., 1971.
4. *Мельник О.Г.* Роль дейксиса в интерпретации художественного произведения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 31–42.
5. *Немкова В.А.* Взаимосвязь темпорального и персонального дейксиса на фоне повествования от первого лица в настоящем времени (на материале повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине» и ее английских переводов) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 1. С. 96–104.
6. *Падучева Е.В.* Семантические исследования. М., 2010.
7. *Bal M.* Narratology: Introduction to the Theory of Narrative. University of Toronto Press, 2009.
8. *Chvany C.V.* Verbal Aspect, Discourse Saliency, and the So-called 'Perfect of Result' in Modern Russian // Verbal Aspect in Discourse / edited by Thelin N. Amsterdam, 1990. P. 213–235.

9. Goethals P., De Wilde J. Deictic Center Shifts in Literary Translation: the Spanish Translation of Nootboom's *Het Volgende Verhaal* // *Meta*. 2009. 54, 4. P. 770–794.
10. Huber I. *Present Tense Narration in Contemporary Fiction: A Narratological Overview*. London, 2016.
11. Levinson S.C. *Pragmatics*. Cambridge, 1983.
12. Mason I., Șerban A. Deixis as an Interactive Feature in Literary Translations from Romanian into English // *Target*. 2004. 15 (2). P. 269–294.
13. McHale B. Free Indirect Discourse: A Survey of Recent Accounts // *PTL: A Journal for Descriptive Poetics and Theory of Literature*. 1978. № 3. P. 249–287.
14. Royster J.F., Thompson S. *Guide to Composition*. Chicago, 1919.
15. Segal E.M. *Narrative comprehension and the role of Deictic Shift Theory // Deixis in Narrative: a Cognitive Science Perspective / edited by J.F. Duchan, G.A. Bruder, L.E. Hewitt. Hillsdale, New Jersey, 1995. P. 3–18.*
16. Stockwell P. *Cognitive Poetics: An Introduction*. London; New York, 2002.

REFERENCES

1. Apresyan Yu.D. Deiksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Deixis in vocabulary and grammar and the naive model of the world]. *Semiotika i informatika*, 1997, vyp. 35, pp. 272–298. (In Russ.)
2. Byuler K. *Teoriya yazyka. Reprezentativnaya funktsiya yazyka* [Theory of language. The representative function of language]. Moscow: Progress Publ., 1993. 502 p. (In Russ.)
3. Vinogradov V.V. *O teorii khudozhestvennoi rechi* [On the theory of artistic speech]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1971. 240 p. (In Russ.)
4. Mel'nik O.G. Rol' deiksisa v interpretatsii khudozhestvennogo proizvedeniya [The role of deixis in the interpretation of a work of art]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Filologiya*, 2017, no. 46, pp. 31–42. (In Russ.)
5. Nemkova V.A. Vzaimosvyaz' temporal'nogo i personal'nogo deiksisa na fone povestvovaniya ot pervogo litsa v nastoyashchem vremeni (na materiale povesti A. i B. Strugatskikh «Piknik na obochine» i ee angliiskikh perevodov) [The relationship between temporal and personal deixis in the 1st-person narrative in the present tense (based on the novel by A. and B. Strugatsky "Picnic on the Roadside" and its English translations)]. *Gumanitarnyi vektor*, 2018, vol. 13, no. 1, pp. 96–104. (In Russ.)
6. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya*. [Semantic studies]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2010. 480 p. (In Russ.)
7. Bal M. *Narratology: Introduction to the Theory of Narrative*. University of Toronto Press, 2009. xix+264 p. (In Eng.)
8. Chvany C.V. Verbal Aspect, Discourse Saliency, and the So-called 'Perfect of Result' in Modern Russian. Thelin N. (ed.). *Verbal Aspect in Discourse*. Amsterdam, 1990, pp. 213–235. (In Eng.)
9. Goethals P., De Wilde J. Deictic Center Shifts in Literary Translation: the Spanish Translation of Nootboom's *Het Volgende Verhaal*. *Meta*. 2009, 54, 4, pp. 770–794. (In Eng.)
10. Huber I. *Present tense narration in contemporary fiction: a narratological overview*. London: Palgrave Macmillan, 2016. 123 p. (In Eng.)
11. Levinson S.C. *Pragmatics*. Cambridge: CUP, 1983. xvi+420 p. (In Eng.)
12. Mason I., Șerban A. Deixis as an Interactive Feature in Literary Translations from Romanian into English. *Target*, 2004, 15 (2), pp. 269–294. (In Eng.)
13. McHale B. Free Indirect Discourse: A Survey of Recent Accounts. *PTL: A Journal for Descriptive Poetics and Theory of Literature*, 1978, no. 3, 249–287. (In Eng.)

14. Royster J.F., Thompson S. *Guide to Composition*. Chicago: Scott, Foresman and Co, 1919. 204 p. (In Eng.)
15. Segal E.M. Narrative comprehension and the role of Deictic Shift Theory. Duchan J.F., Bruder G.A., Hewitt L.E. (eds.) *Deixis in Narrative: A Cognitive Science Perspective*. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1995, pp. 3–18. (In Eng.)
16. Stockwell P. *Cognitive Poetics: An Introduction*. London; New York: Routledge, 2002. 193 p. (In Eng.)

Поступила в редакцию 22.08.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 17.01.2026

Received 22.08.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 17.01.2026

ОБ АВТОРАХ

Анастасия Викторовна Уржа — д.ф.н., доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
English2@yandex.ru

Ганна Алексеевна Филатова — к.ф.н., старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
gphilatova@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Anastasia V. Urzha — Dr. Habil., Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; English2@yandex.ru

Ganna A. Filatova — PhD, Senior Teaching Fellow, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; gphilatova@gmail.com

МАКЕДОНИСТИКА НА КАФЕДРЕ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

Н.Е. Ананьева, А.Г. Шешкен

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; ananeva.46@mail.ru; asheshken@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена 50-летию преподавания и изучения македонского языка и литературы в МГУ. В 1975 г. на филологическом факультете МГУ состоялся первый набор студентов-македонистов. Кафедра славянской филологии МГУ стала и до сих пор остается единственным местом в нашей стране, где македонский язык изучается как основной иностранный язык. Студенты слушают спецкурсы, посещают спецсеминары, пишут курсовые и дипломные сочинения по македонскому языку или литературе. После окончания им присваивается соответствующая квалификация. Набор до 2015 г. проводился один раз в пять лет, в настоящее время — каждые четыре года с возможностью продолжить обучение в магистратуре, а затем в аспирантуре. Подчеркивается, что филологическая македонистика как отдельная область науки сформировалась именно в рамках кафедры славянской филологии МГУ. Ее успешное развитие стало возможным благодаря опоре на опыт мощной отечественной научной славистической школы, которая сложилась еще в XIX веке и продолжила, несмотря на все сложности, развиваться в XX в. Заложил основы македонистики профессор кафедры славянской филологии Р.П. Усикова (1933–2018), ученица выдающегося ученого-слависта С.Б. Бернштейна. Концептуальное систематическое преподавание македонской литературы начала А.Г. Шешкен. За прошедшие полвека накоплен большой методический и научный опыт изучения и преподавания македонского языка, литературы и культуры: подготовлены учебники и учебные пособия, изданы словари, проведены фундаментальные исследования, защищены магистерские, кандидатские и докторские диссертации, опубликованы монографии и многочисленные статьи, прочитаны доклады на международных и российских конференциях, в том числе на международных съездах славистов. Отечественная македонистика развивалась в тесном взаимодействии с национальной македонской филологией: с учеными Университета имени Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье и Македонской академии наук и искусств. Выпускники кафедры преподают в российских вузах, занимаются научной работой в Институте славяноведения РАН, трудятся в Министерстве иностранных дел Российской Федерации, издательствах художественной и научной литературы, переводят и популяризируют македонскую литературу и культуру.

Ключевые слова: македонский язык; македонская литература; кафедра славянской филологии МГУ; славистика; Р.П. Усикова

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-7

Для цитирования: Ананьева Н.Е., Шешкен А.Г. Македонистика на кафедре славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 101–109.

MACEDONIAN STUDIES AT THE DEPARTMENT OF SLAVIC PHILOLOGY

Natalia E. Ananyeva, Alla G. Sheshken

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ananeva.46@mail.ru; asheshken@yandex.ru

Abstract: This article is dedicated to the 50th anniversary of the teaching and study of the Macedonian language and literature in Russia. In 1975, the first enrollment of Macedonian studies students was held at the Faculty of Philology of Moscow State University. The Department of Slavic Philology at Moscow State University became, and remains, the only institution in Russia where Macedonian language is studied as a primary foreign language. Students take specialized courses, attend seminars, and write term papers and theses on the Macedonian language or literature. Upon completion, they are awarded the appropriate qualification. Until 2015, enrollment was held every five years; currently, it is every four years, with the opportunity to continue their studies in a master's program and then in doctoral studies. It is emphasized that Macedonian philological studies as a distinct field of study emerged within the Department of Slavic Philology at Moscow State University. Its successful development was made possible by relying on the experience of a powerful domestic academic Slavic school, which started in the 19th century and, despite all the difficulties, continued to develop in the 20th century. The foundations of Macedonian studies were laid by Professor R.P. Usikova (1933–2018) of the Department of Slavic Philology, a student of the renowned Slavic scholar S.B. Bernstein. A.G. Sheshken pioneered the conceptual and systematic teaching of Macedonian literature. Over the past half-century, extensive methodological and scientific experience in the study and teaching of the Macedonian language, literature, and culture has been accumulated: textbooks and teaching aids, dictionaries, fundamental researches have been conducted, master's, candidate's, and doctoral dissertations have been written, monographs and numerous articles have been published, and papers have been presented at international and Russian conferences, including international congresses of Slavic scholars. Russian Macedonian studies developed in close collaboration with national Macedonian philology: with scholars from the University of Sts. Cyril and Methodius in Skopje and the Macedonian Academy of Sciences and Arts. Graduates of the department teach at Russian universities, conduct research at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, work for the Russian Ministry of Foreign Affairs, and publish fiction and nonfiction, translating and promoting Macedonian literature and culture.

Keywords: Macedonian language; Macedonian literature; Department of Slavic Philology at Moscow State University; Slavic studies; R.P. Usikova

For citation: Ananyeva N.E., Sheshken A.G. (2026) Macedonian Studies at the Department of Slavic Philology. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 101–109.

В сентябре 1975 г. 50 лет назад на кафедре славянской филологии филологического факультета Московского университета началось преподавание македонского языка и литературы в качестве основного славянского предмета. Особый статус филологического факультета МГУ в македонистике обусловлен тем, что кафедра славянской филологии — единственное место в Российской Федерации, где осуществляется фундаментальная подготовка кадров в области македонского языка и литературы. Студенты изучают македонский язык в качестве основного иностранного языка, слушают спецкурсы, посещают спецсеминары, пишут курсовые и дипломные сочинения по македонскому языку или литературе. После окончания им присваивается соответствующая квалификация. Набор в 1975–2015 гг. проводился один раз в пять лет, в настоящее время — каждые четыре года с возможностью продолжить обучение в магистратуре, а затем в аспирантуре.

Можно обоснованно утверждать, что филологическая македонистика как отдельная область науки в России сформировалась именно в рамках нашей кафедры. Это стало возможным благодаря таланту и самоотверженному труду наших коллег, их бережному отношению к традициям кафедры. Важнейшее значение имел также опыт мощной отечественной научной славистической школы, которая сложилась еще в XIX веке и продолжила, несмотря на все сложности, развиваться в XX в. Хранителем традиций и ученым-новатором был выдающийся лингвист, многолетний заведующий кафедрой Самуил Борисович Бернштейн. Он стал автором первой в отечественной науке научной статьи по македонскому языку, опубликованной в 1948 г., то есть спустя всего три года после кодификации македонского литературного языка (1945). За прошедшие полвека на кафедре накоплен большой методический и научный опыт изучения и преподавания македонского языка, литературы и культуры: подготовлены учебники и учебные пособия, проведены фундаментальные исследования, защищены магистерские, кандидатские и докторские диссертации, изданы словари, монографии и опубликованы многочисленные статьи, прочитаны доклады на международных и российских конференциях, в том числе на международных съездах славистов. И самое главное — подготовлено несколько поколений македонистов, способных продолжать и развивать заложенные традиции.

Основы систематического, концептуального изучения и преподавания македонского языка заложила ученица Самуила Борисовича, выдающийся педагог и ученый Рина Павловна Усикова (1933–2018). Ей принадлежит главная заслуга в том, что македонистика стала важным направлением филологической науки в России [Верижникова 2018].

Становление македонистики в МГУ протекало в тесном сотрудничестве с Университетом имени Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье. Так, Р.П. Усикова поддерживала тесные профессиональные и дружеские отношения с выдающимся ученым и писателем, одним из кодификаторов македонского литературного языка, организатором науки, основателем филологического факультета Университета в Скопье (1946) Блаже Конеским. Сегодня сотрудничество с Университетом в Скопье продолжает развиваться и охватывает основные направления учебной и научной работы. Все эти годы отечественная македонистика развивалась в тесном взаимодействии с национальной македонской филологией. Невозможно переоценить ту роль, которую сыграли в этом процессе лекторы македонского языка, в разные годы работавшие на нашей кафедре. В их числе были известные впоследствии ученые и педагоги: Лиляна Минова-Гюркова, Кирилл Конеский, Эмилия Црвенковская, Илия Чашуле, Роза Тасевская, почетный профессор МГУ Максим Каранфиловский и многие другие. В рамках совместной учебно-методической работы был написан учебник по русскому языку для македонских студентов [Усикова, Поп-Спирова, Тасевска 1996]. Кроме того, регулярное участие наших студентов, аспирантов и преподавателей в Семинаре македонского языка, литературы и культуры (Летней школе) при Университете имени Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье дает им уникальную возможность ближе познакомиться с Македонией и ее культурой.

Преподавателям кафедры была предназначена роль быть первыми в разных областях: и при разработке программ по общим, теоретическим и специальным курсам, и при руководстве спецсеминарами, курсовыми и дипломными работами, а также при написании учебников по македонскому языку и литературе. Так, были созданы авторские учебники и учебные пособия по македонскому языку, теории и практике перевода для студентов. Перечислить все сложно, назовем лишь самые значительные. Это учебник по грамматике македонского языка Р.П. Усиковой «Македонский язык. Грамматический очерк, тексты для чтения с комментариями и словарем» (1985), выдержавший несколько изданий в Македонии. Переработанное издание под названием «Грамматика македонского литературного языка» вышло в России в 2003 г. Подготовили и опубликовали ряд учебных пособий ученики и приемники Рины Павловны: Н.В. Боронникова и Е.В. Ве-

рижникова [Боронникова, Верижникова 2013], Е.В. Степаненко [Степаненко 2013], Т.С. Ганенкова [Ганенкова 2019].

С начала 1990-х гг. началось концептуальное систематическое преподавание македонской литературы, которую читает славист широкого профиля проф. А.Г. Шешкен. Она ведет лекционные курсы, охватывающие историю македонской литературы с эпохи Средневековья до XXI века, спецкурсы, спецсеминары, руководит курсовыми, дипломными и магистерскими работами, кандидатскими диссертациями. На ее формирование как педагога и ученого-македониста оказали влияние выдающийся российский славист, профессор филологического факультета МГУ Н.И. Кравцов, профессора Санкт-Петербургского (П.А. Дмитриев, Г.И. Софронов) и Белградского (Слободан Маркович, Воислав Илич) университетов, а также крупные македонские ученые (Милан Гюрчинов и др.). Алла Геннадьевна является автором учебного пособия по компаративистике, где широко привлечен материал русско-македонских литературных связей, «Русская и югославянские литературы в свете компаративистики» [Шешкен 2003]. Многолетний опыт преподавания положен ею в основу новейшего пособия по истории македонской литературы XX века. Оно издано на македонском языке в Скопье — «Македонская литература. Лекции» [Шешкен 2025].

Научная работа македонистов кафедры охватывает область фундаментальных исследований (написание докторских и кандидатских диссертаций, монографий), проведение конференций, а также публикации в периодических научных изданиях, подготовку сборников научных статей, участие в редколлегиях научных журналов, издаваемых филологическими факультетами Московского университета и университета в Скопье. В списке фундаментальных трудов — первые в нашей стране докторские диссертации по македонистике: по македонскому языку Р.П. Усиковой («Современный литературный македонский язык как предмет славяноведения и балканистики», 2005) и А.Г. Шешкен по македонской литературе («Македонская литература XX века. Особенности формирования и развития», 2008).

Выпускники кафедры славянской филологии успешно защитили кандидатские диссертации. По македонскому языку: М.А. Поварницына, Е.В. Верижникова, Н.В. Боронникова, Е.В. Степаненко, Т.С. Ганенкова. Эту традицию продолжили Н.В. Муравлева (Кикило) («Независимые да-конструкции в македонском и сербском языке (статус, значение и функционирование)», 2021, рук. Е.В. Верижникова) и А.И. Чиварзина («Система цветообозначений в балканославянских языках в сопоставлении с албанским и румынским (этнолингвистический аспект)», 2024, рук. А.А. Плотникова). Диссертации по литературе защитили выпускница филологического факультета А.Е. Ев-

стратова (научный руководитель — крупный специалист по югославянским литературам Института славяноведения РАН Г.Я. Ильина) и выпускница Пермского университета и аспирантка кафедры филологического факультета МГУ М.Б. Проскурнина (ее научным руководителем была известный профессор кафедры Е.З. Цыбенко). Аспиранткой кафедры (научн. рук. А.Г. Шешкен) П.Д. Гавриловой подготовлена диссертация по творчеству классика македонской литературы Петре Андреевского. Были также в 2019 г. защищены три диссертации на звание магистра филологии. Таким образом, на кафедре сохраняется преемственность и готовятся новые научные и педагогические кадры.

Монографию по грамматике македонского литературного языка опубликовала Р.П. Усикова (2003). В центре фундаментальных исследований А.Г. Шешкен «Македонская литература XX века. Генезис. Этапы развития. Национальное своеобразие» (2007) и «Македонская литература XX–XXI века. Очерки истории» (2022) находится теоретическая разработка проблемы «ускоренного» (эффе́ктивного) развития литературы народа, национальная идентичность которого долгое время отрицалась и который был лишен возможности беспрепятственно развивать свою культуру, а затем при благоприятных условиях раскрыл свой потенциал.

Отдельно хочется сказать о большой и трудоемкой работе над словарями, что стало результатом сотрудничества российских и македонских ученых: под редакцией Р.П. Усиковой был издан «Македонско-русски речник. Македонско-русский словарь. В 3 тт.» (Скопье, 1997). В работе над ним приняли участие ученики Рины Павловны Е.В. Верижникова и М.А. Поварницына, а также известный специалист по болгарскому и македонскому языку З.К. Шанова из Санкт-Петербургского университета. Языковым консультантом была Роза Тасевская из университета в Скопье. В Москве в 2003 г. был издан «Македонско-русский словарь. Македонско-русски речник» [Македонско-русский словарь 2003].

Признанием высоких результатов труда наших педагогов и ученых является издание их работ в переводе на македонский язык. Филологическим факультетом имени Блаже Конеского в Скопье были изданы монографии Р.П. Усиковой «Морфология имени существительного и глагола в современном македонском литературном языке», «Македонский язык. Грамматический очерк, тексты для чтения с комментариями и словарем» (1985). Неоднократно издавались работы А.Г. Шешкен, в том числе труд «Формирование и развитие македонской литературы» (2012). В 2025 г. в Македонии увидел свет совместный труд по македонской лексикографии Е.В. Верижниковой и македонского ученого Э. Ниами [Верижникова, Ниами 2025].

Стало традицией проведение совместных конференций, посвященных русско-македонским культурным, литературным и языковым связям в балканском и славянском контексте. Всего было проведено семь таких конференций: в Македонии (1995, 2001, 2012, 2017) и в России (1998, 2009, 2014). Их материалы опубликованы в совместных сборниках. В октябре 2025 г. состоялась восьмая русско-македонская конференция.

Важными событиями, объединившими ученых наших факультетов, были 75-летие филологического факультета Университета в Скопье и особенно празднование столетия со дня рождения основоположника македонского литературного языка и основателя филологического факультета в Скопье, выдающегося ученого и общественного деятеля Македонии Блаже Конеского. «Годом Конеского» в Македонии был объявлен 2021 год. На филологическом факультете МГУ был проведен вечер поэзии Блаже Конеского (декабрь 2021). В 2025 г. в Македонии широко отмечалось 80-летие кодификации македонского литературного языка. Это событие стало важной темой для выступлений на конференции наших преподавателей и ученых.

За прошедшее время учеными нашей кафедры опубликовано большое количество статей по македонистике в изданиях Македонской академии наук и искусств, Университета в Скопье, а также нашего факультета — в «Вестнике Московского университета. Серия 9. Филология», рецензируемом мультиязычном электронном журнале филологического факультета МГУ “Stephanos”. Журнал «Стефанос» публикует статьи на всех славянских языках, в том числе коллег из Университета в Скопье на македонском языке. В 2018 г. отдельный номер журнала был посвящен памяти выдающегося македонского ученого, компаративиста, тонкого исследователя македонской и русской литературы Милана Гюрчинова.

Труд российских педагогов и ученых получил признание и был высоко оценен в Македонии. Р.П. Усикова была удостоена государственных наград: «Ордена югославского знамени с золотым венцом» (1989) и «Ордена за заслуги перед республикой Македонией» (2011). Доцент Е.В. Верижникова награждена «Медалью за заслуги перед Республикой Македонией». Звания почетного доктора университета им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье были удостоены Р.П. Усикова, Е.В. Верижникова, А.Г. Шешкен. Профессора Р.П. Усикова и А.Г. Шешкен избраны иностранными членами Македонской академии наук и искусств. За выдающийся вклад в изучение македонской литературы и македонского языка медали Блаже Конеского Македонской академии наук и искусств удостоены А.Г. Шешкен и Е.В. Верижникова. В свою очередь профессор университета в Ско-

пье Максим Каранфиловский был удостоен звания почетного профессора Московского университета.

Преподаватели и выпускники филологического факультета МГУ вносят важнейший вклад в популяризацию македонского языка, культуры и литературы. Переводу македонской литературы отдали немало сил Р.П. Усикова, Е.В. Верижникова, Н.М. Вагапова, Т.П. Попова, И.С. Кулюхина. Одним из самых активных переводчиков и популяризаторов македонской литературы в России стала студентка первого выпуска македонистов (1980) поэтесса О.В. Панькина. Ее переводческая деятельность была высоко оценена как в Македонии, так и в России. Она награждена литературными премиями, среди которых особое место занимает премия «Ясная поляна», медалью Македонской академии наук и искусств Блаже Конеского и государственной наградой «Медаль за заслуги перед Македонией». Правительством Российской Федерации Ольга Панькина удостоена медали Пушкина.

Выпускники кафедры славянской филологии МГУ работают в разных областях науки, образования и культуры. Они преподают в российских и зарубежных вузах, занимаются научной работой в Институте славяноведения РАН, трудятся в Министерстве иностранных дел Российской Федерации, издательствах художественной и научной литературы. В эту работу включаются студенты, магистранты и аспиранты кафедры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боронникова Н.В., Верижникова Е.В.* Теория и практика перевода (на материале македонского кинотекста): учеб.-метод. пособие. Пермь, 2013. 144 с.
2. *Верижникова Е.В.* Библиография научных трудов доктора филологических наук Рины Павловны Усиковой // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2018. № 3–4. С. 252–261.
3. *Верижникова Е., Ниами Е.* Македонска лексикографија: достигнувања и перспективи. Скопје, 2025. 154 с.
4. *Ганенкова Т.С.* Македонский язык. Самоучитель. М., 2019. 224 с.
5. Македонско-русский словарь. Македонско-руски речник. (Под общей ред. Усиковой и Е.В. Верижниковой; авторы — Р.П. Усикова, З.К. Шанова М.А. Поварницина, Е.В. Верижникова). М., 2003; 40 п.л.
6. *Степаненко Е.В.* Македонский язык. Учебное пособие по страноведению для изучающих македонский язык. М., 2013. 184 с.
7. *Усикова Р.П., Поп-Спирова Т., Тасевска Р.* Руски јазик за сите. (курс за напреднати) Русский язык для всех (курс для продвинутого этапа). Учебное пособие. Скопје, 1996, 15,2 п.л.
8. *Шешкен А.Г.* Русская и югославянские литературы в свете компаративистики. М., 2003. 144 с.
9. *Шешкен А.* Македонистички предавања. Скопје, 2025. 195 с.

REFERENCES

1. Boronnikova N.V., Verizhnikova Ye.V. Teoriya i praktika perevoda (na materiale makedonskogo kinoteksta): ucheb.-metod. posobiye [Theory and Practice of Translation (Based on the Material of Macedonian Film Text): Textbook.] Perm: Perm. state.nat. research. un-t, 2013. 144 p. (In Russ.)
2. Verizhnikova Ye.V. Bibliografiya nauchnykh trudov doktora filologicheskikh nauk Riny Pavlovny Usikovoy [Bibliography of Scientific Works of Doctor of Philology Rina Pavlovna Usikova] // Slavic World in the Third Millennium. 2018. No. 3–4, pp. 252–261. (In Russ.) DOI 10.31168/2412-6446
3. Verizhnikova Ye., Niami E. Makedonska leksikografija: dostignuvanja i perspektivi. Skopje. Mi-An. 2025. 154 p.
4. Ganenkova T.S. Makedonskiy yazyk. Samouchitel' [Macedonian language. Tutorial]. M., Zhivoy yazyk. 2019. 224 p.
5. Makedonsko-russkiy slovar'. Makedonsko-ruski rechnik. (Pod obschey red. Usikovoy i Ye.V.Verizhnikovoy; avtory — R.P.Usikova, Z..K.Shanova M.A.Povarnitsina, Ye.V.Verizhnikova). [Macedonian-Russian dictionary. (Under the general editorship Usikova and E.V. Verizhnikova; authors — R.P. Usikova, Z.K. Shanova, M.A. Povarnitsina, E.V. Verizhnikova)]. Moscow, 2003; 40 pp. (In Russ.)
6. Stepanenko Ye.V. Makedonskiy yazyk. Uchebnoye posobiye po stranovedeniyu dlya izuchayushchikh makedonskiy yazyk [The Macedonian language. A Textbook of Regional Studies for Learners of the Macedonian Language]. Moscow: MAKSPress, 2013. 184 p. (In Russ.)
7. Usikova R.P. Pop-Spirova T., Tasevska R. Ruski jazik za site. (kurs za naprednati) Russkiy yazyk dlya vsekh (kurs dlya prodvnutogo etapa) Uchebnoye posobiye. [Russian Language for All (Course for the Advanced Stage)]. Skopje, 1996, 15,2 p.l. (In Macedonian)
8. Sheshken A.G. Russkaya i yugoslavjanskiye literatury v svete komparativistiki [Russian and South Slavic Literatures in the Light of Comparative Studies]. Moscow, MAKSPress, 2003. 144 p.
9. Sheshken A. Makedonistichki predavaña. Skopje, Dijalog, 2025. 195 p.

Поступила в редакцию 22.08.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 17.01.2026

Received 22.08.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 17.01.2026

ОБ АВТОРАХ

Наталья Евгеньевна Ананьева — д.ф.н., профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ananeva.46@mail.ru

Алла Геннадьевна Шешкен — д.ф.н., профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; asheshken@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Ananyeva E. Natalia — Prof. Dr., Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; ananeva.46@mail.ru

Alla G. Sheshken — Prof. Dr., Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; asheshken@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ М.М. ХЕРАСКОВА

А.И. Любжин

Центр академического образования АНО ВО «РУМТ», Лаборатория междисциплинарного анализа социума, культуры и истории (МАСКИ) ФПМИ Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт»; Москва, Россия; vultur@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются оценки поэтического творчества собратьев по цеху, сформулированные на протяжении всей жизни М.М. Херасковым. Их анализ показывает, что поэт для таких формулировок преимущественно избирает жанры и ситуации, когда уместна высокая оценка достижений того или иного автора, и не прибегает к жанрам, где ему было бы удобно высказывать критические и отрицательные суждения. Сформулированный Д.П. Ивинским на примере Ломоносова и Сумарокова вывод о том, что литературная борьба является делом второстепенным, а первостепенен вклад каждого конкретного автора, оказывается руководящим принципом оценки и в более широком контексте, как для отечественной литературы, так и для древней и новоевропейской, как для предшественников, так и для современников. Это соответствует и жизненной позиции Хераскова, покровительствовавшего литературным талантам своей эпохи.

Ключевые слова: М.М. Херасков; М.В. Ломоносов; А.П. Сумароков; Гомер; Вергилий; Лукан; Тассо; Ариосто; Вольтер; поэтология

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-8

Для цитирования: Любжин А.И. К вопросу об эстетических взглядах М.М. Хераскова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 110–120.

ON THE AESTHETIC VIEWS OF M.M. KHERASKOV

Alexey I. Lyubzhin

Russian University of Metatechnologies; Laboratory of Interdisciplinary Analysis of Society, Culture and History (iASCH), Phystech School of Applied Mathematics and Computer Science, National Research University "Moscow Institute of Physics and Technology"; Moscow, Russia; vultur@mail.ru

Abstract: The article considers the assessments of the works of fellow poets, formulated throughout his life by M.M. Kheraskov. The analysis reveals that the poet predominantly chooses genres and situations where high praise of the achievements of a particular author is appropriate, avoiding genres that would enable him to express critical or negative judgments more comfortably. The conclusion formu-

lated by D.P. Ivinsky on the example of Lomonosov and Sumarokov that the literary struggle is a matter of secondary importance, and the contribution of each particular author is paramount, turns out to be the guiding principle of evaluation in a wider context, both for Russian literature and for ancient and New European literature, both for predecessors and contemporaries. This corresponds also to the life position of Kheraskov, who patronised the literary talents of his epoch.

Keywords: M.M. Kheraskov; M.V. Lomonosov; A.P. Sumarokov; Homer; Virgil; Lucan; Tasso; Ariosto; Voltaire; poetology

For citation: Lyubzhin A.I. (2026) On the Aesthetic Views of M.M. Kheraskov. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. no. 1*, pp. 110–120.

В течение последних десятилетий и даже лет в отечественной филологии существенно пересматриваются взгляды на личность и творчество М.М. Хераскова. Это происходит в двух аспектах: с одной стороны, он больше привлекает внимание исследователей самыми разными гранями своей личности и творчества¹, с другой — начинается пересмотр и оценки его как поэта. Среди тех, кто пишет о нем, отношение, сформулированное В.Г. Белинским — «Херасков был человек добрый, умный, благонамеренный и, по своему времени, отличный версификатор, но решительно не поэт»², — в своем последнем пункте уже не находит сочувствия. По-видимому, официальное повышение в негласной табели о рангах, признание высоких поэтических дарований — вопрос времени, причем не такого значительного. Учитывая центральное положение М.М. Хераскова в русской литературе последней четверти XVIII в., становится актуальным в т. ч. и анализ его поэтологических воззрений. Однако такое исследование может быть проведено лишь поэтапно, учитывая специфические трудности, которые поэт ставит перед учеными, он требует учета не только русского, но и всего европейского контекста, а сами его взгляды сформулированы фрагментарно и нуждаются во вдумчивой реконструкции, которая постоянно оглядывалась бы на его литературную практику; в отличие от старшего поколения, от В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова, у него было меньше вкуса к теоретической рефлексии и в особенности к литературной полемике, и он избегает первой даже там, где она, казалось бы, была уместна: «...я не поэму писал, а хотел сочинить

¹ Русская история, влияние на современников: см., напр., [Семенова 2019; Семенова 2016]; стихотворная техника: [Хворостьянова 2004]; античная и новоевропейская эпическая традиция, история репутации: [Любжин 2023]; отношение к русским поэтам-предшественникам, место в литературной жизни последней трети XVIII в.: [Ивинский 2018]. Ценнейшим материалом (к сожалению, стремительно устаревающим) стал библиографический свод: [Стрижев 2013].

² Белинский В.Г. Литературные мечтания // Сочинения В.Г. Белинского в 4-х тт. Т. I. 1834–1840. СПб.: 1896. Стлб. 35.

простую токмо повесть, которая для стихословия не есть удобна. Кому известны пиитические правила, тот при чтении сея книги почувствует, для чего не стихами она писана»³. В данной статье будет рассмотрен один из аспектов эстетических взглядов Хераскова — его оценка собратьев по цеху.

1. О херасковских оценках поэтов. Ранний этап

Сначала очертим круг текстов, где могут затрагиваться такие темы. Он достаточно широк: это и стихотворения малых жанров (прежде всего поздний литературно-теоретический «Поэт», который сочетает «правила» и оценки и представляет собой исключение из отмеченной нами закономерности, — он заслуживает отдельного разговора), предисловия к крупным произведениям и даже их тексты⁴. Полностью отсутствуют у Хераскова произведения, посвященные литературно-полемиическим задачам и направленные против определенных авторов, в т. ч. и эпиграммы⁵. Некоторое количество оценок встречается в лирических стихотворениях:

И там с Гомером строить
Божественную лиру,
Иль пить сладчайший нектар
С Овидием Назоном.
Анакреонта песни...
В восторг меня приводят⁶.

Сумароков и Ломоносов удостоены восторженной оценки:

Великие творцы, отечеству хвала,
И праведную честь им слава воздала⁷.

³ Херасков М.М. Кадм и Гармония, древнее повествование. Ч. I. М.: В Университетской Типографии, у Н. Новикова. 1789. С. V.

⁴ О повестях пойдет речь ниже; но даже и в совсем не пригодном для этого жанре, стихотворном эпосе, мы можем столкнуться с такими оценками: «преславный сей певец... Гремящей лирою известный Ломоносов». Херасков М.М. Россияда, Поэма эпическая // Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. Ч. I. М.: 1796. В Университетской типографии, у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия. С. 119–120.

⁵ Наши обобщения неверны, если рассматривать маскарад в честь Екатерины II 1763 г. «Торжествующая Минерва» так, как это сделала Е.А. Погосян [Погосян 2008; Погосян 2010]. Д.П. Ивинский пишет о ее соображениях: «Обстоятельства приглашения Сумарокова не прояснены, как и вопрос об антиломоносовском характере некоторых текстов, написанных для маскарада (см. обстоятельное развитие этой версии, вряд ли достаточно обоснованной...)» [Ивинский 2018: 69]. Выскажем солидарность с этим возражением. И в любом случае речь здесь не идет о литературной полемике и оценке ломоносовского стихотворного вклада.

⁶ К своей лире // Херасков М.М. Избранные произведения. Вступительная статья, подготовка текста и примечания А.В. Западова. Л.: 1961. С. 74.

⁷ Письмо (1760 г.) // Ibid. С. 102–103.

Статья «Рассуждение о российском стихотворстве»⁸ содержит упоминания Симеона Полоцкого, Кантемира и Тредиаковского, но оценивается в ней не их талант, а система стихосложения: в силлабике первого «правила пиитические ни в какой мере не соблюдалась», второй и третий добились определенного прогресса, а поздний Тредиаковский писал «подлинными хорями и ямбами и дактилями». Ломоносов — «великий муж, столь превосходными дарованиями наделенный» (это единственная интегральная оценка, не ограниченная рамками жанровых достижений). «Трагедии [Сумарокова] являют мощь, сладость, изобилие и величественность наречия нашего: они... составляют честь Парнаса Российского и славу своего сочинителя»; «Г. Ржевский отличился жалобливыми элегиями, трогал чувствительные сердца, чистым слогом движения страстей рисовал и оплакивал страдания любви несчастливой». Поповскому перевод из Поупа «наипаче заслужил... истинное титло в славу изрядного пиита», Барков «наипаче... отличался» в ямбе. Сам жанр херасковской статьи предполагал разговор о достижениях, и потому критика была бы на этих страницах неуместна. Упоминается и комедиографическое творчество Екатерины II, но не ее имя; приведение прозаических сочинений не было уместно в данном случае, но Херасков искусно затушевывает эту неловкость: он пишет об отсутствии комедий в стихах, о том, что таковая вскоре будет поставлена (и здесь называет собственную пьесу, не называя своего имени). П. Берков подчеркивает, что Херасков предпочел неполноту картины подробному изложению собственной роли [с. 288], и считает красноречивым умолчание о В.П. Петрове [с. 290]. Он полагает, что по прошествии многих лет с момента смерти Ломоносова острота противоречий между ним и Сумароковым сгладилась, что позволило Хераскову высоко оценить обоих. Мы со своей стороны полагаем более справедливым суждение Д.П. Ивинского, который осуществляет в своем труде деконструкцию прежней, восходящей к Г.А. Гуковскому схемы и на основании многочисленных аргументов утверждает о М.М. Хераскове и писателях его круга: «борьбу рассматривали как дело второстепенное, а на первый план выдвигалось представление о ценности сделанного обоими антагонистами» [Ивинский 2018: 83].

II. Оценки последней четверти XVIII в. Повести. «Россиада»

В повести «Кадм и Гармония» есть пророчество, содержащее оценку Гомера, Вергилия и Овидия (с неожиданным предпочтением

⁸ Херасков М.М. «Рассуждение о российском стихотворстве»: Неизвестная статья М.М. Хераскова. Публикация П.Н. Беркова // Литературное наследство. Т. 9–10. М.: 1933. С. 287–294.

Вергилия Гомеру): «друг и любимец Муз... сие песнословие... будет до последних веков служить изящным примером важности и великого духа всем другим песнопевцам... По истечении нескольких веков явится в западной части земли... песнопевец Греческому верховному писателю в вымыслах и важности подобный, но красотой слога может быть его превосходящий. Он будет воспевать печальные следствия брани, нашим Еллинским писателем до него живописуемой. Некие современники его изящными и знаменитыми своими творениями сему великому мужу во славе уравниются; и один из них опишет дивные деяния Богов наших и преобразования праведных и грешных человеков; но сей сладостный песнопевец за его нескромность нещастие навлечет на себя и из его отечества изгнан будет; а сие изгнание подвигнет угнетенный дух его к новым сладчайшим творениям»⁹.

В «Полидоре» дан каталог русских писателей¹⁰: «может ли чувствительная душа... в восторг не прийти, внимая громкому и важному пению наперсника муз, парящего Л[омоносова]? может ли кто не плениться нежными и приятными творениями С[умарокова]?.. А вы мои предшественники, вы, мои достоправные современники в памяти наших потомков впечатлены и славимы вечно пребудете — и ты, Бард времен наших, новый Оссиян, превосходный певец и тщательный списатель красот природы! И ты Д[ержавин] во веки не умрешь по твоему вдохновенному свыше изречению; но не давай прохладяться священному пламени, в духе твоём Музами воспаленному; Музы не любят, кто ими призываемый редко с ними беседует. Тебе, любимец Муз, русский путешественник К[арамзин]. Тебе, чувствительный Н[елединский-Мелецкий]. Тебе, приятный певец Д[митриев]. Тебе Б[огданович] творец Душеньки, и тебе П[етров] писатель од громогласных, важностию преисполненных, то же я вещаю»¹¹. Здесь находится место (если эта реконструкция верна)

⁹ Херасков М.М. Кадм и Гармония... Ч. I... С. 117–118.

¹⁰ Херасков М.М. Полидор, сын Кадма и Гармонии. М.: В Типографии И. Зеленникова. 1794. Ч. II. С. 186–188.

¹¹ В.Г. Белинский в первой статье пушкинского цикла [Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. 1. Обзорение русской литературы от Державина до Пушкина // Сочинения В. Белинского. Ч. VIII. М.: 1874. С. 113] дал расшифровку этих первых букв. Она практически полностью совпадает с нашей, за исключением С.: критик полагает, что речь идет о Евстафии Станевиче. Под бардом он понимает Боброва (оба — в примечаниях). М.Н. Лонгинов обращает внимание на ошибку со Станевичем: Лонгинов М.Н. Белинский и его лже-ученики // Русский вестник. Т. XXXIII. М.: 1861. Май. С. 129]. Но по поводу Боброва он не говорит ничего. Нам представляется, что старая пунктуация ввела Белинского в заблуждение и пассаж с бардом и Оссианом относится к Державину, а не составляет самостоятельной единицы.

и В.П. Петрову. Сам по себе характер места не дает возможности поместить отрицательную характеристику.

В храме Мудрости на острове Хриза в конце «Полидора» упоминаются Вергилий, Мильтон, Тассо, Камозэнс, Оссиан, Фенелон, Клопшток и Вольтер (как эпические песнопевцы); Пиндар, Малерб и Ломоносов как лирики; Софокл, Еврипид, Корнель, Расин и Сумароков как трагики; Менандр, Аристофан, Мольер, Теренций и Плавт как комики; отдельно упоминается Сапфо¹². Есть и еще несколько комплиментарных отзывов об античных авторах: о Лукане («Музами вдохновенного песнопевца Фарзалия бессмертными увенчана лаврами», *ibid.* Ч. II, с. 320). Упоминается «важность Гезиодова» (*ibid.* Ч. III, с. 28). Отдельно подчеркивается роль Овидия, поскольку для повести важна концепция превращения (*ibid.* Ч. II, с. 320).

Последнему изданию «Россиады» наряду с «Историческим предисловием» (которое было и в первых двух) предпослан «Взгляд на эпические поэмы»¹³, где упоминаются «Илиада», «Одиссея», «Энеида», «Погубленный рай» (мы предпочитаем переводить как «потерянный»), «Ганрияда», «Иерусалим», «Лузияда» и «Фарзалия» (снабжая свой эпос историческим и поэтологическим предисловием, Херасков следует за Вольтером, но его тексты много лаконичнее). Приведем оценочные суждения (они есть не везде): «Энеида» «несравненная», Мильтон «важный», Вольтер характеризуется следующим образом: он «начинает... убиением Генриха III, а оканчивает обращением Генриха IV из одной религии в другую — но прекрасные стихи его все делают обворожительным»¹⁴. Несколько ниже Херасков предлагает не сравнивать свое «слабое творение с превосходною эпопеею Вольтеровою». «Армида в Тассовом *Иерусалиме*, прекрасная волшебница, Армида, есть душа сей неоцененной поэмы; ее хитрости, коварства; ее остров, ее нежности, ее самая свирепость по отбытии Ренода, восхитительны — но не суть назидательны». «Лузияда» — «повествование, живую кистию писанное, сладостное, привлекательное; это есть галерея преизящных картин, непорядочно расставленных, но каждая из них восхищает, трогает, удивляет и в память врезывается». «Фарзалию многие нарицают газетами, пышным слогом воспетыми; но сии газеты преисполнены высокими

¹² Херасков М.М. Полидор... 1794. Ч. III. С. 435.

¹³ Херасков М.М. Россияда... С. XV–XVII.

¹⁴ Смысл херасковского «но» помогает понять параллельное место из Н.М. Карамзина: «Генриада» есть одна из тех поэм, которых главное достоинство состоит не в великих новых мыслях, не в живых, с самой природы взятых образах, но в красоте стихов». Карамзин Н.М. Генриада, Героическая Поэма Господина Вольтера, переведенная с Французского языка стихами. Москва, в Университетской Типографии у В. Огорокова. 1791 года // Московский журнал. Ч. II. М., 1791. С. 207.

мыслями, одушевленными картинами, поразительными описаниями и сильными выражениями».

На этом предисловии следует остановиться. Гомер — единственный, кто не удостоился никаких похвал, — очевидно, в них и не нуждается, Вергилий — нуждается в наименьшей степени. Подробнее Херасков там, где есть некоторый контраст и, следовательно, вопрос о ценности. Рассмотрим пример с Луканом — тот, где Херасков приводит чужую отрицательную оценку и с ней не солидаризируется. «Некоторые» — прежде всего Вольтер. В «Идее Генриады» он писал: «мы пытались избежать недостатка Лукана, который создал только пышную газету»¹⁵. Впрочем, у Вольтера есть оценки Лукана, выраженные в совсем другом ключе, и на них также ориентировался Херасков (см., напр., статью «Эпопея» в «Философском словаре»: «Если вы хотите сильных идей, речей с возвышенной философской отвагой, у древних вы не найдете их нигде, кроме Лукана... Составьте вместе все, что древние поэты говорили о богах, — это детские речи сравнительно с этим отрывком из Лукана»)¹⁶. В этом случае рельефнее всего, но и в остальных, где отмечаются и положительные, и отрицательные аспекты, очевидно, что первые для Хераскова наиболее значимы и вполне извиняют вторые.

III. Поздние суждения. «Бахариана». «Поэт»

Во вступлении к «Бахариане»¹⁷ Херасков упоминает двух эпиков, сочинивших, кроме «важных», «забавные» поэмы, — Гомера и Вольтера. «Орлеянка» — повесть «вредная, но остроумная». Есть в тексте поэмы и другие оценки, в частности, Херасков отдает должное Ариосто, которому подражал еще в «Россиаде», не упоминая тогда его имени:

Я Ильяде, как Оракулу
Поклоняться с ревностью готов;
В Одисее нравен мне Гомер;
Мне Марон в Энее сладостен;
В погубленном Рае мне Мильтон
Дивен, беспримерен кажется;
Шутошен в Роланде Ариост,
Но не редко мил, — любезен он.
Живописцем Тасс мне видится;

¹⁵ *Voltaire F.-M. A. de. Idée de la Henriade // Œuvres complètes de Voltaire, Nouv. éd avec notices...* La Henriade. Poème de Fontenoy. Odes et Stances, etc. Paris: Garnier Frères, 1877. Vol. VIII. P. 39.

¹⁶ *Voltaire F.-M. A. de. Épopée // Œuvres complètes de Voltaire, Nouv. éd avec notices...* Dictionnaire philosophique. II. Paris: Garnier Frères, 1878. Vol. XVIII. P. 572.

¹⁷ [Херасков М.М.] Бахариана, или Неизвестный. Волшебная повесть, почерпнутая из русских сказок. М.: В типографии Платона Бекетова. 1803. С. 5.

Плачу вместе я с Овидием,
В жалостных его Элегиях... (Ibid. С. 128).

Здесь мы имеем дело с двумя контрастами, «остроумие» Вольтера противостоит «вреду», а то, что Ариосто мил и любезен, — его шуточности (которая, по-видимому, в данном контексте воспринимается как недостаток — отсутствие «важности»: ах, какой героический эпос сумел бы сочинить Ариосто, не сочини он ироико-комический эпос!). И, как и прежде, положительный момент перевешивает.

Позднее, практически предсмертное теоретическое стихотворение «Поэт» недавно было подвергнуто подробному анализу [Вендитти, Шруба 2014]. Этот анализ сопровождается неполным, но достаточно значительным по объему ретроспективным обзором. К числу недостатков последнего отнесем отсутствие указаний на противоречия между изложенной в «Поэте» позицией и прежними воззрениями Хераскова (напр., между следующими тезисами: «поэма Петр Великий, которую по моему мнению писать еще не время»¹⁸, и рекомендацией, при желании написать эпическую поэму: «Воспой великого Петра мне под Палтавой»¹⁹). Имело бы смысл сопоставить максимум «Пиши как будто бы других Поэтов нет» (с. 7) с поздней практикой самого Хераскова; очевидно, что «Россиада» — вполне

¹⁸ Херасков М.М. Россияда... С. XVIII.

¹⁹ Херасков М.М. Поэт. М.: 1805. В типографии Христофора Клаудия. С. 12. Это не второстепенная подробность. По-видимому, здесь Херасков опирался на мнение Торквато Тассо, который был не только выдающимся эпическим поэтом, но и теоретиком эпоса. В первом из «Рассуждений о поэтическом искусстве и о героической поэме в особенности» тот предлагает брать материал из истории; такая может быть весьма отдаленной, либо современной, либо не слишком давней и не слишком близкой. Первая дает простор для вымысла, но старые обычаи наскучат большинству читателей; напротив, современные события, не утомляя древностью реквизита, не оставляют возможности для вымысла. Хорош средний путь, который лишен недостатков того и другого [*Torquato Tasso. Discorsi dell'arte poetica e in particolare sopra il poema eroico. Discorso primo // Torquato Tasso. Prose. A cura di Ettore Mazzali. Milano. Napoli. 1959. P. 357–358*]. В этом смысле «Россиада» полностью соответствует пожеланиям Тассо; о «Владимире» и «Чесмесском бое» этого сказать нельзя, и здесь перед нами — вопрос, на который еще предстоит ответить. Не исключено, что с тезисом Тассо Херасков познакомился относительно поздно, поскольку суждение, по-видимому, восходящее к нему, сформулировано только в публикации 1796 г.; но достаточна ли хронологическая разница между 1796 г. и 1805 г. сама по себе, чтобы мотивировать изменение позиции? Между событиями, описанными в «Освобожденном Иерусалиме», и созданием поэмы прошло около четырех с половиной столетий; для «Россиады» эта дистанция — чуть больше двух столетий, для «Генриады» — меньше полутора, но все равно несколько больше, чем была бы для петровской тематики в начале XIX в. Может быть, динамичное начало александровского царствования отодвинуло петровскую эпоху в глазах публики и из недавней сделало ее среднеудаленной?

конвенциональный эпос — написана в полном несоответствии с таким призывом. Не слишком плодотворной и преувеличенной представляется идея «масонской» эстетики [Вендитти, Шруба 2014: 545, где масонство определяется как «общий знаменатель всех эстетических и миросозерцательных воззрений» поэта, и слл.]. Но есть в этой работе и ценные наблюдения, напр., об отсутствии «всякой непосредственной полемики с пришедшими ему на смену литературными течениями и их представителями» (с. 550).

Как «поэтика» стихотворение Хераскова уже в силу жанровых особенностей не может содержать отрицательных оценок. Херасков требует от поэта должным образом воспринимать Гомера (с. 6–7), Тассо, Мильтона, Вергилия (7), в качестве образцов для театра называет Мольера, Расина, Софокла, Эсхила, Корнеля, Вольтера (11–12), в «гремящих» одах — Ломоносова, предлагает шутить или воспевать Бога с Державиным и научать в притчах «с Лафонтенами» (единственное такого рода множественное число). В финале он ссылается на поэтики Буало и Сумарокова.

IV. Итоги

Довольно часто мы сталкивались с тем, что отрицательной оценки и критики не допускает избранный Херасковым жанр; но он был полномочным владельцем своего литературного хозяйства и, разумеется, мог найти случай и жанр для критики, если бы это входило в его намерения. Мы видим, что свойство, отмеченное Д.П. Ивинским на примере Ломоносова и Сумарокова, — рассматривать борьбу как дело второстепенное, а главное видеть в достижениях каждого, — является для Хераскова универсальным. Достоинства в каждом конкретном случае для него важнее, чем недостатки, и, если они есть, автор не теряет ценности. Полемика и критика в его поэтологическом наследии практически отсутствуют²⁰. В этом отношении Херасков был продолжателем дорогих для него авторов — Овидия, в автобиографической элегии *Trist. IV, 10* с благодарностью перечислившего поэтов, с которыми был знаком, но никогда (в отличие от не только агрессивного Катулла, но и миролюбивого Вергилия и добродушного Горация) не отзывавшегося дурно о собратях по цеху, и Ариосто, создавшего в последней, XXXVI песни «Неистового Роланда» памятник своим дружеским связям, в т. ч. и артистическим. Этот подход согласуется и с его жизненной позицией — поддержкой дарований, которые в ней нуждаются. Между бурными и полемическими периодами в истории русской литературы — эпо-

²⁰ Возможно, этот тезис был бы скорректирован тщательным анализом фигур умолчания.

хой Тредьяковского, Ломоносова и Сумарокова и пушкинской — был период мира и покоя, когда ведущая в литературной жизни фигура полагала достоинства более важным фактором, чем недостатки, а покровительство и помощь — более насущной задачей, нежели литературная полемика. Влияние, которое это обстоятельство оказало на весь ход развития русской литературы, еще предстоит оценить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вендитти М., Шруба М.* «Ars poetica» М.М. Хераскова // *Russian Literature LXXV* (2014) I/II/III/IV. С. 535–561.
2. *Ивинский Д.П.* М.М. Херасков и русская литература XVIII — начала XIX веков. М., 2018.
3. *Любжин А.И.* Статьи о М.М. Хераскове // Любжин А.И. *Opuscula*. Эссе. Стихотворения. Статьи о Хераскове. Магадан, 2023. С. 89–348.
4. *Погосян Е.А.* Ломоносов и химера: отражение литературной полемики 1750-х годов в маскарade «Торжествующая Минерва» // *Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI (Новая серия): К 85-летию Павла Семеновича Рейфмана.* Тарту, 2008. С. 11–24.
5. *Погосян Е.А.* К предыстории «Торжествующей Минервы»: И.И. Бецкой и М.М. Херасков в кругу организаторов маскарada // *Пермяковский сборник. Ч. 2.* М. 2010. С. 111–127.
6. *Семенова А.В.* «Россияда» М.М. Хераскова как один из источников оперы Г.Р. Державина «Грозный, или Покорение Казани» // *Литературоведческий журнал.* № 32, 2016. С. 46–53.
7. *Семенова А.В.* Поэма М.М. Хераскова «Владимир»: к вопросу об исторических источниках // *Studia Litterarum.* 2019. С. 172–187.
8. *Стрижёв А.Н.* Михаил Матвеевич Херасков (1733–1807). Материалы к библиографии. Составление А.Н. Стрижёва // *Литературоведческий журнал.* № 32. М., 2013. С. 232–285.
9. *Хворостьянова Е.В.* Проблема поэтической эквивалентности в русской литературе XVIII века (две редакции «Россияды» М.М. Хераскова) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология.* 2004. С. 290–299.

REFERENCES

1. Venditti M., Shrubu M. «Ars poetica» M.M. Kheraskova [“Ars poetica” by M.M. Kheraskov]. *Russian Literature*. LXXV (2014) I/II/III/IV, pp. 535–561. (In Russ.)
2. Ivinskij D.P. M.M. Kheraskov i russkaya literatura XVIII — nachala XIX vekov. [M.M. Kheraskov and Russian Literature of the XVIII — Early XIX Centuries.] Moscow, R. Valent Publ., 2018. 215 p. (In Russ.)
3. Lyubzhin A.I. Stat’i o M.M. Kheraskove [Articles on M.M. Kheraskov]. In: *Opuscula. Esse. Stikhotvoreniya. Stat’i o M.M. Kheraskove* [Opuscula. Essays. Poems. Articles on M.M. Kheraskov]. Magadan, *Novoe Vremya Publ.*, 2023, pp. 89–348 (In Russ.)
4. Pogosyan E.A. *K predystorii «Torzhestvuyushchej Minervy»*: I.I. Betskoj i M.M. Kheraskov v krugu organizatorov maskarada [To the Prehistory of the “Triumphant Minerva”: I.I. Betskoi and M.M. Kheraskov in the Circle of Masquerade Organizers]. In: *Permyakovskij sbornik*, Part 2. Moscow, *Novoe izdatelstvo Publ.*, 2010, pp. 111–127 (In Russ.)

5. Pogosyan E.A. *Lomonosov i khimera: otrazhenije literaturnoj polemiki 1750-kh godov v maskarade «Torzhestvuyushchaya Minerva»*. [Lomonosov and Chimera: Reflections of the Literary Polemics of the 1750s in the Masquerade “Triumphant Minerva”] In: *Trudy po russkoj i slavyanskoj filologii. Literaturovedenie. VI (Novaya seriya): K 85-letiju Pavla Semenovicha Rejfmana* [Works on Russian and Slavic philology. Literary criticism. VI (New series): On the 85th anniversary of Pavel Semenovich Reifman]. Tartu, 2008, pp. 11–24 (In Russ.)
6. Semenova A.V. «Rossiyada» M.M. Kheraskova kak odin iz istochnikov opery G.R. Derzhavina «Groznyj, ili Pokorenie Kazani» [«Rossiyada» by M.M. Kheraskov as One of the Sources of the G.R. Derzhavin’s Opera «Grozny, or the Conquest of Kazan»]. *Literaturovedcheskij jurnal* [The Journal of Literary History]. № 39, 2016, pp. 46–53 (In Russ.)
7. Semenova A.V. Poema M.M. Kheraskova «Vladimir»: k voprosu ob istoricheskikh istochnikakh. *Studia Litterarum*. 2019, pp. 172–187 (In Russ.)
8. Strizhyov A.N. Mikhail Matveevich Kheraskov (1733–1807). Materialy k bibliografii. Sostavlenie A.N. Strizhyova [Mikhail Matveyevich Kheraskov (1733–1807). Materials for Bibliography. Compilation by A.N. Strizhyov]. *Literaturovedcheskij jurnal* [The Journal of Literary History]. № 32, 2013, pp. 232–285 (In Russ.)
9. Khvorost’yanova E.V. Problema poeticheskoj ekvivalentnosti v russkoj literature XVIII veka (dve redaktsii «Rossiyady» M.M. Kheraskova) [The Problem of Poetic Equivalence in Russian Literature of the XVIII Century (Two Editions of M.M. Kheraskov’s “Rossiada”)]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologia* [Indo-European Linguistics and Classical Philology]. 2004, p. 290–299 (In Russ.)

Поступила в редакцию 03.05.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 25.01.2026

Received 03.05.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 25.01.2026

ОБ АВТОРЕ

Алексей Игоревич Любжин — д.ф.н., профессор Центра академического образования АНО ВО «РУМТ», старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории физтех-школы прикладной математики и информатики, МФТИ, Физтех; vultur@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexey I. Lyubzhin — Doctor of Philology, Professor of the Autonomous noncommercial organization of higher education “Russian University of Metatechnologies”, Senior Research Fellow of the Laboratory of Interdisciplinary Analysis of Society, Culture and History (IASCH), Phystech School of Applied Mathematics and Computer Science, National Research University “Moscow Institute of Physics and Technology”; vultur@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РИФМЫ АЛЕКСЕЯ РЖЕВСКОГО

Е.А. Пастернак

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; pasternakea@my.msu.ru*

Аннотация: В статье анализируется корпус рифм поэта XVIII в. Алексея Ржевского. Несмотря на повышенный интерес к творчеству этого автора со стороны ученых в XX в. (обзор основных работ приводится в первой части статьи; его открывает очерк Г.А. Гуковского, положивший начало изучению наследия поэта), его рифма не становилась предметом отдельного исследования. Только некоторые произведения поэта, необычные с точки зрения версификации, постоянно упоминались в научной и научно-популярной литературе — например, одна из идиллий, содержащая омонимические рифмы. Автором статьи был составлен корпус рифм лирических и лироэпических произведений Ржевского, опубликованных в академических изданиях в XX в. (в них содержится 1761 пара рифм и 88 цепей), а также трагедии «Подложный Смердий» (664 пары рифм). Его анализ наглядно демонстрирует основные особенности рифмы Ржевского: обилие глагольных рифм; введение цепей, в т. ч. объемных; наличие отдельных контактных рифм; редкость графической неточности созвучных слов; углубление рифмы, подчас значительное; отсутствие корреляции между жанром произведения и характеристиками рифмы.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII века; стиховедение; рифма; Алексей Ржевский; корпусные исследования

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-78-00090) в Институте мировой культуры Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-9

Для цитирования: Пастернак Е.А. О некоторых особенностях рифмы Алексея Ржевского // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 121–131.

ABOUT SOME FEATURES OF RHYME OF ALEXEI RZHEVSKY

Ekaterina A. Pasternak

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; pasternakea@my.msu.ru

Abstract: The article analyzes the corpus of rhymes of the 18th-century poet Alexei Rzhevsky. An overview of the main works about Rzhevsky opens this article (the first important work is an essay of Grigory A. Gukovsky). Despite the increased interest in the work of Rzhevsky on the part of researchers in the 20th century, his rhyme has not become the subject of a special work. Only individual Rzhevsky's verses, unusual in terms of versification, were constantly mentioned in scientific and popular science literature — for example, one of the idylls containing homonymous rhymes. The author of the article compiled a corpus of rhymes from Rzhevsky's lyric and lyric-epic works, republished in academic publications in the 20th century (they contain 1761 pairs of rhymes and 88 chains), and the corpus of rhymes of the tragedy "The False Smerdy" (664 pairs of rhymes). The analysis of this corpus clearly demonstrates the main features of Rzhevsky's rhyme: an abundance of verb rhymes; the introduction of rhyme chains, including volumetric ones; the presence of individual contact rhymes; rare graphic imprecision of rhyming words and deepening of the rhyme, sometimes significant; the absence of correlation between the genre of the work and the rhymes used in it.

Keywords: Russian poetry of the 18th century; versification; rhyme; Alexei Rzhevsky; corpus studies

Funding: This article results from the research project based at the Institute for World Culture of Lomonosov Moscow State University (MSU) and supported by the Russian Scientist Foundation (RSF, project no. 24-78-00090).

For citation: Pasternak E.A. (2026) About Some Features of Rhyme of Alexei Rzhevsky. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 121–131.

Творчество Алексея Ржевского (1737–1804) долгое время оставалось малоизвестным: еще в очерке 1920-х гг., посвященном поэту, Г.А. Гуковский сделал сноску: «Ржевский — полузабытый писатель», — однако тут же уточнил: «Между тем, в глазах своих современников он был крупным поэтом» [Гуковский 2001: 157] (И.З. Серман впоследствии прямо напишет о том, что «Гуковский... воскресил его из забвения» [Серман 1972: 194]). Работа исследователей XX в. во многом вернула фигуру Ржевского в поле зрения читателей: в нескольких академических изданиях были выпущены большие подборки его произведений (об этом см. далее); был обнаружен и опубликован текст одной из его трагедий (см.: [Берков 1956: 143–188]; уточненная публикация: [Лаппо-Данилевский 1991: 215–266]); в начале 1990-х гг. была защищена диссертация, посвященная

поэзии Ржевского [Кукулитис 1991] (отдельные вопросы, касающиеся особенностей его метрики, затрагиваются также в докторской диссертации С.А. Матяш [Матяш 1986]). Наконец, в 2008 г. вышла основательная статья Е.М. Матвеева о метрике и строфике Ржевского [Матвеев 2008: 123–175] (см. также другие работы этого ученого, напр.: [Матвеев 2009: 41–46; Карева, Матвеев 2017]).

Некоторые произведения поэта, любопытные с точки зрения версификации, традиционно упоминаются во многих научных и научно-популярных трудах (см., напр.: [Макогоненко 1972: 56; Холшевников 1987: 64–65; Drage 1993: 27 et passim; Гаспаров 2000: 67, 86–87 et passim]); они были подробно охарактеризованы еще в упоминавшемся ранее программном очерке Гуковского [Гуковский 2001: 180–182]. Обычно это два сонета, которые можно читать полностью и по полустихиям; необычно звучащая, ритмически трудная «Ода, собранная из односложных слов»; одна из идиллий («На берегу текущих рек...»), содержащая омонимические рифмы; притча «Муж и жена», включающая фигурный стих, в котором также «дан систематический свод всех употреблявшихся в то время в русской поэзии ямбических строк-стихов» [Гуковский 2001: 182]. Все их можно отнести к числу «поэтических фокусов», в которых нашли «наилучшее выражение» «игра с языком, со стихом, упражнения во владении орудиями литературного творчества» [Гуковский 2001: 180] (подобная характеристика дается и в «Словаре русских писателей XVIII века» (см.: [Лаппо-Данилевский, 2010: 43])).

Несмотря на повышенное внимание к творчеству Ржевского в последние десятилетия, особенности его рифмы не становились предметом отдельного исследования. В научных трудах можно встретить только некоторые замечания, относящиеся к этой теме. Так, Гуковский отмечает рифменные отсылки Ржевского к Сумарокову [Гуковский 2001: 168–169] и пишет об оригинальной рифме *жалеет — жelaет* [Гуковский 2001: 172]. Матвеев указывает на то, что «стих Ржевского почти исключительно рифмованный — 97,68 %» [Матвеев 2008: 140], у поэта «встречаются только два вида клаузул: мужские и женские» (строго говоря, здесь идет речь о каталектике, а не о рифме), при этом «мужские клаузулы появляются только в рифмованном стихе» [Матвеев 2008: 141]; ученый составил общую таблицу соотношения рифмованных и безрифменных стихов и используемых Ржевским размеров. В «Словаре русских писателей XVIII века» перечисляются «словесные кунштюки, демонстрирующие богатство возможностей родного языка», используемые Ржевским, среди которых «стихи на сквозные, омонимические, каламбурные и заданные рифмы» [Лаппо-Данилевский 2010: 44]. Несмотря на то, что рифму во многих стихотворениях Ржевского едва ли

можно отнести к числу изошренных «словесных кунштюков», представляется, что ее анализ позволит как лучше понять поэтику рассматриваемого автора, так и приблизиться к комплексному анализу русской рифмы XVIII в.

В этой статье предлагается предварительный очерк особенностей рифмы Ржевского на материале тех многочисленных лирических и лироэпических произведений поэта, которые перепечатывались в XX в. (источниками послужили следующие издания: [Русская басня XVIII и XIX века 1949; Поэты XVIII века 1972; Русская басня XVIII–XIX веков 1977; Кочеткова 1990; Бердников 1997]). Также отдельно анализируется трагедия «Подложный Смердий» — драматическое произведение, текст которого дошел до наших дней (другая трагедия, «Прелеста», по-видимому, не сохранилась); для работы использовался уточненный вариант «Смердия», опубликованный в 1991 г. [Лаппо-Данилевский 1991: 215–266].

В статье не учитываются те произведения Ржевского, которые были напечатаны только в периодике XVIII — начала XIX в. (полную роспись см. в работе: [Матвеев 2008: 163–175]), однако избранный материал позволяет очертить наиболее важные особенности рифмы этого поэта; как будет видно далее, в основном они одинаковы для его текстов, относящихся к разным родам литературы.

Корпус рассматриваемых лирических и лироэпических произведений включает в себя 1761 пару рифм.

По некоторым параметрам рифма Ржевского выглядит очень типичной для поэзии своего времени — второй половины XVIII в. Поэт использует только мужские и женские рифмы: первый тип входит у него в 876 пар рифм, второй — в 885 пар, что во многом объясняется соблюдением правила альтернанса.

Последние звуки в его рифмах тождественны: 866 пар из рассматриваемых — закрытые, 789 — открытые, 106 — йотированные; сочетания рифм с различными последними заударными звуками не встречаются.

Распределение богатых и бедных рифм у Ржевского вполне традиционно для многих поэтов второй половины XVIII в.: большинство пар содержит бедные рифмы (1220). В 12 случаях наблюдается чередование опорных согласных по твердости/мягкости (это рифмы вроде *спозналась — пленялась* или *озаряешь — простираешь*). Для 18 пар определить богатство/бедность формально невозможно, поскольку одно из слов начинается с ударного гласного (например, *ум — дум*); если же посмотреть на предыдущий звук, станет ясно, что все они относились бы к бедным (в дальнейшем они учитываются вместе с остальными бедными рифмами). Наконец, только 511 пар содержат богатые рифмы. Чаще всего у Ржевского предсказуемо

встречаются закрытые бедные (39 % от всех рифм) и открытые бедные (26,18 % от всех рифм).

Ржевский крайне редко использует неточные рифмы — они встречаются только семь раз. В одной элегии («Какие мне беды рок лютый посылает?..») используется распространенная пара *меня* — *я* с нежелательным, но допустимым различием опорных согласных в мужской открытой рифме. В «Цидулке ко клеветникам» встречается сочетание личной формы глагола и инфинитива: *сидит* — *бранить*.

В двух случаях заударные согласные нетождественны: *лезет* — *едет* в «Собаке и сене» и *хочешь* — *можешь* в одной из элегий («Ничто моей тоски не может утолить...»).

Трижды в заударной части одного из слов «добавляется» согласный: *сплетенны* — *гневны* в другой элегии («Прошли драгие дни, настал тот лютый час...»), *монарх* — *страх* в «Оде... Петру Феодоровичу» и *смерть* — *отереть* в одном из сонетов, опубликованных Бердниковым («Не плачь, любезной взор, сноси сердечну муку...»). Любопытно, что в «Оде...» и в сонете первый заударный звук первого рифмующегося слова является опорным во втором рифмующемся слове: получается своего рода анаграмматическая рифма. Сходный прием можно встретить и в других рифмах Ржевского: в качестве примера приведу пару *презренье* — *омерзенье* в «Цидулке ко клеветникам» и пару *презирала* — *терзала* в другом сонете, напечатанном Бердниковым («Красавица, на толь ты в свет происходила...»).

При этом у Ржевского нечесты не только фонетически, но даже графически неточные рифмы: пары вроде *нудь* — *обмануть* («Волк-откупщик») или *дороге* — *пороги* («Ученых спор»), в которых заметны несовпадения букв в заударных частях, являются для поэта скорее исключениями.

В корпусе можно встретить глубокие рифмы — или по крайней мере те, в которых совпадает один из предударных гласных. Конечно, примеры вроде *пременить* — *бременить* («Совет»), отличающиеся друг от друга лишь первым звуком, причем парным по глухости/звонкости, раритетны; однако такие пары, как *соловей* — *своей* в «Идиллии» или *прельщает* — *терзает* в одной из элегий («Рок всё теперь свершил, надежды больше нет...»), нередки.

Исключительно часто Ржевский использует глагольные рифмы — к ним относится больше половины всех пар (991, или 56,28 %). На втором месте — сочетания рифмующихся слов, относящихся к разным частям речи (339, или 19,25 %), на третьем — пары созвучных существительных (224, или 12,72 %). С большим отрывом за ними

следуют пары, в которых слова относятся к другим частям речи; среди них выделяются только сочетания местоимений (97, или 5,51%).

Несмотря на некоторое грамматическое однообразие рифмы Ржевского, отдельные ее характеристики необычны. Так, лишь в 27 случаях поэт использует крайне легко находимые созвучия на *-анье / -енье*. Какие-то части речи встречаются у него в позиции рифмы редко — например, наречия, причем созвучия с ними могут повторяться: например, со словом *никогда* он сочетает *всегда, тогда, завсегда* и *иногда*, однако таких пар всего лишь семь. Отмеченные же выше сочетания рифмующихся слов, не относящихся к одним и тем же частям речи, у Ржевского очень разнообразны.

Обращение к «Подложному Смердию» демонстрирует похожую картину. В этой трагедии содержится 664 пары рифм; все они — парные, в произведении строго соблюдается правило альтернанса (334 рифмы — мужские, 330 — женские). Распределение открытых (387), закрытых (248) и йотированных (29) рифм здесь несколько иное, чем в предыдущем случае, однако в целом оно характерно для поэзии своего времени, что особенно заметно по скромному числу йотированных рифм.

Любопытно, что количество богатых рифм здесь существенно превышает среднее значение (405 из 664), однако это объясняется обилием мужских открытых рифм; пар бедных рифм — только 255 (из них в 13 случаях одно слово начинается с ударного гласного), а чередование твердых и мягких опорных согласных встречается лишь четырежды.

Как и в случае с корпусом остальных произведений, Ржевский крайне редко использует в «Смердии» неточные рифмы, и в их устройстве читатель не найдет ничего нового по сравнению с тем, что было описано выше. По одному разу встречаются нетождественность опорного согласного в мужской открытой рифме (*устремя — меня*) и «добавление» одного звука в заударную часть одного из слов, причем сонорного, что делает рифму «менее неточной» (*должно — возможно*). Еще в одном случае в заударной части разнятся сонорные (*кинжалом — ударом*). Примеры с графической неточностью (*подвластны — согласны, пролиться — утолится*) также по-прежнему крайне немногочисленны.

Повторы отдельных гласных звуков в предударной части нередки; также несколько раз встречаются по-настоящему глубокие, изысканно звучащие рифмы — например, такие: *рабам — врагам, уготовляет — оставляет, разит — грозит, сразить — вообразить* (подчеркну, что бедность первой из названных рифм является лишь формальной, гораздо важнее повтор четырех звуков в обоих словах).

Как было и ранее, наиболее значительной остается доля глагольных рифм — их в «Подложном Смердии» чуть меньше половины (289, или 43,52 %). На втором месте — снова сочетания слов, относящихся к разным частям речи (156, или 23,49 %), после них — пары существительных (105, или 15,81 %; среди них 25 на *-анье / -енье / -ение*). За ними следуют сочетания местоимений — их в трагедии значительно больше, чем в произведениях, рассмотренных выше (80, или 12,05 %); на долю других частей речи приходится совсем небольшое количество рифм.

Как видно из приведенных данных, в плане выбора рифмы для Ржевского в целом не было принципиальных отличий между этим драматическим сочинением и другими стихотворными текстами.

Если вернуться к корпусу остальных произведений, то будет очевидно, что Ржевский тяготеет к постоянному введению цепей рифм. У него встречается 88 таких цепей разной длины — они включают от трех до 18 слов (это рекордное для поэта количество рифм находится в одном из «Рондо» («Чтоб книги нам читать...»). В часть из них также можно включить внутренние рифмы (например, в маленькой эпиграмме: «Я знаю, что ты мне, *жена* (здесь и далее курсив мой. — Е. П.), весьма *верна*, / Да для того, что ты, мой свет, весьма *дурна*» [Поэты XVIII века 1972: 219]). В большинстве случаев это цепи скромного объема, которые содержат три (29 случаев) или четыре (42 случая; значительное количество цепей такой длины объясняется пристрастием Ржевского к написанию сонетов) рифмы. Даже без учета той доли, которая закономерно приходится на цепи из катренов в сонетах (об эволюции сонета Ржевского см., напр.: [Гуковский 2001: 167]), и той, которая относится к нескольким рондо (об особенностях «русского рондо» XVIII в. см.: [Гаспаров 2000: 107]), количество цепей у Ржевского очень велико (многие из них встречаются в баснях с вольной рифмовкой).

Среди других произведений выделяются «Портрет», «Купец во дворянах» и «Волк-певец», содержащие по две объемные цепи рифм. В первом из них читатель видит два длинных перечисления глаголов на *-ать* (*желать, убежать, спать* и т. д.), в которых должен узнать печальное томление «любовника, несчастного в любви» [Поэты XVIII века 1972: 289]. Во втором прихотливо переплетаются две цепи рифм (исключение составляют только четыре финальные строки), причем из-за варьирования тем в каждой из них повторяются слова, например, *чина* — в первой и *купец* — во второй. Использование же двух рядов глагольных рифм, в этот раз на *-еть*, прерываемых только одной парой перед моралью, — яркая черта притчи «Волк-певец».

Еще одна особенность рифмы Ржевского — это наличие контактных рифм (подробнее о них см.: [Петрова, 2006]). Несмотря на то,

что этот вид рифмы в первую очередь ассоциируется с фольклорными текстами, он встречается и в авторских произведениях, не связанных с ними. У Ржевского они присутствуют в парах в пяти притчах и в одном из рондо (упомянутое ранее «Чтоб книги нам читать...»). Появление этого вида рифмы связано с использованием сверхкоротких стихов: «Коль по *делам* / *Сам* / Сей свет вас не прославит» в «Хвастливом граче» [Русская басня, 1949: 96] или «И говорит он ей: “*Свинья, / Я / Перед собой тебе в обманах уступаю <...>*”» [Поэты XVIII века 1972: 252].

Наконец, отмечу случаи, когда два созвучных слова внутри стиха формально образуют внутреннюю рифму: их можно признать рифмующимися, а можно считать случайными созвучиями, которые объясняются, к примеру, устройством русского глагола в целом, — например, в стихе «*Всё ~~делать~~ начинав, не ~~сделать~~ ничего*» в «Портрете». Подобная ситуация наблюдается и в двух анакреонтических одах с глаголами, находящимися в конце стиха: «*Взгляни ко мне приятно, / Так всё ~~переменится~~, / Мне всё приятно будет, / Я стану ~~веселиться~~*» в финальных стихах («Узря твой взгляд суровый...» [Поэты XVIII века 1972: 290]; в середине этого анакреонтического стихотворения также есть строки, которые можно счесть рифмованными) и «*Пусть кто, как хочет, судит, / Как хочет, ~~полагает~~, / Пусть счастье, в чем хочет, / Свое он ~~почитает~~*» при переходе к новой мысли [Поэты XVIII века 1972: 296]. В тех случаях, когда слова находятся в начале стиха в особо значимых местах стихотворения, кажется логичным всё же считать их начальной рифмой — как, например, в «Фортуне»: «*Влюбясь, на ней женился. / Женясь, он был ревнив*» [Поэты XVIII века 1972: 230]. Поскольку наличие рифм во всех названных и подобных им примерах дискуссионно, они не учитывались при общих подсчетах.

Добавлю также, что при анализе подтверждается приведенный ранее тезис Матвеева об абсолютном доминировании рифмованных стихов у Ржевского. Даже без учета нескольких анакреонтических од поэт крайне редко использует холостые стихи — в отличие, например, от его младшего современника Н.А. Львова, у которого введение таких стихов является одним из излюбленных приемов. Дважды они встречаются в «Волке-откупщике» (стихи 29 и 32), по одному разу — в «Некстати» (стих 11) и в «Лисице и зайце» (стих 7).

Проведенный анализ позволяет увидеть ключевые особенности рифмы Ржевского: обилие глагольных рифм; введение цепей, в т. ч. объемных; наличие отдельных контактных рифм; редкая графическая неточность созвучных слов и углубление рифмы, подчас значительное; отсутствие прямой корреляции между жанром произведения и рифмами в нем. Все это согласуется с отдельными

общими замечаниями, которые приводились в работах ученых ранее, однако теперь они подкрепляются точными статистическими данными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердников Л.И. Счастливый Феникс. Очерки о русском сонете и книжной культуре XVIII — начала XIX в. СПб., 1997.
2. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 2000.
3. Гуковский Г.А. Ржевский // Гуковский Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 157–183.
4. Карева Н.В., Матвеев Е.М. Тройные сонеты А.А. Ржевского и традиция амбивалентных стихотворений во французской литературе XVI – XVIII веков // Литературная культура России XVIII века. Вып. 7. СПб., 2017. С. 78–98.
5. Кукулитис В.И. Поэзия Ржевского: проблематика и поэтика. Дисс. ... к. филол. н. М., 1991.
6. Лаппо-Данилевский К.Ю. Ржевский Алексей Андреевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3 (Р–Я). СПб., 2010. С. 42–48.
7. Макогоненко Г.П. Пути развития русской поэзии XVIII века // Поэты XVIII века. Т. 1. Л., 1972. С. 5–72. (Библ. поэта. Большая серия. Второе изд.)
8. Матвеев Е.М. Метрика и строфика А.А. Ржевского // Петербургская стихотворная культура. Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов. СПб., 2008. С. 123–175.
9. Матвеев Е.М. Вольный ямб А.А. Ржевского: к вопросу о жанровой дифференциации раннего русского вольного ямба // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2009. № 3. С. 41–45.
10. Матяш С.А. Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв.: жанр, стиль, стих. Дисс. ... д. филол. н. Л., 1986.
11. Поэты XVIII века. Т. 1. Л., 1972. (Библ. поэта. Большая серия. Второе изд.)
12. Петрова А.А. Фольклорная рифма как приём: синтактика, семантика, прагматика. Дисс. ... к. филол. н. М., 2006.
13. Ржевский А. А. Подложный Смердий / подг. текста К.Ю. Лаппо-Данилевского // Русская литература. Век XVIII. [Т. 2.] Трагедия. М., 1991. С. 215–266.
14. Ржевский А.А. [Стихотворения] / вступ. ст. и комм. Н.Д. Кочетковой // Русская литература. Век XVIII. [Т. 1.] Лирика. М., 1990. С. 158–173.
15. Русская басня XVIII и XIX века. Л., 1949. (Библ. поэта. Большая серия.)
16. Русская басня XVIII–XIX веков. Л., 1977. (Библ. поэта. Большая серия. Второе изд.)
17. Серман И.З. А.А. Ржевский // Поэты XVIII века. Т. 1. Л., 1972. С. 189–194. (Библ. поэта. Большая серия. Второе изд.)
18. Трагедия А.А. Ржевского «Подложный Смердий» / публ. П.Н. Беркова // Театральное наследство. М., 1956. С. 139–188.
19. Холшевников В.Е. Мысль, вооружённая рифмами. Л., 1987.
20. Drage C.L. Russian Word-Play Poetry from Simeon Polotskii to Derzhavin: Its Classical and Baroque Context. London, 1993.

REFERENCES

1. Berdnikov L.I. (1997) *Schastlivyj Feniks. Oчерki o russkom sonete i knizhnoj kul'ture XVIII – nachala XIX v.* [The Happy Phoenix. Essays on the Russian Sonnet and Book

- Culture of the Eighteenth and Early Nineteenth Century]. Saint Petersburg, *Academic Project*. (In Russ.)
2. Gasparov M.L. (2000) *Očerok istorii russkogo stiha* [An Essay on the History of Russian Verse]. Moscow, *Fortuna Limited*. (In Russ.)
  3. Gukovskij G.A. (2001) Rzhhevskij. In: Gukovskij G.A. *Rannie raboty po istorii russkoj poezii XVIII veka* [Early Works on the History of Russian Poetry of the 18th Century]. Moscow, *Languages of Russian Culture*. P. 157–183. (In Russ.)
  4. Kareva N.V., Matveev E.M. (2017) *Trojnye sonety A.A. Rzhhevskogo i tradicija ambivalentnyh stihotvorenij vo francuzskoj literature XVI–XVIII vekov* [Triple Sonnets by Alexey Rzhhevskij and the Tradition of Ambivalent Poems in the French Literature of the 16–18th Centuries]. In: Literaturnaja kul'tura Rossii XVIII veka [The Literary Culture of Russia of the XVIII Century]. Vol. 7. Saint Petersburg, *Helikon Plus*. P. 78–98. (In Russ.)
  5. Kukulitis V.I. (1991) *Poezija Rzhhevskogo: problematika i pojetika* [Rzhhevsky's Poetry: Problems and Poetics]. Dissertation. ... Candidate in Philology. Moscow. (In Russ.)
  6. Lappo-Danilevskii K.Ju. (2010) *Rzhhevskij Aleksej Andreevich* [Rzhhevsky Alexey Andreevich]. In: Slovar' russkikh pisatelej XVIII veka [Dictionary of Russian Writers of the XVIII Century]. Issue 3 (R–Ja). Saint Petersburg, *Nauka Publ.*, P. 42–48. (In Russ.)
  7. Makogonenko G.P. (1972) Puti razvitija russkoj poezii XVIII veka [The Development Paths of Russian Poetry in the 18th Century]. In: *Pojety XVIII veka*. [Poets of the XVIII century]. Vol. 1. Leningrad, *Sovetskij Pisatel' Publ.* P. 5–72. (Biblioteka pojeta. Bol'shaja serija. 2nd ed.) (In Russ.)
  8. Matveev E.M. (2008) *Metrika i strofika A.A. Rzhhevskogo* [Metrics and strophics by A.A. Rzhhevsky]. In: Peterburgskaja stihotvornaja kul'tura. Materialy po metrike, strofike i ritmike peterburgskih pojetov [St. Petersburg poetry culture. Materials on metrics, stanzas and rhythmic of St. Petersburg poets.]. Saint Petersburg, *Nestor-History Publ.* P. 123–175. (In Russ.)
  9. Matveev E.M. (2009) *Vol'nyj jamb A.A. Rzhhevskogo: k voprosu o zhanrovoj differenciacii rannego russkogo vol'nogo jamba* [Free Iambic by A.A. Rzhhevsky: On the Question of Genre Differentiation of Early Russian Free Iambic]. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. № 3.* P. 41–45. (In Russ.)
  10. Matjash S.A. (1986) *Vol'nyj jamb russkoj poezii XVIII–XIX vv.: zhanr, stil', stih* [Free Iambic of Russian Poetry of the 18th–19th Centuries: Genre, Style, Verse]. Dissertation of the Doctor in Philology. Leningrad. (In Russ.)
  11. *Pojety XVIII veka*. Vol. 1 (1972) [Poets of the 18th Century. Vol. 1]. Leningrad, *Sovetskij Pisatel' Publ.* (Biblioteka pojeta. Bol'shaja serija. 2nd ed.) (In Russ.)
  12. Petrova A.A. (2006) *Fol'klornaja rifma kak prijom: sintaktika, semantika, pragmatika* [Folklore Rhyme as a Technique: Syntax, Semantics, Pragmatics]. Dissertation. ... Candidate in Philology. Moscow. (In Russ.)
  13. Rzhhevskij A.A. (1991) *Podlozhnyj Smerdij* [False Smerdyi]. In: Russkaja literatura. Vek XVIII. [Vol. 2.] Tragedija [Russian literature. The XVIII century. [Vol. 2.] The Tragedy]. Moscow, *Khudozhestvennaja Literatura Publ.* P. 215–266. (In Russ.)
  14. Rzhhevskij A.A. (1990) *Stihotvorenija* [Verses]. In: Russkaja literatura. Vek XVIII. [Vol. 1.] Lirika. [Russian literature. The XVIII century. [Vol. 1.] Lyrics] Moscow, *Khudozhestvennaja Literatura Publ.* P. 158–173. (In Russ.)
  15. *Russkaja basnja XVIII i XIX veka*. (1949) [Russian Fable of the 18th and 19th Centuries]. Leningrad, *Sovetskij Pisatel' Publ.* (Biblioteka pojeta. Bol'shaja serija.) (In Russ.)

16. *Russkaja basnja XVIII–XIX vekov.* (1977) [Russian Fable of the 18th–19th Centuries]. Leningrad, *Sovetskij Pisatel' Publ.* (Biblioteka pojeta. Bol'shaja serija. 2nd ed.) (In Russ.)
17. Serman I.Z. (1972) *A.A. Rzhetskij* [A.A. Rzhetsky]. In: *Poety XVIII veka* [Poets of the XVIII century]. Vol. 1. Leningrad, *Sovetskij Pisatel' Publ.* P. 189–194. (Biblioteka pojeta. Bol'shaja serija. 2nd ed.) (In Russ.)
18. *Tragedija A.A. Rzhetskogo «Podlozhnyj Smerdij»* [Tragedy by A.A. Rzhetsky “False Smerdy”] (1956). In: *Teatral'noe nasledstvo.* Moscow, *Iskusstvo Publ.* P. 139–188. (In Russ.)
19. Kholshchevnikov V.E. (1987) *Mysl', vooruzhjonnoja rifmami* [Thought Armed with Rhymes]. Leningrad, *Leningrad University Publishing House.* (In Russ.)
20. Drage C.L. (1993) *Russian Word-Play Poetry from Simeon Polotskii to Derzhavin: Its Classical and Baroque Context.* London: *School of Slavonic and East European Studies.*

Поступила в редакцию 10.05.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 22.01.2025

Received 10.05.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 22.01.2025

ОБ АВТОРЕ

Екатерина Алексеевна Пастернак — к.ф.н., младший научный сотрудник
Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова;
pasternakea@my.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Pasternak — PhD, Junior Researcher, Institute of World Culture, Lomonosov Moscow State University; pasternakea@my.msu.ru

ЕЩЕ РАЗ О КАРЕТЕ С ГВОЗДЯМИ У НЕКРАСОВА (ОТ «НА УЛИЦЕ» К «О ПОГОДЕ»)

Чжан Юйтин, М.С. Макеев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; yuting.mikhail@gmail.com; mmakeev@icloud.com*

Аннотация: В статье прослеживается трансформация в творчестве Н.А. Некрасова образа кареты, запятки которой утыканы гвоздями, от стихотворения «Карета» и его ранних редакций до фрагмента из цикла «О погоде». Анализируются причины исключения стихотворения «Карета» из цикла «На улице», в состав которого это произведение было включено в рукописи. Показано, что Некрасов не только стремился избавить текст от чрезмерного мелодраматизма, но и изменил владельца экипажа: если в стихотворении «Карета» им был писатель-филантроп, то в «О погоде» им становится читатель филантропической «гуманной» литературы.

Ключевые слова: русская поэзия второй половины XIX века; Н.А. Некрасов; «Карета»; «О погоде»; цикл «На улице»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-10

Для цитирования: Чжан Юйтин, Макеев М.С. Еще раз о карете с гвоздями у Некрасова (от «На улице» к «О погоде») // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 132–141.

ONCE AGAIN ABOUT NEKRASOV'S CARRIAGE WITH NAILS (FROM "ON THE STREET" TO "ON WEATHER")

Zhang Yuting, Mikhail S. Makeev

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; yuting.mikhail@gmail.com;
mmakeev@icloud.com*

Abstract: The article traces the transformation of the image of a carriage with nail-studded heels in the works of N.A. Nekrasov, from the poem “The Carriage” and its early versions to a fragment from the cycle “On Weather”. The reasons for excluding the poem “The Carriage” from the cycle “On Weather”, in which this work was included in the manuscript, are analyzed. It is shown that Nekrasov not only sought to rid the text of persistent melodrama, but also changed the owner of the carriage: in the poem “The Carriage” it was a writer-philanthropist, whereas in “On Weather” it is a reader of philanthropic “humanitarian” literature.

Keywords: Russian poetry of the second half of the 19th century; N.A. Nekrasov; “The Carriage”; “On Weather”; the cycle “On the Street”

For citation: Zhang Yuting, Makeev M.S. (2026) Once Again About the Carriage with Nails in Nekrasov (from “On the Street” to “On Weather”). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. no. 1*, pp. 132–141.

Образ кареты, запятки которой утыканы гвоздями, сыграл особую роль в формировании репутации Некрасова. В печати этот образ впервые появился в составе третьей главы («Сумерки») первой части цикла «О погоде», написанной в январе — марте 1859 г. и опубликованной в № 3 «Современника» за этот год. Крайне недоброжелательно настроенный по отношению к поэзии и личности Некрасова А.А. Фет в своих мемуарах сообщил, что видел самого Некрасова едущим в таком экипаже [Фет 1890]. Благодаря популярной статье К.И. Чуковского «Поэт и палач» этот образ стал символом «двуличия» Некрасова, его «двойственности» как человека и поэта (см.: [Чуковский 1926]). И сейчас он занимает почетное место в популярных статьях о Некрасове, разоблачающих его, привлекает внимание и ученых, выявляющих те следы, которые эта карета оставила в творчестве других поэтов (см., например: [Успенский 2014]). При этом сам этот образ, его место в поэзии Некрасова, содержание, которое вкладывал в него поэт, до сих пор не привлекали пристального внимания исследователей. Восполнить этот пробел и тем самым прояснить позицию автора в продолжающейся уже почти 130 лет и имеющей односторонний характер «дискуссии» о его стихах — задача настоящей работы.

Прежде всего нужно обратить внимание на то, что этот образ прошел у Некрасова непростую эволюцию. Карета с гвоздями впервые появляется в стихотворении «Карета». Приведем его текст полностью:

О филантропы русские! Бог с вами!
Вы непритворно любите народ,
А ездите с огромными гвоздями,
Чтобы впотьмах усталый пешеход
Или шалун мальчишка, кто случится,
Вскочивши на запятки, заплатил
Увечьем за желанье прокатиться
За вашим экипажем...

[Некрасов 2021: 422]

Стихотворение было написано в мае — начале июня 1855 г. и включено Некрасовым в первую редакцию цикла «На улице», однако судьба его существенно отличается от судьбы других произведений цикла.

Цикл «На улице» привлекал внимание исследователей (см.: [Гаркави 1980; Майорова 1983; Корман 1978]), однако в знании об истории его создания остается много пробелов. В частности, о времени создания большинства стихотворений цикла, о том, были написаны они первоначально как самостоятельные произведения или создавались как части задуманного цикла, практически ничего не известно (ни одно из них не печаталось вне цикла и до первой его публикации в собрании стихотворений Некрасова 1856 г., а указанная в конце жизни автором дата создания «1850» [Некрасов 2021: 627–628] не может считаться полностью достоверной [Макеев 2014]). Фактически только в случае «Кареты» можно с большой долей уверенности утверждать, что она была написана позже всех остальных стихотворений, входивших в первую редакцию «На улице», скорее всего задумывалась как самостоятельное произведение и была включена в состав цикла только после существенной доработки [Некрасов 2021: 654].

Войдя в цикл «На улице» позднее других стихотворений, «Карета» оставалась в его составе недолго. Фактически она была включена только в первую редакцию цикла, записанную в так называемой «Солдатенковской тетради» (РГБ. Ф. 195. К. 1. Ед. хр. 42), заведенной поэтом для подготовки «Стихотворений» 1856 г. Здесь цикл состоит из пяти текстов, расположенных в следующем порядке: 1. «Вор»; 2. «Вот идет солдат» (во всех прижизненных изданиях — «Гробок»); 3. «Извозчик» (во всех прижизненных изданиях — «Ванька»); 4. «Карета»; 5. «Проводы». Однако в книге в него вошло только три стихотворения: «Вор», «Проводы» и «Ванька». В том же составе цикл был напечатан в следующем издании «Стихотворений» (1861). Окончательный состав и порядок следования стихотворений установился в «Стихотворениях Н.А. Некрасова» 1863 г.: «Вор», «Проводы», «Гробок» и «Ванька». Таким образом, «Карета» — единственное стихотворение из редакции «Солдатенковской тетради», которое не вошло в окончательный состав цикла «На улице»¹. «Гробок», вызывавший у автора какие-то сомнения, все-таки в него был включен.

И история создания, и быстрое и окончательное исключение из состава цикла говорят, очевидно, о чужеродности стихотворения для «На улице». Описать эту чужеродность, кажется, просто. Отличают «Карету» от остальных стихотворений цикла, на первый взгляд, три характеристики. Во-первых, в ее тексте избылуют эле-

¹ Особенный случай представляет собой контрафактное берлинское издание стихотворений Некрасова 1862 г., степень авторизованности которого остается загадкой: здесь цикл напечатан в том же составе, что и в «Солдатенковской тетради», но с изменением порядка следования текстов: «Карета» включена в него под 5-м номером.

менты, рассчитанные на прямую эмоциональную реакцию — негодования и жалости (в то время как для других стихотворений цикла характерен внешне объективный, спокойно-описательный тон, за исключением стихотворения «Гробок»). Во-вторых, в ней практически (во всяком случае, на первый взгляд) отсутствует «сценический» элемент (в то время как все остальные стихотворения имеют характер подсмотренной «на улице» «сценки»). В-третьих, в «Карете» присутствует прямая дидактика, нравственный урок и обращенный к читателю призыв (в других стихотворениях цикла «мораль» скрыта, извлечь ее предлагается самому читателю). При внимательном рассмотрении, однако, оказывается, что перечисленных свойств недостаточно для того, чтобы увидеть в «Карете» текст, никак не вписывающийся в структуру цикла.

Первая названная нами особенность «Кареты», видимо, действительно смущала Некрасова. Это видно из вносившейся в ее текст правки, которую можно проследить, сравнивая основной текст стихотворения, с двумя его ранними редакциями. Автографы этих редакций находятся в Записной тетради №1 (РГБ Ф. 195. К. 3. Ед. хр. 12). Оба представляют собой текст, записанный карандашом на одном развороте напротив друг друга (Л. 68об. и 69). С абсолютной уверенностью их очередность установить невозможно, поэтому первой условно имеет смысл называть ту, в которой сделано больше исправлений. Приведем их целиком:

- 1) Хотелось бы и тем сказать словечко,
Которые [о бедном сожалеют] жалеют бедняков,
А ездят с заостренными гвоздями,
Чтобы впотьмах усталый пешеход
Или [бедняк, мальчишка шаловливый] шалун, оборванный
мальчишка,
Вскочивши на запятки, заплатил
Увечьем за желанье прокатиться
За их каретой... (Л. 68об)
- 2) Хотелось бы кой-что сказать и тем,
Которые о ближнем хло<почут>,
А ездят в экипаже, огражденном
Гвоздями сзади, чтоб старик усталый
Или шалун, оборванный мальчишка,
Впотьмах дерзнут забраться на запятки,
То поплатились бы увечьем<м>
За дерзость эту. (Л. 69)

Сравнение текста ранних редакций с текстом «Солдатенковской тетради» показывает, что одно из направлений переработки текста было связано именно с «приглушением» эмоций. Если гвозди из

«заостренных» превращаются в «огромные» и последствия невнимательности жертвы продолжают называться «увечьем» (все это сильные слова, вызывающие однозначные сильные эмоции), то потенциальная «жертва» меняется: если в первом случае это «усталый пешеход / Или шалун, оборванный мальчишка», во втором фигурирует тот же мальчишка, а усталого пешехода заменяет «старик усталый», то в основном тексте — просто «усталый пешеход» и «мальчишка», но уже только шалун, указание на бедность убирается. Таким образом, убираются те характеристики «жертвы» гвоздей, за которые ее нужно жалеть еще до того, как она получит «увечье», и эмоциональная палитра произведения становится более «спокойной».

Правка вносит и сценический элемент в текст. Обращает на себя внимание тот факт, что название «Карета» появилось только в тексте «Солдатенковской тетради», обе ранние редакции никак не озаглавлены, представляя собой лирический медитативный «фрагмент» или краткий обличительный монолог. С появлением названия жанровый характер текста меняется и стихотворение получает вид «сценки»: слово «карета», с которого теперь начинается стихотворение, как бы указывает на конкретный экипаж, увиденный лирическим героем (то есть выполняет ту функцию, которую в других стихотворениях цикла выполняют выражения типа «Вчера был поражен я сценой...» («Вор») «Вот идет солдат» («Гробок») или «Смешная сцена!» («Ванька»)). Упоминающиеся в тексте гвозди дополняют картину, выделяя ту деталь, которая бросилась в глаза, отличила эту карету от других экипажей и послужила поводом для взволнованного лирического высказывания.

Что касается дидактики, то ее неуместность в цикле «На улице» не очевидна. Не нужно забывать, что объективно-описательный характер цикла является все-таки результатом исключения стихотворения «Карета». Абсолютная однородность в этом отношении для некрасовских циклов не характерна: достаточно вспомнить, например, более поздние циклы «Песни» и «Ночлеги», также в основном состоящие из нейтрально-описательных стихотворений, однако завершающиеся «дидактическими» текстами, содержащими прямые авторские моральные суждения и призывы (ср.: «Господь! твори добро народу! / Благослови народный труд...» в «Песнях» или «Не беда, что люди голы, / Лишь бы стали поумней» в «Ночлегах»).

Причины исключения «Кареты» из цикла «На улице», таким образом, не связаны с тем, что стихотворение прямолинейно «бьет на жалость», не похоже на уличную «сценку» или слишком дидактично. Сравнение редакций «Кареты» показывает, что в ходе переработки менялся не только образ «жертвы», но и виновника, самого владельца злополучной кареты. В первой и второй редакциях он

относится к группе людей, которые «жалеют бедняков» (первоначально «о бедном сожалеют») или «о ближнем хлопочут». И та и другая характеристика выглядят очень неопределенно, неясно; в редакции «Солдатенковской тетради» Некрасов конкретизирует адресата своего гнева. Теперь это «филантропы», которые «непритворно любят народ». На слове «филантроп» следует остановиться подробнее, в том числе потому, что оно встречается в стихах Некрасова крайне редко: мы обнаруживаем его еще всего в двух произведениях («Над чем мы смеемся» и «Филантроп»), и в каждом оно имеет свое значение.

В стихотворении «Над чем мы смеемся» первая редакция которого, крайне сильно отличающаяся от основной, относится к 1860 г., слово «филантроп» употреблено в традиционном значении человека, занимающегося благотворительностью. Его иронически произносят отрицательные герои — эгоисты, подшучивающие над приятелем, бескорыстно помогающим ближнему. В стихотворении «Филантроп» (написано в 1853 г., однако напечатано только в феврале 1856 г., т. е. примерно тогда, когда Некрасов продолжал работать над своим собранием стихотворений, и «Каретой» в том числе) слово, вынесенное в название (и не встречающееся в самом тексте), употреблено в другом значении. Обращает на себя внимание, что главный герой (кто бы ни был его прототипом — Одоевский или Даль) проявляет заботу о бедных исключительно в области печати. Его забота о «мужике» заключается в том, что он пишет и издает дешевые научно-популярные книги для народа («О народном просвещении / Соревнуй, генерал / В популярном изложении / Восемь томов написал <...> Продавал в большом количестве / Их дешевле пятака»).

Какое из этих значений имеет слово «филантропы» в «Карете»? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно уточнить, в чем виноват владелец кареты с гвоздями. Слово «впотьмах», присутствующее во всех редакциях «Кареты», указывает на то, что речь идет не о жестокости, а о своего рода «легкомыслии». Гвозди служат не для того, чтобы ранить желающего бесплатно прокатиться на запятках чужого экипажа, а чтобы его «отпугнуть», не дать ему такой возможности. Однако такую функцию гвозди могут выполнить днем, когда они хорошо видны. «Впотьмах» они перестают быть заметны и могут стать «ловушкой» для нарушителя. Владелец кареты, любящий народ («ближнего»), очевидно, «в теории», не принимает во внимание те последствия, которые могут иметь его поступки в обстоятельствах реальной жизни.

Такое понимание человеческого свойства, стоящее за этим поступком, очевидно, находится в простом логическом противоречии

с филантропией как деятельным добром, основанном на «непритворной» любви к народу. В стихотворении «Карета», таким образом, под филантропами, несомненно, понимаются литераторы, пишущие о народе, подобные Его Сиятельству из стихотворения «Филантроп». Именно «красноречие» графа заставляет главного героя надеяться на его помощь, однако литератор-филантроп, вполне возможно, искренне («непритворно») сочувствующий бедным в своих книгах, оказывается не способен распознать подлинное горе в реальной жизни. Однако если бедный чиновник, герой «Филантропа», сознательно стремится встретиться с «его сиятельством», то откуда лирическому герою «Кареты» известно, что в замеченном им «на улице» экипаже едет литератор, пишущий про народ и для народа (если только он не знаком с ним лично)? Сюжет стихотворения либо «анекдотичен», либо искусственен, «придуман» для иллюстрации заранее выбранной морали и в этом, дурном, смысле стихотворение выглядит действительно чрезмерно дидактичным (подобно плохой басне) и потому непригодным не только для цикла «На улице», но и вообще для публикации.

Неудача, однако, не лишила в глазах поэта образ утыканной гвоздями кареты художественного потенциала и после существенной переработки Некрасов включил его в цикл «О погоде»²:

Мы довольно похвал расточали
И довольно сплели мы венков
Тем, которые нам рисовали
Любопытную жизнь бедняков.
Где ж плоды той работы полезной?
Увидав, как читатель иной
Льет над книгою слезы рекой,
Так и хочешь сказать: «Друг любезный!
Не сочувствуй ты горю людей,
Не читай ты гуманных книжонок,
Но не ставь за каретой гвоздей,
Чтоб, вскочив, накололся ребенок!» [Некрасов 2021: 227]

Основные изменения выглядят продолжением уже начавшейся правки в «Карете». Образы освобождаются от натужного драматизма: гвозди утратили гиперболизированный вид (стали просто гвоздями, не «заостренными» и не «огромными»). Последствия для их

² Кстати заметим, что публикация «Кареты» как самостоятельного текста представляется спорным решением. Возможно, точнее и последовательнее было бы печатать ее в разделе «Другие редакции и варианты» как ранний набросок фрагмента «Сумерек» (так, например, сделано в явно очень близком случае стихотворения «Над чем мы смеемся», в котором то, что публикуется как его «ранняя редакция», крайне отличается от «основного текста»).

жертвы также теряют трагическую окраску: словосочетание «заплатить увечьем», заменяется на глагол «наколосся». Изменен и образ потенциальной жертвы: исчез «усталый пешеход», а «мальчишка шалун» заменен просто «ребенком». Это объясняется, видимо, прежде всего содержанием главы, центральное место в которой занимают размышления о том, как нездоровая жизнь в городе нравственно калечит детей: образ кареты с гвоздями завершает этот разговор эффектной метафорой, символизирует раны, которые ребенку наносит Петербург. Из описания потенциальной травмы исчезло слово «впотьмах», однако глава, в которую включен данный фрагмент, озаглавлена «Сумерки», и поэтому темнота, скрывающая наличие гвоздей от желающего бесплатно прокатиться на запятках, подразумевается.

Важнейшее изменение, которое, на наш взгляд, и позволило дать образу новую жизнь, связано с владельцем кареты. В «Карете» виновником травмы, грозящей ребенку, был писатель, филантроп, «любящий народ», «хлопочущий о бедняках». В «Сумерках» его образ тоже присутствует: сразу после обрывающегося на словах «Жребий ваш...» монолога об участии городских детей, которая уже «ребенку известна», появляется рассуждение о писателях, «которые... рисовали любопытную жизнь бедняков» в «модной книге». Однако в качестве владельцев таких карет теперь выступают не они, а их читатели, которые читают «гуманные книжонки», проливая над ними «слезы рекой», и «сочувствуют горю людей».

Замена писателя на читателя избавляет эпизод от ощущения придуманности или случайности: для прогуливающегося и делающего уличные наблюдения человека намного естественнее предположить, что в карете с гвоздями ездит поклонник гуманной литературы, поскольку читателей не просто больше по определению, чем писателей, но их много именно у авторов-филантропов, которые пользуются особенной популярностью: «Мы довольно похвал рачотчали / И довольно сплели мы венков...». Виновником страданий «ближнего» оказывается читатель, в то время как вина (или беда) литератора заключается в том, что он не смог воспитать в своих читателях деятельной, а не абстрактной гуманности.

Увидеть на улице писателя-«филантропа», едущего в карете с гвоздями, — значит столкнуться с курьезной, анекдотической сценкой, не избавленной от, как тогда выражались, «личности» (чего Некрасову не удалось избежать в случае «Филантропа» [Гин 1971]). Увидеть читателя «гуманных книжонок» в такой же ситуации — значит столкнуться с чем-то распространенным, типическим. Некрасов, работая над образом кареты с гвоздями на запятках, идет от курьеза к фундаментальной общественной проблеме, требуя от

читателя узнать себя во владельце или пассажире опасного экипажа и перейти от «слез» над трогательной книжкой к деятельному добру в реальной жизни. Читатель же (сначала в лице Фета, а затем многочисленных разоблачителей Некрасова) предпочел сосредоточиться на анекдоте, а не на типическом факте, увидеть во владельце кареты не себя, а самого поэта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаркави А.М.* Композиция стихотворных циклов Н.А. Некрасова // Жанр и композиция литературного произведения. Вып. V. Калининград, 1980. С. 37–50.
2. *Гин М.М.* От факта к образу и сюжету. М., 1971.
3. *Корман Б.О.* Лирика Некрасова. Ижевск, 1978.
4. *Майорова Т.В.* Своеобразие циклических структур в поэтической системе Некрасова («На улице» и «Песни») // Н.А. Некрасов и его время. Сб. научных трудов. Вып. VII. Калининград, 1983. С. 11–22.
5. *Макеев М.С.* Опыт реконструкции утраченных помет Н.А. Некрасова // Могут ли тексты лгать? К проблеме работы с недостоверными источниками. Таллинн, 2014. С. 134–163.
6. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. стихотворений в 3 т. Т. 1. СПб., 2021.
7. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. стихотворений в 3 т. Т. 2. СПб., 2022.
8. *Успенский Ф.Б.* Работы о языке и поэтике Осипа Манделштама: Соподчиненность порыва и текста. М., 2014.
9. *Фет А.А.* Мои воспоминания. Ч. I. М., 1890.
10. *Чуковский К.И.* Поэт и палач // Чуковский К.И. Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926. С. 5–60.

REFERENCES

1. Garkavi A.M. *Kompozicija stihotvornih ciklov N.A. Nekrasova* [Composition of N.A. Nekrasov's Poetry Cycles]. In: Zhanr i kompozicija literaturnogo proizvedenija [Genre and Composition of a Literary Work]. Issue V. Kaliningrad, 1980. Pp. 37–50.
2. Gin M.M. *Ot fakta k obrazu i szuzhetu* [From Fact to Image and Plot]. Moscow, 1971.
3. Korman B.O. *Lirika Nekrasova* [Nekrasov's Lyrics]. Izhevsk, 1978.
4. Mayorova T.V. *Svoeobrazie ciklicheskih struktur v pojeticheskoj sisteme Nekrasova («Na ulice» i «Pesni»)* [Specifics of Cyclic Structures in Nekrasov's Poetic System ("On the Street" and "Songs")]. In: N.A. Nekrasov i ego vremja. Sb. nauchnyh trudov. Vyp. VII. [N.A. Nekrasov and His Time. Collection of Papers].
5. Makeev M.S. *Opyt rekonstrukcii utrachennyh pomet N.A. Nekrasova* [An attempt to Reconstruct N.A. Nekrasov's Lost Sidenotes]. In: Mogut li teksty lgat'? K probleme raboty s nedostovernymi istochnikami. [Do Texts Tell Lies? On the Problem of Working with Unreliable Sources]. Tallinn, 2014. P. 134–163.
6. Nekrasov N.A. *Poln. sobr. stihotvorenij v 3 t.* [Complete collection of poems in 3 vol.] Vol. 1. St. Petersburg, 2021.
7. Nekrasov N.A. *Poln. sobr. stihotvorenij v 3 t.* [Complete collection of poems in 3 vol.] Vol. 2. St. Petersburg, 2022.
8. Uspensky F.B. *Raboty o jazyke i pojetike Osipa Mandel'shtama: Sopodchinennost' poryva i teksta.* [Works on the language and poetics of Osip Mandelstam: Subordination of impulse and text]. Moscow, 2014.
9. Foeth A.A. *Moi vospominanija.* Ch. I. [My memories. Part. I]. Moscow, 1890.

10. Chukovsky K.I. *Pojet i palach* [Poet and executioner]. In: Chukovsky K.I. Nekrasov. *Stat'i i materialy* [Nekrasov. Articles and materials]. Leningrad, 1926. P. 5–60.

Поступила в редакцию 01.06.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 20.01.2026

Received 01.06.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 20.01.2026

ОБ АВТОРАХ

Чжан Юйтин — аспирант кафедры истории русской литературы МГУ имени М.В. Ломоносова; yuting.mikhail@gmail.com

Михаил Сергеевич Makeev — д.ф.н., профессор кафедры истории русской литературы МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук; mmakeev@icloud.com

ABOUT THE AUTHORS

Zhang Yuting — postgraduate student at the Department of History of Russian Literature at Lomonosov Moscow State University; yuting.mikhail@gmail.com

Mikhail S. Makeev — Doctor of Philology, Professor of the Department of History of Russian Literature at the Moscow State University, Leading Researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; mmakeev@icloud.com

ОБРАЗ РОГНЕДЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДРАМАТУРГОВ XVIII ВЕКА

А.В. Семенова

*Казахстанский филиал Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, Астана, Республика Казахстан;
anastasia_semenova@list.ru*

Аннотация: В статье предпринято сопоставление трагедий «Владимир и Ярополк» Я.Б. Княжнина, «Владимир Великий» Ф.П. Ключарева и «Идолопоклонники, или Горислава» М.М. Хераскова с целью выявить особенности авторской интерпретации образа полоцкой княжны Рогнеды и исторических свидетельств о ней. В преданиях о Рогнеде и текстах произведений персонаж обнаруживает схожие черты — гордость, верность долгу перед усопшими родными, страдания, порожденные противоречием обиды и любви. Гордый нрав полоцкой княжны становится причиной многих бед: Владимир, уязвленный резким отказом девушки, губит ее семью, разрушает родной город и берет ее в жены силой. Авторы трагедий вслед за историками обходят политические мотивы Владимира, перенося акцент на чувства князя — страсть и самолюбие. Горечь нанесенных обид обуславливает чувство долга перед усопшими родственниками и жажду мести — этот мотив прослеживается в исторических источниках и трагедиях — и толкает Рогнеду на преступление — подстрекательство к убийству Ярополка (у Княжнина) либо покушение на жизнь Владимира (у Ключарева и Хераскова). Вместе с тем Рогнеда глубоко несчастна, не находит успокоения в мести, а неприязнь к обидчику вступает в противоречие с любовью к нему же — Ярополку (изменил Рогнеде, но любим ею) и отчасти Владимиру (его княжна презирает, но готова стать женой и попробовать полюбить) у Княжнина и Владимиру (любимому мужу, но виновнику смерти родителей и братьев, опять же неверному) — у Хераскова. Сделан вывод о том, что исторический прототип героини определяет ее образ в трагедиях о Владимире и Рогнеде: полоцкая княжна является в схожих ипостасях — жертвы, мстительницы, преступницы и несчастной женщины.

Ключевые слова: Рогнеда; Владимир; трагедия; Ключарев; Княжнин; Херасков

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-11

Для цитирования: Семенова А.В. Образ Рогнеды в интерпретации драматургов XVIII века // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 142–150.

THE IMAGE OF ROGNEDA IN THE INTERPRETATION OF THE 18th-CENTURY PLAYWRIGHTS

Anastasia V. Semenova

Kazakhstan branch of Lomonosov Moscow State University, Astana, Republic of Kazakhstan; anastasia_semenova@list.ru

Abstract: The article compares the tragedies “Vladimir and Yaropolk” by Ya.B. Knyazhnin, “Vladimir the Great” by F.P. Klyucharev and “Idolaters, or Gorislava” by M.M. Kheraskov in order to reveal the peculiarities of author’s interpretation of the image of Polotsk princess Rogneda and historical evidence about her. In the legends about Rogneda and in the texts of the works the character reveals similar features — pride, loyalty to duty to the deceased relatives, suffering caused by the contradiction of resentment and love. The proud temper of the Polotsk princess becomes the cause of many troubles: Vladimir, hurt by the maiden’s sharp refusal, ruins her family, destroys her hometown and takes her as his wife by force. The authors of tragedies, following the historians, bypass Vladimir’s political motives, transferring the emphasis on the prince’s feelings — passion and self-love. The bitterness of the offenses inflicted causes a sense of duty to deceased relatives and a thirst for revenge — this motif is traced in historical sources and tragedies — and pushes Rogneda to a crime: incitement to the murder of Yaropolk (in Knyazhnin’s case) or an attempt on Vladimir’s life (in Klyucharev’s and Kheraskov’s cases). At the same time, Rogneda is deeply unhappy and finds no solace in revenge, and her dislike for her offender clashes with her love for him — Yaropolk (who cheated on Rogneda but is loved by her) and partly Vladimir (whom the princess despises but is ready to become a wife and try to love) in Knyazhnin’s and Vladimir (her beloved husband but guilty of the death of her parents and brothers, again unfaithful) in Kheraskov’s. It is concluded that the historical prototype of the heroine determines her image in the tragedies about Vladimir and Rogneda: the Polotsk princess appears in similar hypostases — victim, avenger, criminal and unhappy woman.

Keywords: Rogneda; Vladimir; tragedy; Klyucharev; Knyazhnin; Kheraskov

For citation: Semenova A.V. (2026) The Image of Rogneda in the Interpretation of the 18th-Century Playwrights. *Lomonosov Philology Journal. Series 9.* no. 1, pp. 142–150.

Полоцкая княжна Рогнеда, или Горислава, — один из наиболее ярких и противоречивых женских характеров, упоминаемых в древнерусских хрониках и более поздних исторических сочинениях. Рогнеда отвечает требованиям к классицистическому трагическому персонажу: в ее судьбе были потеря близких родственников, навязанный брак, любовь и измены, преступление, угроза казни, изгнание... Рогнеда является действующим лицом трагедий «Владимир и Ярополк» Я.Б. Княжнина (1772, опубл. 1787), «Владимир Великий» Ф.П. Ключарева (1779) и «Идолопоклонники, или Горислава» (1782) М.М. Хераскова. Сопоставление текстов позволяет выявить особен-

ности интерпретации образа Рогнеды в близких по времени создания произведениях и установить, насколько персонаж в изображении драматургов походит на летописный прототип.

Исторические аспекты трагедий о Владимире и Рогнеде, в частности проблема трактовки образа и поступков полоцкой княжны, мало изучены. Драматическим произведениям Княжнина, в том числе «Владимиру и Ярополку», уделено внимание в диссертации Е.Н. Куницыной [Куницына 2004] и некоторых статьях, например В.В. Ткаченко [Ткаченко 2020: 112–121] и Е.А. Прокофьевой [Прокофьева 2019: 23–32]. Трагедии Ключарева и Хераскова практически не становились предметом глубокого исследования, произведения кратко охарактеризованы в работах, посвященных драматургии XVIII века либо творческому наследию авторов — таковы диссертация Л.М. Пастушенко [Пастушенко 1974] и статья А.В. Западова [Западов 1961: 5–56] о Хераскове, «Драматический словарь...» [Драматический словарь 1787] и «История русской драматургии. XVII — первая половина XIX века» [Стенник 1982: 58–99]. Специальное сравнение трагедий Княжнина, Ключарева и Хераскова, насколько нам известно, ранее не предпринималось.

В трагедии Княжнина рассказана история вражды братьев Владимира и Ярополка, приведшей к гибели последнего. Летописное предание (записи в «Повести временных лет даны под 980 годом») [Повесть временных лет 1767: 60–64] в драматическом произведении тесно переплетается с его литературным источником — «Андромахой» Расина. По замечанию Л.И. Кулаковой, «Княжнин сочетает сюжет расиновой “Андромахи” с летописным рассказом об убийстве князем Владимиром Святославичем брата Ярополка. Большинство сцен следует в порядке, намеченном Расином, многие явления переведены, Клеомена напоминает Андромаху, Рогнеда целиком повторяет Гермиону, Ярополк — Пирра, Владимир — Ореста...» [Кулакова 1947: 241]. Ключарев и Херасков обращаются к иному событию — покушению на Владимира княжны Рогнеды и ее последующему наказанию (соответствующие записи в исторических сочинениях относятся к 987–988 годам) [Ломоносов 1766: 105–106; Щербатов 1770: 257–258].

«Владимир Великий» и «Идолопоклонники...» обнаруживают заметное сходство: общий сюжет, почерпнутый из истории, аналогичное развитие событий, подобные персонажи, пересечение ключевых мотивов указывают на то, что Херасков, создавая трагедию вслед за Ключаревым, предлагал свою интерпретацию того же исторического эпизода. В отсутствие достаточных сведений о некоем литературном соревновании авторов отметим, что Ключарев и Херасков были членами московской масонской ложи, входили в одно

литературное общество, оба близко общались с Н.И. Новиковым, так что знакомство поэтов и интерес к творчеству друг друга были более чем вероятны. Напротив, Княжнин к московскому литературно-просветительскому кругу не принадлежал, его трагедия имеет конкретный литературный образец, связь с произведениями Ключарева и Хераскова обусловлена большей или меньшей опорой на летописные свидетельства о Владимире и Рогнеде и собственно самими героями.

Согласно свидетельствам исторических источников, полоцкая княжна отличалась непростым нравом — гордая, своенравная, амбициозная высокородная девица презрительно отвергла предложение Владимира, желая стать киевской княгиней, и отец прислушался ко мнению дочери: «И посла к Рогволду, Полоцкому князю, глаголя сице: хочу пояти дщерь твою женою себе. Он же рече дщери своей: хочещи ли за Володимера? Она же рече: не хочу розувати робичича; но за Ярополка хочу» [Повесть временных лет 1767: 6; Татищев 1773: 55–57; Киевский синопсис 1836: 44; Щербатов 1770: 241 и др.]. Высокомерие Рогнеды определило ее печальную судьбу: уязвленный Владимир разрушил Полоцк, погубил княжескую семью, лишь осиротевшую, теперь уже беззащитную Рогнеду взял в жены силой. Полоцкая княжна стала жертвой страсти, самолюбия и политических исканий Владимира, этот момент прослеживается в источниках и переходит на страницы трагедий о Владимире и Рогнеде. Развитие событий у Княжнина не соответствует истории, однако автор отмечает, что Рогнеда ненавидит Владимира за причиненные беды, и сам князь это понимает (Рогнеда, правда, помимо Владимира, винит еще и Ярополка):

Как, обгавленному ее дражайшей кровью,
Предстать мне ей и чем то сердце преклонить,
Которое я так свирепо мог разить?
Вот право: я ее породы истребитель!
Вот титло: я всего отечества губитель!
Влекомый фурией, а не любви рукой,
Любезной достигал кровавою рекой [Княжнин 1787: 106–107].

У Хераскова Владимир также признает, что исковеркал жизнь Рогнеды и счастье в браке с ней недостижимо:

Я скипетр приобрел и трон рукой кровавой;
Тогда именовал Рогнеду Гориславой,
Дабы жених ее, отец, и злополучный рок,
Рогнеды с именем твердиться ей не мог,
Я трон с ней разделил, но все то безуспешно,
Рогнеда под венцем рыдала безутешно... [Херасков 1786: 228–229]

Между тем как у Хераскова, так и у Ключарева Владимир перекладывает ответственность за лишения Рогнеды на нее саму, и если Владимир Хераскова обвиняет жену в унынии, охладившей его любовь, то князь в трагедии Ключарева прямо говорит, что гордыня полоцкой княжны стала причиной его поступков:

Тобою сродники, тобою твой престол,
От ярости моей низверглись в смертный дом...
Се гордости плоды! но что теперь творишь?
Потщись свое ты мне усердие явити... [Ключарев 1787: 87]

Обида Рогнеды порождает месть — этот мотив обозначен в исторических сочинениях и становится одним из ключевых в трагедиях Княжнина, Ключарева и Хераскова, соответственно, мстительность — общая черта Рогнеды в произведениях. Согласно источнику, «сия Рогнеда, проименованная в супружестве Гориславой, по причине претерпевших ею несчастий, памятуя всегда, как была обругана во время пленения своего, убиение отца, матери и братьев, разорение своего отечества, и по сосланию ее на Лыбедь, подозревая и противу себя ненависть Владимирову, помышляла отмщение себе учинить...» [Щербатов 1770: 257]. Рогнеда во всех трагедиях припоминает Владимиру свои обиды, как и ее исторический прототип:

Не ты ль мою лил кровь свирепую рукою?
Не ты ли и отца и братьев растерзал?
Не тем ли к моему ты сердцу путь сыскал?
Тиран! лишь только я тебя воображаю,
От страха трепещу, от горести стоною [Княжнин 1787: 147–148].

У Ключарева находим почти то же, но со слов Владимира:

Смерть сродников своих отмщати ныне мыслит;
Супруга нежного своим злодеем числит... [Ключарев 1787: 86]

У Хераскова Горислава не видит для себя иного пути, кроме как вновь стать прежней Рогнедой и отомстить обидчику:

Отмщение мое всходяще до небес,
Есть мой всечасный стон и токи горьких слез... [Херасков 1786: 235].

Княжнинская Рогнеда, несмотря на плачевное положение, по-прежнему горда и к тому же обозлена, что, конечно, связано с ее литературным прообразом, но вместе с тем и на летописный прототип девушка вполне походит. Она мстит Владимиру разве что своей ненавистью, утрату близких оттесняет на второй план поруганное Ярополком достоинство княжны, отчего именно на старшего брата Владимира направлен гнев Рогнеды. У Хераскова и Ключарева находим Рогнеду более «позднюю» (с момента разрушения Полоцка проходит порядка восьми лет), принявшую свою участь,

полюбившую Владимира вопреки обстоятельствам их союза, но не мирящуюся с унижением и сохранившую остатки гордости. Необходимость вредить мужу во имя справедливости и долга перед погибшими родственниками причиняет Рогнеде боль.

Однако месть все же толкает Рогнеду на преступление. В трагедии Княжнина она подстрекает Владимира к убийству Ярополка и готова сама нанести роковой удар, что не имеет отношения к истории — в данном случае перелagается сюжет Расиновой «Андромахи». Напротив, Ключарев и Херасков обращаются к упомянутому в источниках покушению Рогнеды и довольно точно воспроизводят событие. В сочинении Щербатова находим такой фрагмент: «И как некогда Владимир пришед к ней заснул, тогда она мня найти к намерению своему удобное время, взяв нож, хотела его зарезать; но пробудившийся в самое то время Владимир рукою смертоносное оружие отвратил» [Щербатов 1770: 257–258]. У Хераскова Горислава намеревается, но не решается нанести удар, хотя Владимиру для обвинения достаточно кинжала в ее руке. У Ключарева Рогнеда пытается убить мужа — безуспешно. Княжнинская Рогнеда вполне решительна, ей не требуются дополнительные аргументы для совершения мести; героиню трагедий Ключарева и Хераскова стать преступницей побуждают антагонисты Владимира — Студ и Золиба, имеющие свои мотивы избавиться от князя.

Как в исторических источниках, так и в трагедиях XVIII века Рогнеда предстает несчастной женщиной, лишенной любви, переживающей тяжелый внутренний конфликт. Рогнеду Княжнина ради гречанки предает Ярополк, презираемый же Владимир после убийства брата несколько охладевает к Рогнеде. Та же участь постигает княгиню у Ключарева и Хераскова: страсть Владимира сменяется разочарованием в супруге (у Ключарева) или раздражением, а затем и гневом (у Хераскова). Саму Рогнеду гнетут противоречивые чувства: обида и унижение, жажда мести спорят с любовью, не оставляя в душе героини места для счастья и покоя. Княжнинская Рогнеда готова стать женой ненавистного Владимира; хочет смерти Ярополка, хотя не может справиться с любовью к нему; понимает, что мщение не будет в радость:

Я слышу, мне любовь, мне жалость вопиет:
Постой, свирепая! к чему ты приступаешь,
И радостей каких от мщения ты чаешь? [Княжнин 1787: 171]

У Ключарева и Хераскова Рогнеда страдает, оттого что Владимир, лишив ее семьи и родины, оставил и без любви:

Всечасно грудь мою жестока грусть томит,
Ни что уже меня надеждою не льстит.

Тогда лишь жизнь моя престанет быть несчастна,
Когда Владимира узрю мной паки страдна,
И будет варваркой своей прельщаться он,
Тогда в груди моей исчезнет тяжкий стон! [Ключарев 1787:
123–124]

Родителей, престол, граждан я позабыла,
Сильнейшая печаль печаль сию убила;
Коль плачу я о чем, так плачу я стена,
Что более уже не любишь ты меня... [Херасков 1786: 247]

Рогнеда в трагедиях XVIII века явлена в разные периоды жизни: во «Владимире и Ярополке» девушка пребывает в зависимом положении, но пока не вступила в брак с Владимиром и может ставить ему условия (снова оговорим, что об исторической достоверности речь не идет); у Ключарева и Хераскова Рогнеда-Горислава, будучи киевской княгиней, терпит пренебрежение супруга и опасается окончательно утратить его расположение после готовящегося союза с византийской принцессой. Ситуацию усугубляет попытка убийства Владимира, его гнев и едва не состоявшаяся казнь княгини, от которой ее спасает вмешательство малолетнего сына. Княжнин, очевидно, берет из исторических источников сведения о разорении Полоцка и мотив ненависти Рогнеды к Владимиру из-за убийства родных. Героиня, списанная с Расиновой Гермiony, одновременно походит и на исторический прототип гордой полоцкой княжны, презревшей Владимира. Ключарев и Херасков в полной мере опираются на свидетельства исторических источников, сравнительно вольно интерпретируют их, дополняют подробностями, «оживляют» события X века, создавая образ героини, воплощая в трагедиях перипетии ее жизни. Сюжеты произведений значительно выходят за рамки преданий о полоцкой княжне, однако в исторических источниках и рассматриваемых текстах Рогнеда явлена в схожих ипостасях — жертвы, мстительницы, преступницы и несчастной, нелюбимой женщины. Исторический прототип Рогнеды задает характер литературного персонажа; расходясь в деталях, авторы произведений совпадают в видении образа героини.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Драматический словарь, или Показания по алфавиту всех российских театральных сочинений и переводов, с означением имен известных сочинителей, переводчиков и слагателей музыки, которые когда были представлены на театрах, а где, и в которое время напечатаны. В пользу любящих театральныя представления. СПб., 1787.
2. Западов А.В. Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А.В. Западова. Л., 1961. С. 5–56.
3. Киевский синопсис. Киев, 1836.

4. *Ключарев Ф.П.* Владимир Великий // Российский Феатр, или Полное собрание всех российских театральных сочинений. Т. 6. СПб., 1787. С. 81–144.
5. *Княжнин Я.Б.* Владимир и Ярополк // Княжнин Я. Собрание сочинений. Т. II. СПб., 1787. С. 95–181.
6. *Кулакова Л.И.* Княжнин // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л., 1941–1956. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. 1947. С. 227–249.
7. *Куницына Е.Н.* Дискурс свободы в русской трагедии последней трети XVIII — начала XIX в. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.
8. *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история. Ч. 1–2. СПб, 1766. С. 105–106.
9. *Пастушенко Л.М.* Драматургия М.М. Хераскова. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974.
10. Повесть временных лет // Русская летопись по Никонову списку. Ч. 1. Предисл. Августа Шлецера. СПб., 1767.
11. *Прокофьева Е.А.* Мифопоэтика тираноборчества в исторической драматургии Я.Б. Княжнина // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. 2019. С. 23–32.
12. *Стенник Ю.В.* Драматургия русского классицизма. Трагедия // История русской драматургии. XVII — первая половина XIX века. Л., 1982. С. 58–99.
13. *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен. Т. 2. М., 1773.
14. *Ткаченко В.В.* «Как деяния должны были совершаться»: идея исправления истории в русской литературе XVIII в // Память и идентичность—II. Кто пишет историю: особенности формирования исторического нарратива. М., 2020. С. 112–121.
15. *Херасков М.М.* Идолополконники, или Горислава // Российский Феатр, или Полное собрание всех российских театральных сочинений. Т. 4. СПб., 1786. С. 223–303.
16. *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Т. 1–7. СПб, 1770–1791. Т. 1.

REFERENCES

1. *Dramaticcheskij slovar', ili Pokazaniya po alfavitu vseh rossijskikh teatral'nyh sochinenij i perevodov, s oznacheniem imen izvestnyh sochinitelej, perevodchikov i slagatelej muzyki, kotoryja kogda byli predstavleny na teatrah, a gde, i v kotoroe vremya napechatany. V pol'zu ljubjashhih teatral'nyja predstavlenija* [Dramatic dictionary, or an alphabetical account of all Russian theatrical works and translations, with the names of famous composers, translators and composers of music, when they were presented at the theaters, and where and at what time they were printed. For the benefit of those who love theatrical performances]. Saint Petersburg, 1787. 166 p. (In Russ.)
2. *Zapadov A.V. Tvorchestvo Heraskova* [Kheraskov' Work]. In: Kheraskov M.M. *Izbrannye proizvedeniya*. [Selected Works]. Leningrad, *Sovetskij pisatel Publ.*, 1961, pp. 5–56. (In Russ.)
3. *Kievskij sinopsis* [Kiev synopsis]. Kiev: *Tipografiya Kievopecherskoi Lavry*, 1836, 233 p. (In Russ.)
4. *Kljucharev F.P. Vladimir Velikij* [Vladimir the Great]. In: *Rossijskij Featr, ili Polnoe sobranie vseh rossijskikh teatral'nyh sochinenij*. Vol. 6. Saint Petersburg, 1787, pp. 81–144. (In Russ.)
5. *Knjazhnin Ja.B. Vladimir i Jaropolk*. In: *Knjazhnin Ja. Sobranie sochinenij*. Vol. II. Saint Petersburg, 1787, pp. 95–181. (In Russ.)

6. Kulakova L.I. *Knjazhnnin* [Knjazhnnin]. In: Istorija ruskoj literatury: 10 vols. Vol. IV: Literatura XVIII veka. Part 2. Moscow, Leningrad, *Academy of Sciences Publ.*, 1947, pp. 227–249. (In Russ.)
7. Kunicyna E.N. *Diskurs svobody v ruskoj tragedii poslednej treći XVIII – nachala XIX v. Dis. ... kand. filol. nauk* [Discourse of freedom in Russian tragedy of the last third of the XVIII-beginning of the XIX c. Dissertation. ... Candidate of Philology]. Ekaterinburg, 2004. 153 p. (In Russ.)
8. Lomonosov M.V. *Drevnjaja Rossijskaja istorija* [The Ancient Russian History]. Parts 1–2. Saint Petersburg, 1766. 140 p. (In Russ.)
9. Pastushenko L.M. *Dramaturgija M.M. Kheraskova* [M.M. Kheraskov' Dramaturgy]. Dis. ... kand. filol. nauk. [Dissertation. ... Candidate in Philology]. Leningrad, 1974. 118 p. (In Russ.)
10. *Povest' vremennyh let* [The Tale of Bygone years]. *Russkaja letopis' po Nikonovu spisku*. Ch. 1. Saint Petersburg, *Imperatorskaja Akademija nauk Publ.*, 1767. 198 p. (In Russ.)
11. Prokof'eva E.A. *Mifopojetika tiranoborčestva v istoričeskoj dramaturgii Ja.B. Knjazhnnina* [Mythopoeitics of tyrannicide in the historical dramaturgy of Ya.B. Knyazhnnin]. In: Problemy izučeniija ruskoj literatury XVIII veka. 2019, pp. 23–32. (In Russ.)
12. Stennik Ju.V. *Dramaturgija russkogo klassicizma. Tragedija*. [Dramaturgy of Russian Classicism. Tragedy] In: Istorija ruskoj dramaturgii. XVII — pervaja polovina XIX veka [History of Russian Dramaturgy. XVII — the first half of the XIX century]. Leningrad, *Nauka Publ.*, 1982, pp. 58–99. (In Russ.)
13. Tatišhev V.N. *Istorija rossijskaja s samyh drevnejših vremen* [Russian History from the Most Ancient Times]. Vol. 2. Moscow, 1773. 536 p. (In Russ.)
14. Tkachenko V.V. «Kak dejanija dolzhny byli sovschat'sja»: ideja ispravlenija istorii v ruskoj literaturе XVIII v. [“How Deeds Should Have Been Done”: The Idea of Correcting History in Russian Literature of the 18th Century]. In: Pamjat' i identičnost'—II. Kto pišet istoriju: osobennosti formirovanija istoričeskogo narrativa. Moscow, 2020, pp. 112–121. (In Russ.)
15. Heraskov M.M. *Idolopolkonniki, ili Gorislava* [Idolaters, or Gorislava]. *Rossijskij Featr, ili Polnoe sobranie vseh rossijskih teatral'nyh sočinenij*. Vol. 4. Saint Petersburg, *Imp. Akad. Nauk Publ.*, 1786, pp. 223–303. (In Russ.)
16. Shherbatov M.M. *Istoriia Rossijskaia ot drevnejših vremen: [v 7 t.]* [A Russian History from the Old Time: in 7 vols.]. Vol. 1. Saint Petersburg, *Imperial Academy of Sciences Publ.*, 1770. 325 (398) p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 05.07.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 22.01.2026

Received 05.07.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 22.01.2026

ОБ АВТОРЕ

Анастасия Владимировна Семенова — к.ф.н., доцент кафедры филологии, Казахстанский филиал МГУ имени М.В. Ломоносова; anastasia_semenova@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anastasia V. Semenova — PhD, Associate Professor, Department of Philology, Kazakhstan branch of Lomonosov Moscow State University; anastasia_semenova@list.ru

РОМАН Г.Н. ПОТАНИНА «СТАРОЕ СТАРИТСЯ, МОЛОДОЕ РАСТЕТ» КАК BILDUNGSROMAN

З.В. Гусева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; zoia.guseva.2000@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена анализу романа малоизвестного сегодня писателя-шестидесятника Г.Н. Потанина «Старое старится, молодое растет» как Bildungsroman(a). Произведение рассматривается в контексте традиции русского романа воспитания и сопоставляется с образцовыми примерами этого жанра — «Рыцарем нашего времени» Н.М. Карамзина, «Обломовым» И.А. Гончарова и др. Ряд сюжетных совпадений и текстуальных параллелей между романами «Старое старится, молодое растет» и «Обломов», а также некоторые факты биографии Потанина позволяют предполагать, что в своем творчестве писатель испытывал особое влияние со стороны Гончарова. Хотя замысел Потанина не был воплощен до конца и роман остался незавершенным, в произведении тем не менее воспроизводится классическая схема романа воспитания и реализуются его основные топосы: главный герой переживает процесс нравственного становления; путем совершения ошибок, преодоления жизненных испытаний, столкновения с самыми разными людьми он двигается от идиллически изображаемого детства в сторону взрослой жизни. Несмотря на многочисленные черты, связывающие произведение с жанровой традицией, роман «Старое старится, молодое растет» уникален: если другие русские Bildungsroman(ы) создавались дворянами, о дворянах и для дворян, то главным героем романа Потанина оказывается крепостной мальчик (крепостным был в детстве и сам автор), в силу чего на первый план в произведении выдвигается социальная проблематика. «Старое старится, молодое растет» сочетает в себе, таким образом, черты романа воспитания, романа из крестьянского быта и художественно оформленных воспоминаний автора.

Ключевые слова: русская литература XIX века; Г.Н. Потанин; Н.М. Карамзин; Н.А. Некрасов; И.А. Гончаров; роман воспитания; идиллия

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-12

Для цитирования: Гусева З.В. Роман Г.Н. Потанина «Старое старится, молодое растет» как Bildungsroman // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 151–161.

G.N. POTANIN'S NOVEL *THE OLD GETS OLDER, THE YOUNG GROWS UP AS A BILDUNGSROMAN*

Zoia V. Guseva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; zoya.guseva.2000@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the novel *The Old Gets Older, the Young Grows up* by G.N. Potanin, a little-known sixties writer, as a Bildungsroman. The work is considered in the context of the tradition of the Russian novel of education and compared with exemplary works of this genre — *The Knight of Our Time* by N.M. Karamzin, *Oblomov* by I.A. Goncharov and others. A number of plot coincidences and textual parallels between the novels *The Old Grows Old, the Young Grows up* and *Oblomov*, as well as some facts of Potanin's biography, suggest that in his work the writer was particularly influenced by Goncharov. Although Potanin's idea was not realized to the end and the novel remained unfinished, the work nevertheless reproduces the classical scheme of Bildungsroman and realizes its main topoi: the protagonist experiences the process of moral formation, by making mistakes, overcoming life's trials, and encountering a variety of people he moves from idyllic childhood to adulthood. Despite the numerous features that link the work to the genre tradition, the novel *The Old Grows Old, the Young Grows up* is unique: while other Russian Bildungsromans were created by the nobility, about the nobility and for the nobility, the protagonist of Potanin's novel is a serf boy (the author himself was a serf in his childhood), and therefore social issues are brought to the forefront of the work. *The Old Gets Older, the Young Grows up* combines, thus, the features of a novel of education, a novel of peasant life and artistically shaped memories of the author.

Keywords: Russian literature of the 19th century; G.N. Potanin; N.M. Karamzin; N.A. Nekrasov; I.A. Goncharov; Bildungsroman; idyll

For citation: Guseva Z.V. (2026) G.N. Potanin's Novel *The Old Gets Old, the Young Grows up* as a Bildungsroman. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 151–161.

Писатель-шестидесятник Гавриил Никитич Потанин (1823–1910) не вошел в литературный канон и известен сегодня только узкому кругу исследователей. Между тем, его роман «Старое старится, молодое растет» представляет уникальный для русской литературы случай Bildungsroman(a), где главным героем оказывается крестьянин. Как известно, русская классическая литература создается в массе своей писателями-дворянами (идея романа воспитания — и воспитания вообще — тоже кажется очень «дворянской»). Описать крестьянское сознание пытались многие авторы, однако, как показывает А.В. Вдовин, их попытки привели лишь к признанию инаковости крестьян, непрозрачности их мышления и сознания [Вдовин 2024: 13]. Убедительность в изображении быта и взглядов

крестьян, внутреннего мира дворового мальчика Васи Подпалкина в романе Г.Н. Потанина не в последнюю очередь обусловлена происхождением автора: сам Потанин в детстве был крепостным, и его роман «Старое старится, молодое растет» во многом автобиографичен¹.

Лично знавший писателя И.П. Ювачев в некрологе Потанина приводит следующую выдержку из разговора с ним: «Мое “Старое старится”, — говорит сам Потанин, — это семейные записки, в которых почти все — эпизоды моей собственной жизни» [Ювачев 1911: 519]. Очевидный, прямо заявляемый романистом автобиографизм произведения в жанровом отношении сближает «Старое старится, молодое растет» с воспоминаниями в духе С.Т. Аксакова². В то же время полностью отождествлять роман Потанина с мемуарами было бы неверно: между автором и Васей Подпалкиным на протяжении всего произведения сохраняется дистанция, о чем говорят и повествование от третьего лица, и неполное совпадение жизненных событий Потанина и его героя, и, как нам кажется, сознательная ориентация автора на существующие литературные образцы. Это последнее обстоятельство подводит нас к мысли об отсутствии непреодолимой разницы между жанрами воспоминаний и романа воспитания, поскольку любая попытка рефлексии, в частности, осмысления своего опыта взросления, так или иначе актуализирует паттерны, предлагаемые обществом, литературой, искусством: как убедительно показывает Е.А. Краснощекова, для середины XIX в. модели романа воспитания — это доминирующие модели понимания того, каким образом и откуда появляются взрослые характеры [Краснощекова 2008: 11–12]. Художественно оформленные воспоминания о детстве и юности, таким образом, не могут быть полностью свободны от тех способов осмысления взросления, которые характерны для романа воспитания — хотя бы в силу общности предмета изображения такого рода текстов. «Старое старится, молодое растет» соединяет в себе черты разных литературных жанров, однако со всей очевидностью тяготеет к Bildungsroman(y), что мы и пытаемся показать в настоящей статье.

Интерес к простому человеку в 1861 г., когда роман Потанина печатается на страницах «Современника», кажется закономерным — как замечает Вдовин, к 1850-м гг. (именно в это время Потанин начинает работать над романом) «образы крестьян <...> становятся

¹ О детстве Г.Н. Потанина см.: [Макеев 2001: 35–37].

² Это, прежде всего, вторая и третья части автобиографической трилогии: «Детские годы Багрова-внука» и «Воспоминания». Жанровая природа этих произведений тоже, впрочем, неоднозначна — подробнее об этом см., например: [Гинзбург 1979: 11–12; Машинский 1960: 142–143].

предметом интенсивного культурного потребления российских элит в доселе невиданных объемах» [Вдовин 2024: 30]. При этом до 1861 г. в русской литературе выходит всего четыре по-настоящему крестьянских романа («Рыбаки» и «Переселенцы» Д.В. Григоровича, «Крестьянка» А.А. Потехина, «Беглянка» С.Т. Славутинского) [Вдовин 2024: 9], и говорить об устоявшейся традиции еще не приходится. Мы попытаемся картографировать роман Потанина и определить его место в традиции русского романа воспитания.

Роман «Старое старится, молодое растет», судя по всему, должен был целиком представить историю взросления героя, однако осуществить задуманное в полной мере автору не удастся. В письме к Н.А. Добролюбову от 23 июня 1860 г. Некрасов писал о Потанине и его романе: «Он его писал десять лет и еще не кончил» [Некрасов 1999: 136]. О том, что авторский замысел воплотился не до конца, позволяет судить и сам текст произведения. Для читателей «Современника» роман заканчивается трогательной сценой прощания главного героя, крепостного мальчика Васи, и его подруги, барышни Лиденьки, которой предстоит уехать из имения отца. Изобразив эту картину, автор-повествователь заявляет читателю: герои еще встретятся, но «когда это будет и при каких обстоятельствах — вот этого-то я теперь тебе и не скажу. Хочешь ты, так читай — дочитаешься» [Потанин 1861: № 4, 495]. Этот же прием авторского провидения применяется и в других местах романа, чтобы указать на непростую дальнейшую судьбу героя: «Вся нравственная жизнь моего будущего человека, основанная на грязи, заблуждении и пороке, будет та же грязь, заблуждение, порок и гибель, если не спасут его от них высшие силы!» [Потанин 1861: № 3, 42] В 1864–1865 гг. в журнале «Русское слово» выходят «Эпизоды из романа» Потанина — отдельные главы, продолжающие роман «Старое старится, молодое растет». Прежнее линейное повествование в какой-то момент прерывается, на первый план выходят новые герои. История взросления Васи Подпалкина развивается в этих главах стремительно, но доходит лишь до отрочества героя (А.Ф. Макеев пишет о рукописном продолжении произведения Потанина [Макеев 1968: 211–212], однако в настоящей статье мы будем опираться только на опубликованные материалы). Архитектура Bildungsroman(a) подразумевает изображение и результатов воспитания, в конечном итоге представляя характер взрослого человека как результат формирующего воздействия семьи, школы, детских переживаний и приключений. В этом отношении роман Потанина, конечно, неполон: читатель так и не узнает, каким человеком станет Вася Подпалкин. Однако эта неполнота, по нашему убеждению, случайна, не связана с замыслом писателя и обусловлена лишь преждевременным прекращением работы. Несмотря на не-

завершенность произведения, в его написанной части реализуются основные топосы Bildungsroman(a): идиллически изображаемое детство, значимые жизненные испытания, воспитание чувств.

Традиционное для романа воспитания описание рождения героя сопровождается у Потанина также привычным для жанра предсказанием ребенку судьбы: бабушка-повитуха Сампсониха, забирая у матери младенца, «напророчила, что он будет счастливец, потому что родился в сорочке» [Потанин 1861: № 1, 13] (ср. с подобной сценой в «Рыцаре нашего времени» Н.М. Карамзина [Карамзин 1964: 756]). Вася семнадцатый ребенок своих родителей — и первый выживший. Вся первая глава посвящена тому, как «прошеное и моленое дитятку Васеньку» [Потанин 1861: № 1, 18] любят и холят все вокруг.

Детство Васи до определенного момента изображается идиллически, его мир — «маленький чудный мирок», в котором герой живет «безгрешно и свято» [Потанин 1861: № 1, 37]. Картины детства Васи во многом рифмуются с жизнью в Обломовке³ — «благословенном уголке», где проходят ранние годы героя романа И.А. Гончарова. Равнодушие идиллии к социальным проблемам делает возможным само это сопоставление: перед нами не барчонок и крепостной мальчик, а равные друг другу дети природы. В романе Гончарова природа предстает «одомашненной», лишенной масштаба⁴: достаточно заметить, что небо, в романтической традиции представлявшееся как нечто несущее в себе высокие религиозные и философские смыслы, уподобляется в описании Обломовки «родительской надежной кровле». Потанин следует за идиллической традицией еще дальше, отсылая к теории «естественного» человека Ж.-Ж. Руссо: «...и вот Вася не сердится уже на то, что его отогнали от себя мама с тятей. И этим чудным забвением ребенок как будто хочет сказать нам: “я чистый младенец; у меня есть другая нежная мама, она меня никогда не обидит и не отгонит, эта ласковая мама моя — мать природа”» [Потанин 1861: № 1, 38].

В укладе детской жизни Илюши Обломова и Васи Подпалкина⁵ действительно немало общего: оба они окружены любовью и заботой

³ Необходимо заметить, что сближение Г.Н. Потанина с И.А. Гончаровым не ограничивается параллелями в литературном творчестве. Оба писателя были родом из Симбирска; в середине 1840-х гг. Потанин давал уроки русского языка племянникам Гончарова и неоднократно встречал автора «Обломова» в их доме. См., например: [Ювачев 1911: 516–517].

⁴ Подробнее об этом см.: [Краснощекова 2008: 190–191].

⁵ Заметим, что оба героя имеют говорящие фамилии. О символическом смысле фамилии Обломов см.: [Тирген 1990: 23–24; Мельник 1985: 21]. Говорящие фамилии в романе Потанина имеют прежде всего социальный смысл: крепостной мальчик оказывается Подпалкиным, помещики — Любоедовыми и Длинногубовыми.

близких, по вечерам слушают сказки деревенских старух о мертвцах и оборотнях, стремятся выйти за пределы домашнего мира и впервые садятся за книгу со слезами. В описаниях того, как мальчики пытаются познакомиться с «большим миром», переключек особенно много. Так, например, их детская любознательность в какой-то момент начинает граничить с жестокостью. В романе Гончарова читаем: Илюша «поймает стрекозу, оторвет ей крылья и смотрит, что из нее будет, или проткнет сквозь нее соломинку и следит, как она летает с этим прибавлением» [Гончаров 1998: 113]; подобное описание встречаем и у Потанина: «...вместо того, чтоб любоваться милой и пестрой бабочкой, Вася уже изобретал средства, как бы поймать эту милую бабочку и потом, наигравшись ею, оборвать ее прелестные крылышки и растерзать это маленькое существо» [Потанин 1861: № 1, 44].

И Гончаров, и Потанин опираются на идеи русских писателей 1840-х гг., большое внимание уделяя проблеме социальной детерминированности. Краснощекова пишет: «“Сон Обломова” повествует об образовании “человека идиллии” из обычного нормального ребенка» [Краснощекова 2008: 189]. Путь Васи в этом отношении более традиционен для Bildungsroman(a): для него идиллия заканчивается еще в детстве. Природа остается для Васи матерью, но окружающий мир быстро теряет свою пасторальность. С первых строк второй главы романа проблематизируется крепостное положение героя: «Но что такое пятилетний ребенок у таких родителей, как наши чем-то вечно занятые крепостные люди? <...> Безошибочно можно сказать, что вся его физическая жизнь заключается в пяти только словах: есть, пить, спать и играть, а пятого нельзя уже и сказать» [Потанин 1861: № 1, 38].

Ключевая для Bildungsroman(a) проблема становления и изменчивости всего живого заявлена уже в названии произведения. Название-пословицу из опасения сложностей с цензурой дает роману Некрасов взамен авторского заглавия «Крепостное право». В романе Потанина эта пословица, бывшая в большом ходу в XIX — перв. пол. XX вв., повторяется несколько раз. Примеры ее употребления можно найти в произведениях многих писателей этого периода (Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов и др.), однако кажется интересным, что пассаж о скоротечности человеческой жизни, заканчивающийся этой пословицей, встречается и в «Обломове»:

— Вот жизнь-то человеческая! — поучительно произнес Илья Иванович. — Один умирает, другой рождается, третий женится, а мы вот все стареемся <...> !.. Грустно, как подумаешь...

— Старый старится, а молодой растет! — сонным голосом кто-то сказал из угла. [Гончаров 1998: 129]

Мысль Ильи Ивановича не нова, ответ-пословица это лишь подтверждает. Однако беря во внимание другие сближения между двумя романами, мы предполагаем, что эта текстуальная параллель может указывать на желание Потанина вступить в творческий диалог с Гончаровым. Работая над своим первым романом, Потанин сознательно ориентируется на традицию Bildungsroman(a) и воспринимает «Обломова» как ее образцовый текст. Прямую отсылку к произведению Гончарова мы встречаем, наконец, в «Уездном училище» Потанина — продолжении романа «Старое старится, молодое растет»: один из уездных учителей спрашивает другого, читал ли тот новый роман Гончарова «Обломов». «Читать-то я читал, — отвечает Федор Иваныч по-обломовски, да он мне как-то не совсем по нутру, больно уж того...» [Потанин 1865: № 3, 29].

Важной для обоих писателей оказывается фигура ментора, обязательная для романа воспитания. Так, в «Обломове» большое значение имеют образ отца Штольца — учителя и «этюды воспитания» Илюши и Андрея; идея наставничества лежит в основе любовной интриги Обломова и Ольги. Для Потанина вопросы воспитания и преподавания обладали глубоким личным смыслом: он с юности занимался преподаванием, часть его наследия составляют труды по педагогике. Решающее значение фигура наставника имеет и для романа «Старое старится, молодое растет»: неслучайно первое его название — «Учитель». История о том, как маленький Вася получал образование, представляет сюжетный остов произведения. Справедливым для него оказывается замечание Краснощековой о Bildungsroman(e): «Рядом с главным персонажем все другие — второго ряда. <...> значимость каждого определяется степенью его влияния на главного героя» [Краснощекова 2008: 28].

Первые влияния на Васю его близкого круга просты и естественны: матери мальчик обязан своими ранними убеждениями, старуха Ионовна развивает воображение Васи сказками, пытается привить ребенку наивную народную религиозность. Немного повзрослев, Вася сходится с отцом, связь между ними оказывается глубокой и сильной, но дать сыну «нравственную жизнь» отец не может. Родители Васи не раз задумываются о том, нужно ли мальчику учиться. Они воспринимают учение и как нечто возвышающее (отец настойчиво повторяет, что ученье — свет, а неученье — тьма и что «за ученого двух неученых дают» [Потанин 1861: № 1, 47]), и как что-то вроде наказания: судьба Васи решается после очередной его провинности, когда мать говорит отцу: «Засади ты его, головореза, учиться» [Потанин 1861: № 1, 91].

Первые учителя Васи представляют разные вариации типа лже-учителя, заставляя читателя вспомнить фонвизинского учителя

словесности Кутейкина и гувернера пушкинского Петруши Гринева француза Бопре. Автор создает целую галерею (приказчик, портной, башмачник, дьякон, сапожник) образов невежественных учителей, чье учение — «убийственная мертвечина». Одним из важных наставников становится для Васи его петербургский дядя, напоминающий одновременно учителя Вральмана из драмы Фонвизина и гоголевского Хлестакова — новое учение состоит «из пустяков и вздору, по образцу петербургскому» [Потанин 1861: № 2, 446], но Вася полюбил его, любя дядю. Несмотря на то, что занятия с учителями зачастую бесполезны и даже вредны, со временем Васе удастся полюбить учение. Своего настоящего Учителя мальчик находит не в училище и не на платных уроках — им становится девочка Лидия, младшая дочь Васиного барина.

Само присутствие Лидии в Васиной детской жизни развивает в герое доброту, чуткость и способность к состраданию. В раннем детстве девочка болеет «собачьей болезнью» (рахитом), и Вася глубоко переживает за нее и сердечно хочет «вылечить больнушку» [Потанин 1861: № 3, 59]. На фоне физической слабости девочки отчетливее видны ее нравственная сила, душевное благородство и ум. Лидия становится для Васи другом и заступником, помогает мальчику в учебе, читает ему вслух Пушкина и Крылова. Встреча с первым на его пути «живым существом», Лиденькой, меняет жизнь Васи к лучшему — в свою очередь, он старается во всем угодить барышне, заслужить ее добрый взгляд и очень радуется, когда узнает, что достанется ей в приданое. Хотя первое чувство героев не успевает перерасти в любовь и остается ее «первым вздохом», в образе Лиденьки соединяются черты идеализированного образа возлюбленной, характерного для романа воспитания. В конце романа не реализовавшаяся любовная линия героев все же упирается в разницу их социальных положений: «Сквозь самого близкого и братского обхождения его с нею [Лиденькой — З.Г.], видно было, что Вася чего-то опасался, — как будто того горького сознания, что она для него чужая» [Потанин 1861: № 4, 486]. Так или иначе, под влиянием Лиденьки Вася взрослеет, учится чувствовать и любить.

Несмотря на то, что модели и образцы дворянских романов воспитания очень сильны и Потанин во многом на них опирается, в его произведении на первый план выходит социальная проблематика. Автор постоянно напоминает читателю, что его герой — крепостной крестьянин, его происхождение и условия жизни не позволяют ему углубляться в рефлексию, он не склонен к мечтательности и меланхолии, как многие герои этого жанра. В то время как персонажи других *Bildungsroman*(ов) заняты «поиском осмысленного существования в обществе, поиском авторитетных ценностей» [Hirsch 1979:

297], главной задачей Васи на пути к нравственному становлению оказывается преодоление социального разрыва между ним и «благородными» людьми.

Как и всякий герой Bildungsroman(a), Вася проходит через ряд жизненных испытаний, инициаций, которые ведут его к взрослению. Резким скачком в истории взросления героя становится его первое настоящее несчастье — смерть отца (ситуация смерти близкого человека/ретроспективное сообщение о ней часто служат отправной точкой сюжета Bildungsroman(a): ср. «Рыцарь нашего времени» Н.М. Карамзина, «Нечочка Незванова» Ф.М. Достоевского). Жизнь мальчика превращается в слезы матери и вздохи старух; Васю начинают воспринимать как сироту — что делает его одновременно объектом для жалости добрых людей и легкой жертвой для обидчиков.

В то же время смерть верного слуги заставляет барина исполнить давно данное обещание — Вася получает вольную. Перед героем открываются новые перспективы: он выпускается из училища и готовится к поступлению в гимназию, после окончания которой ему прочат университет — а там, как рассказывает Васина мать старухам, «чиновником может быть и шпагу будет носить!» [Потанин 1865: 168] Будущее мальчика рисуется особенно ярко на контрасте с судьбой его крепостных брата и матери: в последнем из «эпизодов» Вася становится свидетелем того, как по приказанию пьяного барина бьют его мать. Остросоциальное, эмоциональное окончание последней из напечатанных глав позволяет предположить, что продолжение романа должно было стать более радикальным.

Итак, в центре романа «Старое старится, молодое растет» — история становления крепостного мальчика Васи Подпалкина. В произведении реализуется классическая схема присущего дворянской культуре Bildungsroman(a) (основные элементы которого — описания детства, взаимодействие героя с учителями, прохождение жизненных испытаний, первое чувство любви) — при этом роман ярко социально окрашен и поднимает знакомые автору проблемы крестьянской жизни. Роман Потанина, таким образом, сочетает в себе черты Bildungsroman(a), формирующегося в середине XIX в. романа из крестьянского быта и художественно оформленных мемуаров и действительно является уникальным для русской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вдовин А.В.* Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. М, 2024.
2. *Гинзбург Л.Я.* О литературном герое. Л., 1979.
3. *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1998. Т. 4.

4. Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2 т. Л., 1964. Т. 1.
5. Краснощечкова Е.А. Роман воспитания. Bildungsroman на русской почве: Карамзин, Пушкин, Гончаров, Толстой, Достоевский. СПб., 2008.
6. Makeev A.F. Из воспоминаний Г.Н. Потанина // Живая старина. 2001. № 3. С. 35–37.
7. Makeev A.F. Изображение крестьянства в романе Г.Н. Потанина «Крепостное право» // Ученые записки Ульяновского гос. пед. ин-та. 1968. Т. 20. В. 1. С. 208–222.
8. Машинский С.И. О мемуарно-автобиографическом жанре // Вопросы литературы. 1960. № 6. С. 142–143.
9. Мельник В. Реализм И.А. Гончарова. Владивосток, 1985.
10. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 1999. Т. 12. Кн. 1.
11. Потанин Г.Н. Старое старится, молодое растет // Современник. 1861. № 1. С. 13–118. № 2. С. 411–522. № 3. С. 41–138. № 4. С. 383–498.
12. Потанин Г.Н. Уездное училище // Русское слово. 1865. № 3. С. 1–52.
13. Потанин Г.Н. Эпизоды из романа «Старое старится, молодое растет» // Русское слово. 1865. № 4.
14. Турген П. Обломов как человек-обломок (к постановке проблемы «Гончаров и Шиллер») // Русская литература. 1990. № 3. С. 23–24.
15. Ювачев И.П. Гавриил Никитич Потанин // Исторический вестник. 1911. № 5. С. 516–517.
16. Hirsch M. Novel of Formation as Genre: Between Great Expectations and Lost Illusions // Genre Norman. V. 12. № 3. New-York, 1979. P. 293–311.

REFERENCES

1. Vdovin A.V. *Zagadka naroda-sfinksa. Rasskazy o krest'ianakh i ikh sotsiokul'turnye funktsii v Rossiiskoi imperii do otmeny krepostnogo prava* [Riddle of the Sphinx-like People. Narratives about peasants and their sociocultural functions in the Russian Empire before the abolition of serfdom]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2024, 560 p. (In Russ.)
2. Ginzburg L.Ya. *O literaturnom geroe* [About the Literary Hero]. Leningrad, *Sovetskii pisatel' Publ.*, 1979, 221 p. (In Russ.)
3. Goncharov I.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 20 t.* [Complete collection of works and letters: in 20 vols.]. St. Petersburg, *Nauka Publ.*, 1998, vol. 4. 492 p. (In Russ.)
4. Karamzin N.M. *Izbrannye sochineniia: V 2 t.* [Selected Works: in 2 vols.]. Leningrad, *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1964, vol. 1, 810 p. (In Russ.)
5. Krasnoshchekova E.A. *Roman vospitaniia. Bildungsroman na russkoi pochve: Karamzin, Pushkin, Goncharov, Tolstoi, Dostoevskii* [A novel of education. Bildungsroman on Russian soil: Karamzin, Pushkin, Goncharov, Tolstoy, Dostoevsky]. St. Petersburg, *Pushkin Foundation Publ.*, 2008, 480 p. (In Russ.)
6. Makeev A.F. Iz vospominanii G.N. Potanina [From the memoirs of G.N. Potanin]. *Zhivaia starina*, 2001, № 3, pp. 35–37. (In Russ.)
7. Makeev A.F. Izobrazhenie krest'ianstva v romane G.N. Potanina «Krepostnoe pravo» [Portrayal of the peasantry in G.N. Potanin's novel "Serfdom"]. *Uchenye zapiski Ul'ianovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, 1968, vol. 20 (1), pp. 208–222. (In Russ.)
8. Mashinskii S.I. O memuarno-avtobiograficheskom zhanre [About the memoir-autobiographical genre]. *Voprosy literatury*, 1960, vol. 6, pp. 142–143. (In Russ.)

9. Mel'nik V. *Realizm I. A. Goncharova* [Realism by I.A. Goncharov]. Vladivostok, Far Eastern Federal University Publ., 1985, 139 p. (In Russ.)
10. Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 15 t.* [Complete collection of works and letters: in 20 vols.]. St. Petersburg, *Nauka Publ.*, 1999, vol. 12, book 1, 506 p. (In Russ.)
11. Potanin G.N. Staroe staritsia, molodoe rastet [The old gets old, the young grows up]. *Sovremennik*, 1861, № 1, pp. 13–118. № 2, pp. 411–522. № 3, pp. 41–138. № 4, pp. 383–498. (In Russ.)
12. Potanin G.N. Uezdnoe uchilishche [County school]. *Russkoe slovo*, 1865, № 3, pp. 1–52. (In Russ.)
13. Potanin G.N. Epizody iz romana «Staroe staritsia, molodoe rastet» [Episodes from the novel “The old gets old, the young grows up”]. *Russkoe slovo*, 1865, № 4, pp. 143–174. (In Russ.)
14. Tirgen P. Oblomov kak chelovek-oblomok (k postanovke problemy «Goncharov i Shiller») [Oblomov as a man like shatter (to the problem statement “Goncharov and Schiller”)]. *Russkaia literatura*, 1990, № 3, pp. 18–33. (In Russ.)
15. Iuvachev I.P. Gavriil Nikitich Potanin [Gavriil Nikitich Potanin]. *Istoricheskii vestnik*, 1911, № 5, pp. 515–526. (In Russ.)
16. Hirsch Marianne. Novel of Formation as Genre: Between Great Expectations and Lost Illusions. *Genre Norman*, 1979, vol. 12, № 3, pp. 293–31.

Поступила в редакцию 26.01.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 19.01.2026

Received 26.01.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 19.01.2026

ОБ АВТОРЕ

Зоя Вячеславовна Гусева — аспирант, кафедра истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
zoia.guseva.2000@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Zoia V. Guseva — Graduate Student, Department of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; zoia.guseva.2000@mail.ru

ОБЭРИУТЫ В КРУГУ МИХАИЛА КУЗМИНА (СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ)

А.С. Пахомова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия;
aleks.pakhomova@gmail.com*

Аннотация: С середины 1920-х гг. будущие обэриуты — А.И. Введенский, Д. Хармс, К.К. Вагинов — сблизались с кругом поэта, прозаика и драматурга М.А. Кузмина и к концу десятилетия стали постоянными посетителями его дома. Тема «Кузмин и обэриуты» достаточно разработана, однако в многочисленных исследованиях фокус смещается на прагматику сближения с известным писателем самих чинарей, для которых контакты с Кузминым были способом общения с мэтром, а также на поиски творческого влияния старшего поэта на младших. Объектом настоящего исследования становится сообщество, которое складывалось вокруг Кузмина с 1924 по 1929 гг.; для его выделения и описания используется сетевой анализ, проведенный на основе дневника Кузмина, и визуализация данных в виде графов. Такой подход позволяет получить относительно точные данные и проследить траекторию вхождения молодых поэтов в круг Кузмина и динамику их отношений в этом кругу. Перенесение акцента с творческого влияния на социальные контакты проблематизирует сам феномен литературного круга и делает правомерным вопрос о той общности, которая сложилась в доме Кузмина в 1920-е гг. и стала одним из истоков ленинградской неофициальной литературы второй половины XX в. Полученные данные также выявляют закономерности и параллельное развитие разных тенденций: от кластеризации литературного сообщества в середине 1920-х гг. до писательской стратегии Кузмина, приведшей его к созданию сборника «Форель разбивает лед».

Ключевые слова: М.А. Кузмин; А.И. Введенский; Д. Хармс; К.К. Вагинов; сетевой анализ; визуализация данных; графы; сообщество

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 24-28-01583 «Записные книжки и дневники Даниила Хармса: текстология, научный комментарий, издание» (<https://rscf.ru/project/24-28-01583/>).

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-13

Для цитирования: Пахомова А.С. Обэриуты в кругу Михаила Кузмина (сетевой анализ) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 162–177.

OBERIUTS IN MIKHAIL KUZMIN'S CIRCLE (NETWORK ANALYSIS)

Aleksandra S. Pakhomova

*Higher School of Economics University, St.-Petersburg, Russia;
aleks.pakhomova@gmail.com*

Abstract: Beginning in the mid-1920s Aleksandr Vvedensky, Daniil Kharms, and Konstantin Vaginov became acquainted with the circle of the poet, writer, and playwright Mikhail Kuzmin, and by the close of this decade, they became regular visitors to his residence. The interactions between Kuzmin and the Oberiuts has been sufficiently developed; however, numerous studies have shifted the focus to the pragmatics of rapprochement with the famous writer by the *chinary* themselves. For young poets, Kuzmin was the maestro, and all of them sought his creative influence. Present study examines the community that developed around Kuzmin from 1924 to 1929. For identifying and describing this community network analysis based on Kuzmin's diary and data visualization in the form of graphs were employed. This methodological approach facilitates the tracing of the trajectory of the young poets' within Kuzmin's milieu and dynamics of their relationships. The transition from creative influence to social contacts provides re-approaching the nature of the literary circle and legitimacy of inquiries concerning the unique community that emerged in Kuzmin's residence in the 1920s. The data obtained also reveal patterns and trends from the clustering of the literary community in the mid-1920s to Kuzmin's writing strategy in *Trout Breaks the Ice*.

Keywords: Mikhail Kuzmin; Aleksandr Vvedensky; Daniil Harms; Konstantin Vaginov; network analysis; data visualization; graphs; community

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation Project No. 24-28-01583 "Daniil Kharms' Notebooks and Diaries: Textual Criticism, Scientific Commentary, Publication" (<https://rscf.ru/project/24-28-01583/>).

For citation: Pakhomova A.S. (2026). Oberiuts in Mikhail Kuzmin's Circle (Network Analysis). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 162–177.

В 1977 г. в Париже вышел альманах «Аполлонъ–77» — один из первых коллективных проектов советской неофициальной культуры. Миссия этого издания была определена так: «...этот (на выбор!) сборник, альманах, альбом, журнал вобрал наиболее значительных и ярких представителей русского авангарда за минувшие шестьдесят лет от Кузмина, Введенского и Вагинова (в данном случае я имею в виду только литературу) до самых новейших...» [Аполлонъ–77, 1977: 3]. Появление в одном ряду М.А. Кузмина, А.И. Введенского и К.К. Вагинова не выглядит случайным: о творческих и личных контактах Кузмина с молодыми поэтами было хорошо известно их

современникам и «литературным потомкам»¹. Не будет преувеличением сказать, что попадание Кузмина в «Аполлонъ–77» было вызвано в равной мере характером его творчества и той кружковой культурой, которую развивал писатель и которая смогла в конце 1920-х — начале 1930-х гг. объединить Д. Хармса, Введенского, Вагинова, ставших спустя десятилетия ключевыми фигурами ленинградского андеграунда.

«Кузминский круг» — это явление, границы, прагматика и феномен которого все еще не описаны в полной мере. В настоящей статье мы сосредоточимся на трех его представителях — Константине Вагинове, Александре Введенском и Данииле Хармсе, чтобы на их примере показать, как функционировал кузминский круг и какие траектории приводили в него авторов.

История отношений и творческие контакты Кузмина с Хармсом, Введенским и Вагиновым неоднократно проанализированы². Так описывает их А.А. Кобринский: «Дружеские отношения Введенского и Хармса с Кузминым, начавшиеся в 1925 году, продолжались довольно долго. Дневник Кузмина весьма часто упоминает об их визитах, а Хармс на протяжении нескольких лет записывает в свои записные книжки — очевидно, со слуха — понравившиеся ему стихи Кузмина» [Кобринский 2009: 47–48]. Н.А. Богомолов резюмировал динамику отношения Хармса к Кузмину: «взаимный интерес, потом обида на то, что Кузмину и Юркуну больше нравятся произведения Введенского, при общем одобрительном отношении к творчеству как того, так и другого, а уже к началу 1930-х годов — разочарование» [Богомолов 2010: 457].

Примечательно, что, несмотря на предпочтение, которое Кузмин отдавал произведениям Введенского³, и на факт его многолетней творческой и дружеской связи с Вагиновым, взаимоотношения с ними относительно мало изучены. Ю.М. Валиева упоминает общение Кузмина с Введенским, «которое не могло не сказаться на интересах молодого поэта» [Валиева 2007], однако развития эта гипотеза не получила. Наиболее разработанной в исследовательской литературе остается связь «Кузмин — Хармс». Л.Г. Панова, анализируя «Лапу» Хармса (1930), выделяет в ней обширный «кузминский слой» и отмечает: «Кузмин <...> по всей видимости воспринимался

¹ О феномене кузминского круга см.: [Пахомова 2024].

² Прежде всего стоит упомянуть одну из первых статей, посвященных этой теме [Cherop 1983], и обзорную работу [Устинов 2021]. О влиянии творчества Кузмина на обэриутов см.: [Богомолов, Малмстад 2013: 320]. Об отдельных фактах отношений Кузмина и Хармса см.: [Кобринский 2019].

³ См. неоднократно цитируемую запись Хармса от января 1927 года: «Странно, что со мной делается. По-моему Кузмин и Юркун ничего не понимают. Их похвала Введенс<кому>» [Хармс 2002: 129].

им [Хармсом] как “живой” авторитет. От него Хармс ожидал пропуска в русскую литературу. <...> По образу и подобию Хлебникова и Кузмина Хармс формировал свою писательскую личность» [Панова 2017: 384]. Творческий метод обэриутов и их отношение к литературе, по мнению исследователей, в свою очередь влияли на Кузмина, который с середины 1920-х гг., «подобно своим младшим современникам <...> начинает писать вещи, уже явно предназначенные для ящика письменного стола, а не для печати» [Богомолов, Малмстад 2013: 300].

Мы бы хотели рассмотреть тему «Кузмин и обэриуты» с другой стороны и перенести фокус внимания с творческих контактов на социальные. В наиболее распространенной модели литературной кооперации влияние авторитетного и известного поэта на начинающих авторов в основном не подлежит сомнению. Нередко сам факт социального контакта предстает как обязательство контакта творческого. Б. Уокер так описывает отношения наставничества, сложившиеся в культуре русского модернизма:

Идейный наставник обеспечивал своего подопечного как духовной, так и физической пищей, проявляя педагогическое внимание к его интеллектуальному, моральному и духовному состоянию, с одной стороны, и часто приглашая его на трапезы — с другой. Также предполагалось, что во многих отношениях ментор будет служить ему живым примером того, как жить, обучая его и словом, и делом [Уокер 2022: 98].

Фигура старшего наставника была связана не только с протекцией, но и с интеллектуальным и творческим воздействием на «младших», как это можно было наблюдать в группах, созданных вокруг ярких литературных фигур, — «Звучащей раковине» Н.С. Гумилева, «вечерах на Ждановке» Ф. Сологуба или одном из ранних объединений, собранных Кузминым, — «Марсельских матросах»⁴.

Однако идейные принципы, которыми на протяжении всей жизни руководствовался Кузмин, организуя вокруг себя литературную среду, были прямо противоположные: отказ от ученичества и отсутствие творческого диктата. Идеальный литературный союз для Кузмина предстал как круг друзей и единомышленников, а примером удачной среды называлась «атмосфера дружбы и любви» [Кузмин 2000: 316]. Вовлекая в свой круг молодых поэтов, прозаиков и критиков, Кузмин не ставил перед собой цель влиять на них и культивировать ученичество: для него, насколько можно об этом судить, был ценен сам факт совместного времяпрепровождения. Устраняя из анализа обязательный поиск творческого влияния (при этом не отказываясь от идеи такого влияния полностью), мы можем рас-

⁴ Подробнее о «матросах» см.: [Пахомова 2025: 124–142].

смотреть круг Кузмина как социальную среду, сообщество, все участники внутри которого преследовали разные цели.

Чтобы реконструировать эти цели, мы сосредоточимся на траекториях вхождения наших героев в кузминский круг. Весной 1922 г. в коммунальной квартире на Спасской улице (впоследствии — улице Рылеева), где жил Кузмин, впервые появился Вагинов; весной 1924 г. — А.И. Введенский, в конце 1925-го — Даниил Хармс. Сближение с Кузминым совпало для Вагинова, самого старшего из молодых поэтов, со взлетом его литературной карьеры. К началу 1922 г. он был автором поэтического сборника «Путешествие в хаос» (1921) и готовой к печати книги стихов «Петербургские ночи», участвовал во многих литературных объединениях Петрограда и был замечен критикой. Однако в это же время Вагинов начинает поворот к прозе, впоследствии изменивший его литературную стратегию. Осенью 1922 г. в первом выпуске «Абраксакса», альманаха кузминского объединения эмоционалистов, вышла проза Вагинова «Монастырь господ нашего Аполлона», а во втором — «Звезда Вифлеема». Вхождение Вагинова в объединение эмоционалистов осенью 1922 г., по видимому, следует считать скорее механической, чем органической кооперацией (прозу «Монастырь господ нашего Аполлона» автор планировал издать под маркой другой литературной группы — сообщества «Островитяне» [Вагинов 2012: 159–160]). Особенности ранней прозы Вагинова — ассоциативность, сочетание разных временных пластов, отсылки к классической мифологии и поиск языка для описания современности — были подготовлены в «Петербургских ночах» и наложились на искания Кузмина, который к началу 1920-х гг. повернул свой творческий курс в сходном направлении (см. например, его цикл «София. Гностические стихотворения (1917–1918)» или большое стихотворение «Лесенка», 1922)

Иная траектория вхождения в кузминский круг была у Введенского. Впервые Кузмин фиксирует его имя в своем дневнике в записи от 16 марта 1924 г., где Введенский назван «мистиком-футуристом» [Кузмин 2024: 216], а уже с мая младший поэт начинает посещать дом старшего едва ли не ежедневно. Сближение с Кузминым происходит на фоне попыток Введенского войти в литературные круги Ленинграда: 6 мая 1924 г. он заполняет анкету на вступление в Ленинградское отделение Всероссийского Союза поэтов, и к осени, заручившись поддержкой А.В. Туфанова, становится полноправным членом Союза⁵. 5 декабря 1925 г. Кузмин впервые записывает в свой дневник фамилию Хармса, к тому моменту уже знакомого с Введенским. Одно-

⁵ Подробное изложение этой истории см. в: [Кукушкина 2010: 544–548].

временно с визитами к Кузмину Хармс посещал собрания Всероссийского Союза поэтов и вступил в «Орден заумников DSO».

Можно проследить общую тенденцию: и Вагинов, и Введенский, и Хармс входят в кузминский круг в моменты поиска своего сообщества в изменившейся культурной среде. Выйдя из-под крыла «Звучащей раковины» и обладая небольшой литературной репутацией, Вагинов оказывается без покровителя и почти без доступа к печати — а сколь бы ни были ограничены возможности Кузмина, тому удалось издать три выпуска «Абраксаса», в каждом из которых Вагинов принял участие. Хармс и Введенский вовсе не имели наставника: на короткое время им мог называться Туфанов, однако к концу 1925 г. они приняли решение разорвать отношения с «Орденом заумников DSO» и создать собственное объединение «Левый фланг» [Кобринский 2009: 44–45]. В апреле 1926 г. Хармс и Введенский пишут письмо Б.Л. Пастернаку с просьбой оказать содействие в напечатании их произведений — нет сомнений, что такой ход был подсказан им Кузминым, приятелем Пастернака [Устинов 2021: 205–209]. Кузмин к моменту знакомства с Введенским и Хармсом уже мало мог дать своим протеже как самостоятельный агент литературного поля, но мог снабдить их чем-то гораздо более важным — связями.

Сообщества и социальные сети, которые выстраивал сам Кузмин и которые выстраивались вокруг него на протяжении всей жизни, многообразны. С момента вхождения в литературу в 1905 г. и до смерти в 1930-х Кузмин вращался в литературных, театральных, музыкальных, богемных кругах и прошел через знаковые объединения первой трети XX в.: от «Башни» Вяч. Иванова до круга издательства «Academia». Едва ли получится восстановить созданную Кузминым сеть знакомств, покрывающую литературный и артистический Петроград, однако можно приблизиться к ее пониманию, используя в качестве источника дневник писателя.

Дошедший до исследователей дневник Кузмина охватывает (с лакунами) период с 1905 до 1934 г., причем временной отрезок с 1920 по 1929 г. документирован наиболее подробно. Сколь бы ни была неоднозначна прагматика дневника⁶, есть информация, которую можно добыть из этого сложного источника: социальные контакты. На протяжении почти 30 лет Кузмин скрупулезно фиксировал всех, с кем пересекался (или планировал пересечься) в тот или иной день.

Мы представили сообщество, которое сложилось вокруг Кузмина в 1920-е гг., как сеть, используя сетевой анализ⁷. Количество

⁶ О прагматике кузминского Дневника и режимах его чтения см.: [Пахомова 2025: 429–462].

⁷ В качестве прецедента упомянем исследование, проведенное на похожем материале: [Орехов, Успенский, Файнберг 2018]. Выражаем искреннюю благодар-

и насыщенность записей позволяют нам реконструировать контакты Кузмина на рубеже 1920–1930-х гг., выделить ядро, обозначить динамику связей и выделить кластеры. Для подготовки данных мы вручную выбрали все контакты, которые Кузмин зафиксировал в своем дневнике: за факт контакта принималось любое упоминание реальной или косвенной (например, через полученное письмо) коммуникации. Каждый факт взаимодействия фиксировался как встреча; если взаимодействие объединяло нескольких людей, то отмечалась связь между ними. Следующим этапом обработки данных было ручное отделение встреч, которые происходили «вовне» — в официальных инстанциях, театрах, редакциях, на литературных вечерах, от «личных» встреч в доме Кузмина. Четкого критерия, который бы позволил разнести эти встречи, нет. Мы опирались на структуру записи, где время вечернего чая нередко выделено в отдельное предложение или обозначено рядом фраз («чай пил у нас», «у нас был», «приходил к нам»). При построении итоговой сети мы исключили из выборки Кузмина, Юрия Юркуна и Ольгу Гильдебрандт-Арбенину. Для обработки данных была использована программа *Gephi*.

Полученные результаты позволяют визуализировать сеть контактов, сложившуюся вокруг Кузмина в середине 1920-х гг.⁸ и выявить ряд тенденций⁹. В табл. 1 представлено количество контактов Кузмина как в пределах его дома (личные), так и за пределами (публичные). В качестве узла сети определялась одна персоналия, уточненная по именному указателю [Кузмин 2024].

Начиная с 1922 г. число персоналий в домашнем кругу Кузмина растет. В 1923 г. личный круг увеличивается почти в 3 раза по срав-

---

ность Б.В. Орехову за помощь в работе с цифровыми инструментами и содержательные консультации.

⁸ Дневник 1934 г. выстраивался Кузминым как художественный текст, по этой причине мы не учитываем его при анализе. Не сохранились дневники с записями с 24 июня 1929 по 13 сентября 1931 г.; утрачены дневники за 1932 и 1933 г. Также не был учтен дневник 1928 г., который сохранился хуже, чем другие записи Кузмина, и еще не расшифрован полностью.

⁹ Сочетание количественного анализа и субъективного материала, каким является Дневник, заставляет нас сделать ряд необходимых оговорок. Мы осознаем неполную объективность кузминских записей. Дневник не всегда велся регулярно; в него могли не попадать определенные встречи; порой Кузмин заполнял Дневник задним числом. В ряде случаев невозможно установить, имел ли место социальный контакт на самом деле; имена некоторых собеседников и знакомцев Кузмина сложно установить. В то же время определенный массив данных выделяется отчетливо и в проблемное поле выборки попадает не более десятой части выявленных персоналий. Дневник Кузмина — уникальный текст, фиксирующий состояние литературного поля Ленинграда 1920-х гг., и текста, равного по протяженности, наполненности и подробности, просто не существует. По совокупности этих причин мы считаем, что количественный анализ Дневника возможен, хотя сложившаяся картина не может претендовать на полноту.

нению с 1921 г., однако затем до 1927 года (и гипотетически до 1929-го) остается неизменным. В то же время сообщество «внешних» знакомцев на протяжении десятилетия увеличивалось. Оживление контактов можно связать с оформлением осенью 1922 г. объединения эмоционалистов, в которое вошли друзья Кузмина — А.Д. и С.Э. Радловы, Б.В. Папаригопуло, Вагинов и др. Однако эмоционалисты прекратили свое существование в 1923 г., и с этого времени Кузмин постепенно начал «уходить в тень». За пять лет, с 1924 по 1929 гг., в печали появилось лишь 10 его стихотворений. В эти годы начинается интенсивное сотрудничество Кузмина с «Вечерней Красной газетой», результатом чего стали несколько десятков критических статей. Вероятно, именно критической деятельностью Кузмина можно объяснить увеличение «внешних» контактов, в то время как в стабилизации внутреннего сообщества¹⁰ можно увидеть начало формирования той общности, которая войдет в историю литературы как «круг Михаила Кузмина».

Таблица 1

Динамика контактов в кругу Кузмина

Год	Личные встречи, количество узлов	Публичные встречи, количество узлов
1921	36	172
1922	72	215
1923	93	269
1924	78	284
1925	86	250
1926	75	306
1927	79	295
1929 ¹⁰	67	223
1931 ¹¹	30	132

Для измерения качества сети мы используем две метрики — «суммарная мощность», которая отражает общую силу и интенсивность связей (то есть количество связей) каждого узла, и «авторитетность», которая позволяет выявить узлы, обладающие большим количеством сильных связей. С момента своего появления в доме

¹⁰ Проведенный анализ позволил выделить «ядро» этого круга — 34 персоны, которые упоминаются с 1925 по 1931 г. (40% от общего количества персон в 1925, 45% — от общего количества персон в 1926 г.).

¹¹ Дневник за 1929 г. сохранился частично. Если предположить, что во второй половине года динамика общения не менялась, то полученные данные могут быть сопоставимы с 1927 г.

¹² Сохранились записи с 14 сентября по 31 декабря 1931 г.

Кузмина в 1924 г. и до 1927 г. Введенский попадает в выборку трех узлов с самыми высокими мощностью и авторитетом¹³, что значит не только его активную вовлеченность во внутреннюю коммуникацию в среде Кузмина, но и «качество» этой коммуникации: он общается с наиболее важными и заметными представителями среды. Старший поэт не только приветил младшего, но и приблизил его к себе. В записях разных лет он отмечает, что Введенский читал «отличную вещь» (12 июня 1924), «хорошие вещи» (26 февраля 1926¹⁴) или «превосходную штуку» (15 ноября 1928), и фиксирует факт совместного чтения дневника: «Я читал Введ<енскому> дневник и много беседовали о друзьях, знакомых, любви и т. п.» (26 февраля 1925). Вероятно, именно с этой близостью была связана высокая оценка Кузминым поэтических опытов Введенского, которую ревниво отметил Хармс и которую, по словам Дж. Шерона, запомнил И.В. Бахтерев: «Введенский — крупнейший поэт XX века, поэт такого же значения и масштаба, как Хлебников. Более того, по сравнению с Введенским Хлебников более засорен различными влияниями, — символисты и т. д.; Введенский же свободнее и чище. <...> Если убрать заглавия стихотворений Введенского и напечатать их непосредственно друг за другом, то они составят одну продолжающуюся целую вещь» [Cheron 1983: 93–94].

На протяжении всего критического пути Кузмина самостоятельность и отсутствие литературного «ученичества» были главными положительными характеристиками при оценке им поэтического творчества. В нескольких предисловиях, написанных Кузминым (к сборнику А. Ахматовой «Вечер», 1912, роману Ю. Юркуна «Шведские перчатки», 1914, книгам стихов М. Бамдаса «Предрассветный ветер», 1917, А. Радловой «Соты», 1918, О. Черемшановой «Склеп», 1925), подчеркивается приоритет уникального «голоса поэта» над усвоением поэтической культуры. Оценивая книгу Бамдаса, Кузмин замечает: «...книга его литературна лишь настолько, чтобы ее можно было назвать книгой. Почти minimum» [Кузмин 2000: 487]. Похожая мысль повторится в рецензии на «Склеп»: «При равных способностях человек с обостренным напором расширенных, углубленных и резко индивидуальных человеческих чувств и ощущений даст более заманчивые, хотя, может быть, менее определенные обещания, нежели обуреваемые

¹³ Приведем выборку трех узлов с самой высокой мощностью за 1924–1927 гг.: 1924 — Введенский, Раков, В.В. Дмитриев; 1925 — Введенский, Раков, П.И. Сторицын; 1926 — Раков, Введенский, Сторицын, 1927 — Раков, Введенский, М.А. Фроман. Аналогичная картина и у метрики «авторитетность»: 1924 — Раков, Введенский, Дмитриев; 1925 — Раков, Введенский, Сторицын; 1926 — Раков, Введенский, Сторицын; 1927 — Раков, Введенский, Д.И. Митрохин.

¹⁴ Дневниковые записи 1925–1927 гг. цит. по расшифровке, подготовленной к печати Н.А. Богомоловым и К.В. Яковлевой.

одним желанием написать литературное произведение без других, кроме этого желания, поводов к этому» [Там же: 489]. Кузмин обыкновенно симпатизировал творчеству своих друзей и в статье 1924 г. писал о программном неразличении литературных и личных контактов: «Упрек: “Ему нравится тот или другой артист, так как они друзья”, — предлагаю перелицевать: “Они друзья, так как тот-то артист ему нравится”. <...> От общения с живым человеком вы можете лучше понять его искусство» [Там же: 352]. Можно предположить, что Введенского Кузмин встраивал в ряд близких друзей и соотносил с Юрием Юркуном, Моисеем Бамдасом, Анатолием Фроловым и др.

Сохранившаяся оценка произведений Вагинова столь же благожелательная. В статье «Письмо в Пекин» (1922) Кузмин называет стихи и прозу Вагинова «значительными» [Кузмин 2000: 616], а годом позднее пишет о «на глазах развивающемся» даровании молодого писателя [Там же: 408]. 27 мая 1926 г. Кузмин записывает в Дневник: «Пришел Вагинов. Читал превосходную вещь, подбадривающую», а 16 октября — «Вагинов читал свой роман. Интересно». При этом упоминания Хармса немногочисленны: 16 мая 1927 г. Кузмин запишет, что тот «читал всё-таки мертвечину какую-то». В личной сети Кузмина Вагинов и особенно Хармс не играют значительной роли — с точки зрения «авторитетности» в списке близких контактов с 1924 по 1929 гг. Введенский занимает второе место, Вагинов — шестое, а Хармс — двадцать первое. Соотнесение динамики социальных связей и прослеживаемого творческого влияния показывает, что Введенский, наиболее интенсивно общавшийся с Кузминым, как будто вовсе не испытывает художественного воздействия старшего поэта, а в определенный период ориентирующийся на Кузмина Хармс занимает незначительное место в сети кузминских контактов. Это наблюдение позволяет проблематизировать идею творческого влияния и поставить вопрос о разных способах ученичества, которые выработали «чинари». Вагинов занимает сложное место в этой сети: его сближение с Кузминым, вероятно, не было в полной мере ни творческим, ни дружеским.

Попробуем задать вопрос, как обэриуты воспользовались теми связями, которыми их снабдил круг Кузмина? Метрика суммарной мощности позволяет выделить 10 наиболее частых посетителей кузминского круга в период с 1924 по 1929 гг.:

1. Раков Л. Л. (1904–1970)
2. Введенский А. И. (1904–1941)
3. Сторицын П. И. (1894 (по другим данным — 1877)–1941)
4. Дмитриев В. В. (1900–1948)
5. Митрохин Д. И. (1883–1973)
6. Вагинов К. К. (1899–1934)

7. Лившиц Б. К. (1886–1938)
8. Радлова А. Д. (1891–1949)
9. Папаригопуло Б. В. (1899–1951)
10. Егунов А. Н. (1895–1968)

С угасанием деятельности эмоционалистов круг Кузмина требовал обновления — именно появление в 1924 г. Введенского «пересобирает» среду Кузмина и «омолаживает» ее. На место знакомцев 1910-х гг. приходят молодые поэты, родившиеся на рубеже веков. Из контактов Кузмина дореволюционных лет в его кругу остаются единицы — например, художник Митрохин и поэт Лившиц. Подобная среда стимулирует творческую активность Кузмина. Постепенно теряя доступ к печати, он сосредотачивается на оригинальном творчестве, где сочетает общеевропейские новации (экспрессионизм, монтаж, абсурд) с отсылками к дореволюционной культуре, формируя художественное пространство, существующее вне официального литературного процесса.

В 1924 г. творчество Кузмина переживает очередной слом: сборник «Новый Гуль» можно считать прощанием со старой поэтикой и переходом к новой, более ассоциативной и герметичной. Дошедшие до нас последние поэтические опыты Кузмина вполне описываются фразой, которую запомнил Бахтерев: «Если убрать заглавия стихотворений Введенского и напечатать их непосредственно друг за другом, то они составят одну продолжающуюся целую вещь». К концу 1920-х гг. в поэзию Кузмина возвращается мышление циклами со сквозным сюжетом — одна из ярких черт его ранней поэтики. И книга стихов «Новый Гуль», и отдельные циклы в книге «Фореель разбивает лед» могут быть названы поэмами. Кроме того, Кузмин обращается к центральным образам своего дореволюционного творчества и к знаковым для русского модернизма событиям (самоубийство Всеволода Князева, гибель Николая Сапунова и др.). Подобное решение привлекает молодых авторов, которые ищут эстетику, альтернативную советской. Круг Кузмина мог рассматриваться будущими обэриутами как еще один центр культурной жизни Ленинграда, параллельный существующим (например, Союзу поэтов), но в то же время противостоящий им своей неиерархичностью, интимностью и ориентацией на иную культурную эпоху.

Подключив к нашему количественному анализу метрику модулярности, то есть выделения микросообществ, мы можем увидеть еще один процесс. На раннем этапе функционирования круга (рис. 1¹⁵) Введенский вращался в расширенном «личном» кругу, в который

---

¹⁵ На рис. 1 и 2 представлена часть сети; в каждом случае оставлены от 11 до 15 узлов с наибольшей суммарной мощностью.

также входили, например, художники Дмитриев и В.А. Милашевский (1893–1976). Однако, как показывают рис. 2 и 3, дальнейшего сближения с ними не происходит, — более того, из-под влияния последних выходит Вагинов, со временем все больше примыкая к обществу молодых людей. Динамика контактов внутри этого круга демонстрирует четкое выделение к 1927 г. кластера (рис. 3), в который объединяются близкие по возрасту Введенский, Вагинов, Хармс, Раков, а также поэт А.Д. Мейсельман (1900–1938) и Л.Л. Раков (который не писал стихи).

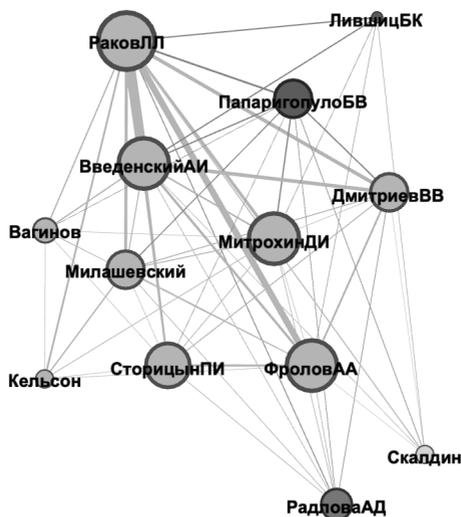

Рисунок 1. Динамика личных связей в кругу Кузмина, 1924 г.

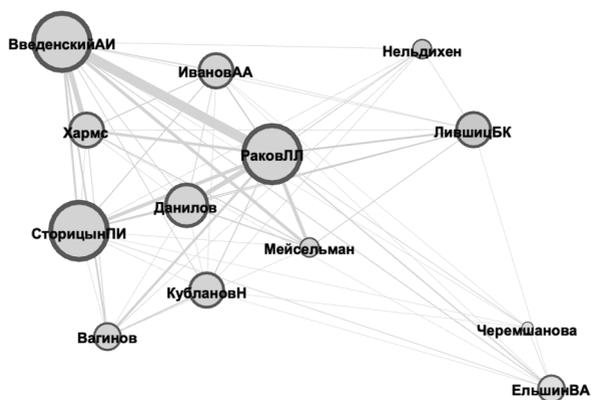

Рисунок 2. Динамика личных связей в кругу Кузмина, 1926 г.

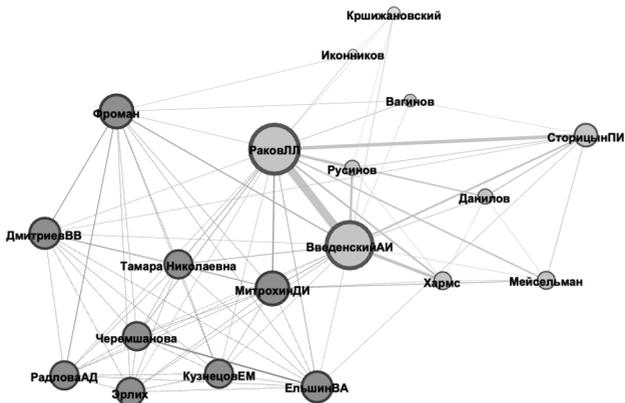

Рисунок 3. Динамика личных связей в кругу Кузмина, 1927 г.

Вагинов, с одной стороны, был связан с Кузминым еще со времен «Абракасов» и был идейно близок к более старшему поколению. С другой стороны, как мы уже отметили, его положение не было прочным: он не входил в ближайший интимный круг, как Введенский. У Вагинова был выбор, к какому поколению примкнуть, и он остановился на более младшем. 5 июля 1926 г. Кузмин отмечает в Дневнике: «Был Введенский <...> Водятся потихоньку с Хармсом, Вагиновым, пробивают себе дорогу». Через полтора года три поэта вместе выступают на вечере «Три левых часа».

Сетевой анализ и визуализация контактов в кругу Кузмина позволяет выявить связи между несколькими параллельными процессами. Во-первых, сгущение среды вокруг Кузмина происходит в момент его отхода от официального литературного процесса в середине 1920-х гг. И сам Кузмин, и молодые писатели, вхожие в его дом, выбирают в качестве стратегии возвращение к традициям и практикам дореволюционной литературы и ориентацию на них. Так постепенно формируется альтернативное культурное пространство внутри советского Ленинграда. Во-вторых, со временем в этом «неофициальном» пространстве возникают творческие кластеры, что свидетельствует о жизнеспособности такой среды и ее потенциальной плодотворности. Складывание микросообщества в составе Хармса, Введенского и Вагинова показывает, что круг старшего поэта был средой для оформления будущего дружеско-творческого объединения ОБЭРИУ, которое, как и круг «чинарей», во многом будет наследовать атмосфере кузминских домашних собраний. При этом молодая среда формировала свои сообщества и вырабатывала свою поэтику, не опираясь на творчество мэтра, но используя его связи

и культурные практики (домашние кружки). Сложившееся сообщество со временем стало литературным фактом — именно Кузмина редакторы одного из первых неподцензурных альманахов поместили в родоначальники неофициальной культуры, тем самым закрепив эту генеалогию.

Сетевой анализ и оценка кузминского круга прежде всего как социального явления позволяет увидеть механизмы, которые существуют за пределами (и поверх) творческих влияний: соприкосновение, обновление и подновление стратегии, кооперация влияют на литературный процесс, но делают это более тонко и порой неувидимо. Выявленные тенденции не оригинальны — сетевой анализ во многом позволяет придать им точную форму. Однако на его основе мы можем поставить вопрос о более масштабных процессах, происходящих в среде зарождающейся неофициальной культуры рубежа 1920–1930-х гг. Несомненно, что для Ленинграда тех лет две комнаты в коммунальной квартире на улице Рылеева были одним из немногих пространств, в которых существовала эстетика, практики и атмосфера, альтернативные доминирующим практикам публичной литературной среды тех лет. Траектории вхождения писателей в кузминское сообщество, контакты и их динамика позволяют нам приблизиться к пониманию одного из самых загадочных периодов в истории русской литературы XX в. — зарождению неофициальной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александр Введенский и Даниил Хармс в Ленинградском Союзе поэтов и Ленинградском Союзе писателей (По материалам архивов Пушкинского Дома) / Публ. Т. А. Кукушкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 543–588
2. Аполлонъ–77 / Под ред. М. Шемякина. Париж, 1977.
3. Богомолов Н.А. Из маргиналий к записным книжкам Хармса. 1. Хармс, Кузмин, Клюев // Богомолов Н.А. Вокруг «Серебряного века»: Статьи и материалы. М., 2010. С. 474–478.
4. Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э. Михаил Кузмин. М., 2013.
5. Вагинов К.К. Песня слов / Сост., подг. текста, вступ. ст. и примеч. А.Г. Герасимовой. М., 2012.
6. Валиева Ю.М. Игра в бессмыслицу: поэтический мир Александра Введенского. СПб., 2007.
7. Кобринский А.А. Даниил Хармс. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009.
8. Кобринский А.А. Об одном кузминском следе в записных книжках Даниила Хармса // Летняя школа по русской литературе. 2019. Т. 15. Вып. 1. С. 55–69.
9. Кузмин М. Проза и эссеистика: В 3 т. М., 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика / Сост., подгот. текста и коммент. Е. Г. Домогацкой, Е. А. Певак.
10. Кузмин М. Дневник 1917–1924: В 2 кн. / Под общ. ред. А. С. Пахомовой. СПб., 2024. Кн. 2.

11. Орехов Б. В., Успенский П. Ф., Файнберг В. В. Цифровые подходы к «Камер-фурьерскому журналу» В. Ф. Ходасевича // Русская литература. 2018. № 3. С. 19–53.
12. Панова Л. Мнимое сиротство: Хлебников и Хармс в контексте русского и европейского модернизма. М., 2017.
13. Пахомова А. С. Круг Михаила Кузмина и формирование неофициальной ленинградской литературы второй половины XX века // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 239–262.
14. Пахомова А. С. Непрошенный пришелец: Михаил Кузмин. От Серебряного века к неофициальной культуре. М., 2025.
15. Уокер Б. Максимилиан Волошин и русский литературный кружок: Культура и выживание в эпоху революции / Пер. с англ. И. Буровой. СПб., 2022.
16. Устинов А. Б. «Чинари» в дневниках Михаила Кузмина // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 200–252.
17. Хармс Д. ПСС. Записные книжки. Дневник / Сост. В. Сажин, Ж.-Ф. Жаккар; примеч. В. Сажина: В 2 кн. СПб., 2002. Кн. 1.
18. Cheron G. Mixail Kuzmin and the Oberiuty: An Overview // Wiener Slawistischer Almanach. 1983. Bd. 12. S. 87–105.

REFERENCES

1. Aleksandr Vvedenskij i Daniil Kharms v Leningradskom Sojuze pojetov i Leningradskom Sojuze pisatelej (Po materialam arhivov Pushkinskogo Doma) [Aleksandr Vvedensky and Daniil Kharms in the Leningrad Union of Poets and the Leningrad Union of Writers (Based on Materials from the Archives of the Pushkin House)], Publ. by T.A. Kukushkina, *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2007–2008 gody* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2007–2008]. St.-Petersburg, *Dmitry Bulanin Publ.*, 2010, pp. 543–588. (In Russ.)
2. *Apollon-77*, Ed. by M. Shemjakin. Paris, 1977. 386 p. (In Russ.)
3. Bogomolov N.A. Iz marginalij k zapisnym knizhkam Harmsa. 1. Harms, Kuzmin, Kljuev [From the marginalia to Harms's notebooks. 1. Kharms, Kuzmin, Klyuev] in // Bogomolov N.A. *Vokrug «Serebrjanogo veka»: Stat'i i materialy* [Around the “Silver Age”: Articles and materials]. Moscow, *NLO Publ.* 2010, pp. 474–478. (In Russ.)
4. Bogomolov N.A., Malmstad G.E. *Mikhail Kuzmin*. Moscow, *Molodaya Gvardija Publ.*, 2013. 400 p. (In Russ.)
5. Vaginov K.K. *Pesnja slov* [The Song of Words], ed. by A.G. Gerasimova. Moscow, *OGI Publ.*, 2012. 368 p. (In Russ.)
6. Valieva Ju.M. *Igra v bessmyslicu: pojeticheskij mir Aleksandra Vvedenskogo* [Game of Nonsense: the Poetic World of Alexander Vvedensky]. St.-Petersburg, *Dmitry Bulanin Publ.*, 2007. 279 p. (In Russ.)
7. Kobrinskij A.A. *Daniil Harms, 2nd ed.*, Moscow, *Molodaya Gvardija Publ.*, 2009. 544 p. (In Russ.)
8. Kobrinskij A.A. Ob odnom kuzminskom slede v zapisnyh knizhkah Daniila Harmsa [On One Kuzmin Trace in the Notebooks of Daniil Kharms]. *Letnjaja shkola po russoj literature* [Summer School on Russian Literature]. 2019. Vol. 15, iss. 1, pp. 55–69. (In Russ.)
9. Kuzmin M. *Proza i jesseistika: V 3 t.* [Prose and Essays, in 3 vols.], vol. 3. Moscow, *Graph Publ.*, 2000. 768 p. (In Russ.)
10. Kuzmin M. *Dnevnik 1917–1924: V 2 kn.* [Diary, 1917–1924, in 2 vols.], ed. by A.S. Pakhomova, vol. 2. St.-Petersburg, *Ivan Limbakh Publ.*, 2024. 512 p. (In Russ.)
11. Orekhov B.V., Uspenskij P.F., Fajnberg V.V. Cifrovye podhody k «Kamer-fur'erskomu zhurnalu» V. F. Hodasevicha [Digital Approaches to V. F. Khodasevich's *Camere-*

- Fourier Journal*]. *Russkaja literature* [Russian Literature]. 2018. Iss. 3, pp. 19–53. (In Russ.)
12. Panova L. *Mnimoe sirotstvo: Hlebnikov i Harms v kontekste ruskogo i evropejskogo modernizma* [Imaginary Orphanhood: Khlebnikov and Harms in the Context of Russian and European Modernism] Moscow, *HSE Publ.*, 2017. 608 p. (In Russ.)
  13. Pakhomova A.S. Krug Mihaila Kuzmina i formirovanie neoficial'noj leningradskoj literatury vtoroj poloviny XX veka [Mikhail Kuzmin's Circle and the Formation of Unofficial Leningrad Literature of the Second Half of the Twentieth Century]. *Literaturnyj fakt* [Literary Fact]. 2024. Vol. 2 (32), pp. 239–262. (In Russ.)
  14. Pakhomova A.S. *Neproshenyj prischelec: Mihail Kuzmin. Ot Serebrjanogo veka k neoficial'noj kul'ture* [Uninvited Alien: Mikhail Kuzmin. From the Silver Age to the Unofficial Culture]. Moscow, *NLO Publ.*, 2025. 576 p. (In Russ.)
  15. Uoker B. *Maksimilian Voloshin i russkij literaturnyj kruzhok: Kul'tura i vyzhivanie v jepohu revoljucii* [Maximilian Voloshin and the Russian Literary Circle: Culture and Survival in the Era of Revolution]. St.-Petresburg, Bibliorossica|Academic Studies Press Publ., 2022. 335 p. (In Russ.)
  16. Ustinov A.B. «Chinari» v dnevnikah Mihaila Kuzmina [*Chinari* in Mikhail Kuzmin's Diaries]. *Literaturnyj fakt* [Literary Fact]. 2021. Vol. 1 (19), pp. 200–252. (In Russ.)
  17. Harms D. *PSS. Zapisnye knizhki. Dnevnik: V 2 kn.* [Collected Works. Notebooks. Diary, in 2 vols.], ed. by V. Sazhin, Zh.-F. Zhakkar, vol. 1. St.-Petersburg, *Academic Project Publ.*, 2002. 480 p. (In Russ.)
  18. Cheron G. Mixail Kuzmin and the Oberiuty: An Overview, *Wiener Slawistischer Almanach*. 1983. Bd. 12. S. 87–105.

Поступила в редакцию 22.08.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 17.01.2026

Received 22.08.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 17.01.2026

ОБ АВТОРЕ

Александра Сергеевна Пахомова — PhD, старший преподаватель Департамента филологии Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств НИУ ВШЭ — Санкт-Петербур; aleks.pakhomova@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Aleksandra S. Pakhomova — PhD, Senior Teaching Fellow, Department of Philology, St.-Petersburg School of Arts and Humanities, Higher School of Economics University; aleks.pakhomova@gmail.com

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПУШКИНСКОГО МИФА В ПЬЕСЕ ЕЛЕНЫ ИСАЕВОЙ «ЛИЦЕЙ»

Син Вэй

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; xingwxw@163.com

Аннотация: В статье рассматривается реконструкция пушкинского мифа в пьесе Елены Исаевой «Лицей» (другое название «Девятый выпуск»). Вначале дан краткий обзор бытования пушкинского мифа на разных этапах литературного развития, а также проясняется его звучание в настоящее время. Неомиф нового времени, базируясь в какой-то мере на автомифе, а далее развиваемый культурным и общественным сознанием, включает в себя предшествующие элементы того, что было связано с ним, но осмысливается на сегодняшний момент сквозь призму видения личности писателя в том виде, как она сложилась на протяжении времени. Для выявления его специфики автор статьи использует термин «реконструкция», который позволяет соединить прежнее бытование мифа и внесение в него новых элементов. Поэтому разговор о реконструкции пушкинского мифа в означенной пьесе потребовал анализа трактовок, которые получал этот миф в более ранних произведениях писательницы Елены Исаевой (стихотворение «Лишние слезы», комедия «Спасибо, Пушкин!»). Выявление особенностей реконструкции осуществлено с помощью привлечения составляющих его мифологем, центральной из которых становится мифологема «лицейского братства» как особого явления, тесно связанного с формированием и закреплением пушкинского мифа (в его основе лежит понятие «честь»). Для выявления традиций в сфере поэтики автором статьи привлечена пьеса М.А. Булгакова «Александр Пушкин».

Ключевые слова: Елена Исаева; пьеса «Лицей»; реконструкция; пушкинский миф; мифологема лицейского братства; М.А. Булгаков

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-14

Для цитирования: Син Вэй. Реконструкция пушкинского мифа в пьесе Елены Исаевой «Лицей» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 178–188.

RECONSTRUCTION OF PUSHKIN'S MYTH IN ELENA ISAEVA'S PLAY *THE LYCEUM*

Xing Wei

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; xingwxw@163.com

Abstract: On the basis of the play *The Lyceum*, the article discusses the perception and adaptation of the traditional Pushkin's myth by the contemporary female theatre writer Elena Isayeva. Firstly, it analyses the tradition, inheritance and current directions of development of the Pushkin's myth in Russian literature, and secondly, proves the justification and necessity of the use of the term "reconstruction". The main auxiliary texts analyzed are poems of early writers on the theme of Pushkin "Unnecessary Tears", comedy *Thank You, Pushkin*, Bulgakov's play *Alexander Pushkin* which has been introduced for the purpose of comparing the traditions. The author aims to prove that in modern dramatic literature the representation of Pushkin's myth has diversified, and instead of focusing on the elements related to the poet in the previous two centuries, the focus has shifted to the "preciousness" of his spirituality, which has been elevated to the significance of Pushkin and his myth for the nation-state.

Keywords: Elena Isaeva; play *The Lyceum*; reconstruction; Pushkin myth; mythologeme of Lyceum brotherhood; M.A. Bulgakov

For citation: Xing Wei (2026). Reconstruction of Pushkin's Myth in Elena Isaeva's Play *The Lyceum*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 178–188.

«Там, где кончается документ, там я начинаю», — писал Тынников. Это положение расшифровал В.И. Новиков при анализе его последнего неоконченного романа «Пушкин»: «...еще одно напряженное соотношение присутствует в романе — соотношение документального факта и свободного творческого вымысла. Они настолько естественно дополняют друг друга, что граница между ними нередко неустановима — не только для массового читателя, но и для специалиста» [Новиков 1984: 12]. Размышляя об образе Пушкина, современный ученый пришел к выводу, что «пушкинская мифология строилась на протяжении двух веков, фундамент ее закладывал сам поэт при активном соучастии друзей, недругов, собратьев по музе и литературных противников» [Новиков 2007: 8].

Пьеса современного драматурга Елены Исаевой «Лицей» имеет еще другое название — «Девятый выпуск» и рассказывает о выпускниках 1838 года, окончивших Лицей через год после смерти Пушкина, когда это событие было еще животрепещущим. В том и другом названиях так или иначе обыгрывается мифологема «лицейской дружбы» и все, что связано с Лицеем как местом, определившим личность поэта. Лицейское братство — это круг друзей, окружавших

Пушкина в годы учебы. В него входили Дельвиг, Кюхельбекер, Корсаков, Яковлев, Илличевский. Вместе с Пушкиным их было шестеро. В пьесе Исаевой тоже шесть молодых героев. И это намеренное наложение. Хотя сюжетная канва не имеет аналогии в реальности, происходящее в пьесе воспринимается как дублирование дружбы поэтов-единомышленников во времена Пушкина. Текст пьесы заканчивается реальными биографическими очерками выпускников 1838 года. И действуют в пьесе реальные исторические личности, судьба которых сложилась различно. Вся же пьеса строится вокруг идеи возникновения пушкинского мифа, который начал формироваться еще при жизни поэта, но окреп в своем функционировании после его смерти.

Эпоха антропоцентризма потребовала создания «автомифов», которые в свою очередь становились «источником порождения новых мифов» [Виролайнен 1995: 333]. Миф о Пушкине всегда привлекал особое внимание деятелей искусства не только в связи с глубоким реальным влиянием гениального поэта на русскую литературу, но и потому, что стал неотъемлемой частью национальной мифологии, во многом покоящейся на литературоцентричности общественного сознания. Первоначально создание мифа связано со стихотворением «Смерть поэта» Лермонтова, однако впоследствии способы формирования мифологического образа поэта менялись в зависимости от различных культурно-социальных условий [Шеметова 2010]. Указанный этим филологом материал подсказывает, что пушкинский миф подобен зеркалу, отражающему духовное ядро самих создателей текстов о Пушкине.

Обращение к пушкинскому мифу в современной русской литературе происходит постоянно. Это рассказы Татьяны Толстой «Лимпопо», «Сюжет», роман А.Г. Битова «Ожидание обезьян» и его рассказ «Вычитание зайца», а также мн. др. Однако по сравнению с сакрализацией Пушкина в XIX веке (у Гоголя, Достоевского) и официальной трактовкой в духе социалистического реализма в советский период изображение Пушкина в современной литературе частично пошло по пути диверсификации. На двунаправленность тенденции развития мифа о Пушкине указала Т.Г. Шеметова: это было либо «воскрешение» либо создание истории «в сослагательном наклонении» [Шеметова 2009: 60]. Так появились Пушкин-Христос Битова и Пушкин-Антихрист Армалинского [Шеметова 2009: 64]. Хотя развитие тенденций еще требует более глубокого изучения (ведь произведения, обращенные к пушкинскому мифу, постоянно появляются), можно резюмировать, что пушкинский миф в процессе коллективного бессознательного или сознательного творчества

будет и далее определять русскую ментальность на всех уровнях культуры.

Еще необходимо выяснить суть понятия «реконструкция мифа». Следует отметить, что «реконструкция» не является признанным или академически принятым термином во многих словарях и статьях. Если термин «реконструкция» расшифровать, то в литературоведении он имеет отношение к этимологии и лингвистике. Но выбор этого термина для нашего анализа текста пьесы необходим, и мы трактуем его более расширительно, опираясь на высказанные суждения.

Во-первых, согласно литературному энциклопедическому словарю, при объяснении термина «миф» дается следующее описание типа художественного мифологизма в XX веке: «Реконструкция древних мифологических сюжетов, интерпретированных с большей (пьесы Жироду, Ануя, Сартра) или меньшей (“Моисей” Т. Манна, “Варавва” и “Сивилла” П. Лагерквиста) долей вольного “осовременивания”» [Материалы к Литературному энциклопедическому словарю 1987: 224]. На основании этого определения можно заключить, что реконструкция мифов стала ведущей тенденцией мифологизма нового времени. Во-вторых, реконструкция (термин, сопровождающий деконструкцию) появился в постструктурализме, где указывается, что деконструкция может включать в себя два процесса — переворачивание и реконструкцию. Они осуществляются «одновременно, сохраняя в то же время различия между собой» [Материалы к Современному философскому словарю 2015: 169]. Однако следует уточнить, что, несмотря на использование термина «реконструкция», мы не определяем Исаеву как драматурга-постмодерниста. Ей всегда было важно «начать все сначала» в ситуации утраты ясности, смысла, понимания», «незапрограммированно погрузиться в стихию текста» [Скоропанова 2001: 19]. (Тем не менее, заметим в скобках, тип литературного творчества этой писательницы еще нуждается в тщательном исследовании.)

Еще один термин необходимо упомянуть: это роман-реконструкция. Считается, что на этом поле творил Ю.М. Лотман, развивая на практике новые жанры в области структурно-семиотической поэтики. На это обратили внимание филологи: «Особый интерес представляют исследования по теории биографии и семиотике поведения, практическим приложением которых стали лотмановские биографии Пушкина (1981) и Карамзина (1987)» [Пильщиков 2018]. Б.Ф. Егоров объяснил природу жанра в предисловии к работе Лотмана: «Автор предлагаемой книги позволяет себе реконструкции и композицию фактов, но решительно отвергает выдумку, даже “художественную”, оставаясь на твердом фундаменте реальной

истории» [Егоров 1987: 9–10]. Указанное определение не соответствует в полной мере жанру пьесы Исаевой, но думается, что дух реконструкции, пронизывающий творения Лотмана, оправдывает использование этого термина в качестве опоры для анализа. Это подтверждает цитата из предисловия: активность автора «направлена на воссоздание того целостного идеала личности, который создавал в своей душе герой биографии» [Егоров 1987: 13]. Позволим себе сделать вывод, что характеристика реконструкции пушкинского мифа в пьесе «Лицей» поможет понять ее основную идею: отсылая читателя к реальному историческому лицу, драматург использует элементы пушкинского мифа и исследует влияние Пушкина, ставшего «солнцем России», на целое поколение.

Современная российская литература предлагает различные трактовки пушкинского мифа. Это мы можем проследить, выявив этапы обращения Исаевой к нему. Пушкинская тема появилась изначально в ее поэтическом творчестве. В сборнике стихов «Лишние слезы» (1997) был напечатан одноименный цикл, состоящий из нескольких стихотворений. Он написан от первого лица. Поэтесса встречает «Его», пришедшего к ней сквозь время и пространство. Возникает любовная история, в которой возлюбленный и поэт как бы сливаются в одно целое. Их роман «осенен» Пушкиным, который появляется как памятник, стоящий на площади, и становится незримым участником их романа. Исаева подхватывает и развивает «один из самых значительных литературных мифов в нашей культуре — это миф о поэте» [Собенников 2024: 52]. Она как бы продолжает уже установившуюся традицию. Таковы были «Встреча с Пушкиным» Цветаевой, «В царском селе», «Кавказское», «Городу Пушкина» и «Пушкину» Ахматовой, «Пушкинскому дому» Блока, «Юбилейное», «Пушкину» Маяковского и т. д. «Ты — самый умный, сильный, добрый, нежный... / Ты — самый страшный в мире человек» [Исаева 1997]. Очевидно, что лирическая героиня Исаевой призывает различать в человеке «частное лицо», конкретную личность, и того, кого мы как бы прозреваем в любимых, то приближение к идеалу, о котором мечтаем. Поэтому и происходит «удвоение»: за «возлюбленным» лирической героине мерещится «поэт», поэтому она и предлагает уже не любовную тему для разговора, как ранее, а хочет «говорить о тебе и о литературе / О месте твоём в мировой переключке имен» [Исаева 1997]. Так возникает «замещение», и любовь к земному человеку оборачивается любовью к поэту.

В 2013 году Исаева пишет комедию «Спасибо, Пушкин!», где, несмотря на комические приемы и повороты сюжета, проявляется драматическое начало, приправленное элементами абсурда. Получается, что для того, чтобы сохранить миф, приходится изворачи-

ваться и нередко прибегать ко лжи. Так происходит, когда миф начинает эксплуатироваться массовым сознанием. В пьесе постоянно присутствует мифологема «памятник». В случае пушкинского мифа мифологемой становится или часть биографического сюжета (дуэль), или часть «тела мифа», которой может стать наиболее репрезентативный образ или акция (в данном случае «памятник нерукотворный» себе в стихотворении и рукотворный как фигура на пьедестале, созданная скульптором).

«Памятник» застыл водоразделом Пушкина мертвого и Пушкина живого — в нашем сознании» [Битов 1999: 84]. Но в пьесе Исаевой разоблачается миф-ложь, т.к. имя Пушкина используется людьми для своих корыстных целей. Миф в данном случае не хранит истину, пусть и приукрашенную и возвеличенную, а прикрывает происки проходимцев, которые для сохранения своих привилегий пускают слух, что в доме, где располагается их литературная контора, когда-то побывал поэт. А потому все надо сохранить не только как было, но и укрепив «пушкинское пребывание» сооружением памятника. Пиком абсурдизма становится речь на открытии монумента поэта Григория, который как бы примеряет на себя роль Пушкина как объединителя русской культуры. Речь пародирует и стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», и выступления Тургенева и Достоевского на открытии памятника в Москве в 1880 году.

Пушкинский миф в комедии демифологизирован на сюжетном уровне: «памятник» поэту в итоге устанавливается, он становится визитной карточкой города, но это только узаконивает ложь, которая отныне будет фундаментом всех последующих «представлений», которые будут осенены именем Пушкина и будут разыгрываться вокруг него. Однако для читателя и зрителя демифологизации мифа о Пушкине не происходит: он может только скорбеть из-за действий всевозможных проныр, которые не брезгают ничем. А чтобы выразить эту мысль яснее, Исаева обращается к пушкинской маленькой трагедии «Моцарт и Сальери». Ведь в ней тоже возникает тема предательства, измены, соотношения гениальности и таланта и пр. Она проводит параллель между Пушкиным и Дантесом, Моцартом и Сальери. Связующим звеном становится мифологема «дуэли». В пьесе Моцарт умер от того, что готов был «огонь трогать» [Исаева 2013: 101], т.е. был бесстрашен и романтичен. Сальери не из-за зависти отравил его, а «чтобы миропорядок не рухнул» [Исаева 2013: 101]. Сальери даже «любит Моцарта» [Исаева 2013: 101]. Но это была любовь особая: так Николай I любил Пушкина. И проходимцы из пьесы тоже «любят» Пушкина и готовы изолгаться ради сохранения памяти о нем. Так уже здесь возникает этическая проблематика,

впоследствии пронизывающая пьесу «Лицей», которая была напечатана в журнале «Кольцо А». Она сейчас идет в Театре имени Пушкина и Школе-студии МХАТ. Драматург перенесла внимание с личного мифа Пушкина на его воздействие на последующие поколения, на то, как имя Пушкина влияло (влияет?) на молодые умы. Она словно бы доказывает, если воспользоваться понятием, зафиксированным Ницше, «вечное возвращение» пушкинского мифа, подлинное бессмертие поэта. Завязкой пьесы служит известие о смерти Пушкина и появление распространяемой рукописи со стихотворением Лермонтова «Смерть поэта», смысл которого правильно уловлен лицеистами. Выпускник Яхонтов прямо говорит: «Господа! Дантес не Пушкина убил! Он убил всех нас!» [Исаева 2018]. Показательно, что драматург переключает внимание с дуэли, выяснением обстоятельств которой обычно и занимаются писатели, на значение этого события для будущих поколений. Т. е. ей важно выяснить, кем являлся Пушкин в сознании его современников. Это влечет за собой то, что в пьесе «Лицей», как и в проанализированной ранее комедии, Пушкин не появляется. Автор работает именно с памятью о Пушкине, т. е. с национальным мифом.

Это внешне напоминает прием Булгакова в его пьесе «Александр Пушкин» («Последние дни»), где мы также не видим Пушкина на сцене. Но там драматург воспроизводил только начальный этап становления мифа. Он предлагает мифологическую реконструкцию смерти Пушкина и исследует роль Дантеса как инструмента политической интриги, которую разработал Николай I, становящийся, по сути, убийцей поэта. Также отметим, что Булгаков сравнивает Пушкина с Богом («истинный Бог» [Булгаков 1994: 172, 209]), окружает его имя словами из церковного лексикона (в данном случае так воспринимается топоним «Святые Горы» [Булгаков 1994: 209], «обитель» [Булгаков 1994: 209]). В результате фактически размывается личная идентичность Пушкина, и он предстает как выразитель своего времени и культуры, как жертва власти.

Несколько иным путем идет Исаева. Она не только включает какие-то значимые элементы пушкинских текстов в речи героев, но практически создает лирический каркас драмы, насыщая пьесу стихами, в свое время созданными Пушкиным и лицеистами. Выбор стихотворений отражает внутренний мир героев, их психологическую отзывчивость. Так, когда Икскуль (персонаж, соответствующий реальному историческому лицу) сидит в карцере, Лиза играет и поет для него романс на стихотворение Кюхельбекера «Поэты», написанное в 1820 году. А к ней присоединяются Воейков и Трофимов, выражая тем самым свое бесстрашие и верную дружбу. В пьесе звучат и стихотворения Пушкина, созданные к лицейской годов-

щине 19 октября, декламируются стихотворения Дельвига и Кюхельбекера, которые раскрывают романтический дух героев и становятся нитью, связывающей поколения. Самым близким к Пушкину был Дельвиг, который, как считал поэт, пробудил в нем «сердечный жар», т. е. подтолкнул его к творчеству. Образ Дельвига начинает незримо витать в пьесе, он становится воплощением рано угасшей юности и символом порыва к свободе.

В пьесе предложена оригинальная интерпретация злодейства и предательства. Маленькую трагедию Пушкина «Моцарт и Сальери» разыгрывают лицеисты нового поколения, что усиливает значимость этической проблематики пьесы. Показателен осуществленный Исаевой «перевертыш»: запятнавший себя предательством де Бриньи играет Моцарта, а преданный и честный Икскуль — Сальери, что углубляет драматический конфликт и заставляет вновь задуматься о провидении, возникновении мифа и других факторах истории.

Де Бриньи ради своей карьеры, которую он хотел построить после окончания Лицея, донес на выпускников, рассказав, что они распространяли стихотворение Лермонтова, создали журнал, где печатали запрещенные произведения, за что всем, кроме него, грозили поражение в правах и ссылка. Особенно должен был пострадать Икскуль. И вот между Икскулем и де Бриньи, после того как его простили друзья, состоялся следующий разговор:

«ИКСКУЛЬ (не глядя на него). Я догадался, Саша. / ДЕ БРИНЬИ. Когда? / ИКСКУЛЬ. Когда Наташа нашла листок. Только ты мог запомнить все с первого раза, да еще с голоса. / ДЕ БРИНЬИ. И зная это, ты все равно пошел вызволять меня из карцера? / ИКСКУЛЬ. Это провидение, Саша. Не через тебя, так иначе, а Лермонтов все равно бы стал Лермонтовым... Гордыня — считать, что через нас...» [Исаева 2018].

Как видим, Исаева отказалась от попыток докопаться до исторической правды, не выносит своего вердикта относительно виновника трагедии, свершившейся на Черной речке. Писательница скорее рассматривает Сальери и Дантеса как инструменты для осуществления «провидения». Судьба не изменяется из-за одного человека. Автор считает, что существует фатализм, и судьба поэта вершится по замыслу Бога.

Центральной темой «Лицея» является выбор линии поведения. Чем руководствоваться молодому человеку — высшими требованиями нравственности или житейской выгодой? Хотя, кажется, это довольно трафаретная постановка вопроса, здесь он решается с помощью того ориентира, которым становится миф о Пушкине как человеке высочайших моральных качеств. Молодое поколение, юное

и неопытное, не могло предвидеть всех сложностей, которые так или иначе грядут, поэтому особенно становился важен тот духовный потенциал, который словно «внедрен» Пушкиным в лицейстов. Лицейское братство не могло исчезнуть. «Первый выпуск» завещал «девятому выпуску» совесть как жизненный ориентир. Это та особая моральная поддержка и выдержка, которая будет осуществляться в каждом следующем поколении «выпускников» и будет воспринята самыми благородными и цельными.

Елена Исаева проделала значительную и своеобразную работу над пушкинским мифом: она сместила акцент с выяснения исторических обстоятельств мифологизации имени Пушкина на изучение той «направляющей» духовной роли, которую играет пушкинский миф в обществе. Это почти точное следование основной функции мифов, как ее трактовал Е.М. Мелетинский: регулировать и поддерживать определенный природный и социальный порядок. «В качестве модели часто выступают события мифологического прошлого», — писал он [Мелетинский 2000: 171]. В данном случае пушкинская жизнь и память о нем становятся такой моделью, на которую человек должен ориентироваться, чтобы сохранить в себе человеческое. Это почти реализация слов Гоголя о Пушкине: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет». Исаева показала, что зачатки этого возникли намного раньше.

Пьеса Исаевой при публикации не получила сколько-нибудь заметных откликов. Зато на постановку критики отозвались. И один из них написал: в пьесе, которую играли студенты театральных вузов, «было много молодой пылкости, но и старомодной риторики; большей частью это проблема пьесы, выглядящей архаичной...» [Спешков 2018]. Однако «старомодная риторика», на наш взгляд, здесь явилась необходимым условием создания соответствующей атмосферы. Именно эта «старомодная риторика» погружает читателя и зрителя в эпоху и заставляет нас действительно почувствовать очарование романтизма, вдохновляющего учащихся Лицея. Она неотделима от эпохи и помогает глубже осознать истоки и значение пушкинского мифа для русского национального сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Битов А.Г.* Предположение жить (Воспоминание о Пушкине) // Предположение жить. 1836 / Сост. Андрей Битов. М., 1999. С. 13–114.
2. *Булгаков М.А.* Александр Пушкин // Пьесы 1930-х годов / Театральное наследие. СПб., 1994. С. 171–209.

3. *Виротайнен М.Н.* Культурный герой нового времени // Легенды и мифы о Пушкине: Сборник статей / Под ред. М.Н. Виротайнен (ИРЛИ РАН). СПб., 1995.
4. *Егоров Б.Ф.* Биография души // Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 7–14.
5. *Исаева Е.В.* Лишние слёзы // Лишние слезы: Стихи. М.: Прок, 1997. [Электронный ресурс] URL: <http://www.isaeva.ru/poems/tears.html> (дата обращения: 07.04.2024).
6. *Исаева Е.* Спасибо, Пушкин! // Современная драматургия. М., 2013. С. 96–118.
7. *Исаева Е.* Девятый выпуск // Кольцо А, 2018. № 119. [Электронный ресурс] URL: <https://www.soyuzpisateley.ru/publication.php?id=1048> (дата обращения: 07.04.2024).
8. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. 751 с.
9. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 2000. 407 с.
10. *Новиков В.И.* Путь к Пушкину // Тынянов Ю. Пушкин. М., 1984. С. 5–13.
11. *Новиков В.И.* Двадцать два мифа о Пушкине // Новиков В.И. Роман с литературой. М., 2007. С. 6–19.
12. *Пильщиков И.А.* Жизнь как текст: что сделал Лотман // Полка. 2018. 28 февраля [Электронный ресурс] URL: <https://polka.academy/materials/845> (дата обращения: 07.04.2024).
13. *Скоропанова И.С.* Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. СПб., 2001.
14. *Собенников А.С.* А.С. Пушкин как мифотворец // Мифы русской литературы: история, поэт, Россия, народ. СПб., 2024. С. 52–63.
15. Современный философский словарь. М.; Екатеринбург, 2015. 823 с.
16. *Спешков В.* Эскизы на первом плане // Экран и сцена. М., 2018. № 18 (1139).
17. *Шеметова Т.Г.* Три тенденции в современной литературной «Пушкиномании» // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. 2009. № 4. С. 55–66.
18. *Шеметова Т.Г.* Пушкинский миф: функционирование в современной литературе // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2010. № 10. С. 201–207.

REFERENCES

1. Bitov A.G. Presumption to live (Memories of Pushkin) // Presumption to live. 1836 / Compiled by Andrei Bitov. Andrei Bitov. Moscow: Nezavisimaya Gazeta. 1999. 917 p. pp. 13–114. (In Russ.)
2. Bulgakov M. A. Alexander Pushkin // Pieces of the 1930s / Theatre Heritage. SPb.: Art-SPB, 1994. 671 p. pp. 171–209. (In Russ.)
3. Virolainen M.N. Cultural hero of the new time // Legends and myths about Pushkin: Collection of articles / Edited by M. N. Virolainen (Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences). SPb.: Humanitarian Agency “Academic Project”, 1995. 352 p. (In Russ.)
5. Egorov B. F. Biography of the soul // Lotman Yu. M. The Creation of Karamzin. Moscow: Book, 1987. 336 p. pp. 7–10. pp. 11–14. (In Russ.)
6. Isaeva E.V. Lishnye tears // Lishnye tears: Poems. Moscow: Prok, 1997. [Электронный ресурс] URL: <http://www.isaeva.ru/poems/tears.html> (дата обращения: 07.04.2024).
7. Isaeva E. Thank you, Pushkin! // Modern Dramaturgy. M., 2013. pp. 96–118. (In Russ.)
8. Isaeva E. Ninth issue // Ring A, 2018. № 119. [Электронный ресурс] URL: <https://www.soyuzpisateley.ru/publication.php?id=1048> (дата обращения: 07.04.2024). (In Russ.)

9. Literary encyclopaedic dictionary / Edited by V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev. Moscow: Sov. encyclopaedic, 1987. 751 p. (In Russ.)
10. Meletinsky E.M. Poetics of Myth. M.: Nauka, 2000. 407 p. (In Russ.)
11. Novikov V.I. Way to Pushkin // Тын्यानov Y. Pushkin. Moscow: Book, 1984. 430 p. pp. 5–13. (In Russ.)
12. Novikov, V. I. Twenty-two myths about Pushkin // Novikov, V. I. Novikov. A novel with literature. M.: INTKADA, 2007. pp. 6–19. (In Russ.)
13. Pilshchikov, I. A. Life as a text: what Lotman did // Polka. 2018. 28 February [Электронный ресурс] URL: <https://polka.academy/materials/845> (дата обращения: 07.04.2024). (In Russ.)
15. Skoropanova I.S. Russian Postmodernist Literature: New Philosophy, New Language. SPb.: Izd, 2001. С. 201. (In Russ.)
16. Sobennikov A.S. A.S. Pushkin as a Mythmaker // Myths of Russian Literature: History, Poet, Russia, People. SPb.: ООО 'Izdatelstvo "Rostok", 2024. 264 p. pp. 52–63. (In Russ.)
17. Modern Philosophical Dictionary. Moscow: Academic Project; Ekaterinburg: Delovaya Kniga, 2015. 823 p. pp.167–169. (In Russ.)
18. Speshkov V. Sketches on the foreground // Screen and Stage. M., 2018. № 18 (1139). (In Russ.)
20. Shemetova T.G. Three tendencies in the modern literary “Pushkinomania” // MSU Herald. Ser. 9, Philology. 2009. № 4. pp. 55–66. (In Russ.)
21. Shemetova T.G. Pushkin myth: functioning in modern literature // Bulletin of Buryat State University. Philosophy. 2010. № 10. pp. 201–207. (In Russ.)

Поступила в редакцию 31.12.2024

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 22.01.2026

Received 31.12.2024

Accepted 17.06.2025

Revised 22.01.2026

ОБ АВТОРЕ

Син Вэй — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; xingwxw@163.com

ABOUT THE AUTHOR

Xing Wei — PhD Student, Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; xingwxw@163.com

«ГРААЛЬ ФИКЦИЯ» ЖАКА РУБО КАК СОВРЕМЕННАЯ ВАРИАЦИЯ АРТУРОВСКОГО РОМАНА

А.С. Айунц

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; ayunts_anna@mail.ru*

Аннотация: Жак Рубо — французский поэт, писатель, математик и участник группы УЛИПО, изучавший Средневековье и обращавшийся к нему в своих художественных и теоретических текстах.

В его творчестве особенно важен миф о Граале, которому посвящены два его произведения: сборник пьес «Грааль театр» в соавторстве с Флоранс Делэ и проза «Грааль фикция». В статье рассматривается восприятие Средневековья в тексте «Грааль фикция». Произведение представляет собой «переписывание» («réécriture») мифа о Граале, попытку наметить пути создания современного артуровского романа.

Анализируются особенности шести частей «Грааль фикции», представляющих разный подход к рецепции средневековой литературы. Рубо «переписывает» в своем современном «рыцарском романе» множество текстов, связанных с мифом о Граале: продолжения «Повести о Граале», «Дидо-Персеваль», «Роман о Граале» Робера де Борона, «Смерть Артура» Томаса Мэлори, прозаический цикл «Ланселот-Грааль» и др.

Проблема фикциональности — одна из важнейших в «Грааль фикции», поэтому особое внимание в статье уделяется взаимопревращению правды и вымысла, а также сочетанию художественного и теоретического, которое вписывается в рамки эстетических тенденций второй половины XX века. УЛИПО называли себя «Цехом потенциальной литературы», поэтому «Грааль фикция» представлена в статье как «потенциальный» артуровский роман. Его можно определить как «энциклопедию» мифа о Граале, состоящую из разнородных фрагментов, таких как повествование, портрет героя в алгебраических формулах, географический справочник или научный доклад на конференции.

Ключевые слова: Жак Рубо; «Грааль фикция»; УЛИПО; Средневековье; артуровский роман

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-15

Для цитирования: Айунц А.С. «Грааль фикция» Жака Рубо как современная вариация артуровского романа // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 189–198.

“GRAAL FICTION” OF JACQUES ROUBAUD AS A CONTEMPORARY VARIATION OF ARTHURIAN ROMANCE

Anna S. Ayunts

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ayunts_anna@mail.ru

Abstract: Jacques Roubaud is a French poet, writer, mathematician and member of Oulipo group, who studied Middle Ages and used it in his fictional and theoretical texts. Two of his works are dedicated to the myth of the Grail: collected pieces *Graal theatre* and a prose *Graal fiction*. The article examines the reception of Middle Ages in *Graal fiction*, a “rewriting” (“réécriture”) of the myth of the Grail, analyses particularities of six chapters, representing different approaches to the “recycling” of medieval texts. Roubaud “rewrites” in his contemporary “Arthurian romance” a lot of texts related to the myth of the Grail: continuations of the *Story of the Grail*, *Didot Perceval*, *Joseph of Arimathea: a romance of the Grail* of Robert de Boron, *Le Morte d’Arthur* of Sir Thomas Malory, the *Lancelot-Grail Cycle* etc.

The problem of fictionality is one of the important in the *Graal fiction*, in the article particular attention is paid to the versatility of the truth and the fiction, and the combination of fictional and theoretical which fits into the framework of the aesthetic tendencies of the 20th century. Oulipo called themselves a “Workshop of potential literature”, therefore *Graal fiction* is presented in the article as a “potential” Arthurian romance, as an encyclopedia of the Arthurian romance composed of diverse fragments.

Keywords: Jacques Roubaud; “Graal Fiction”; Oulipo; Middle Ages; Arthurian romance

For citation: Ayunts A. (2026). “Graal Fiction” of Jacques Roubaud as a Contemporary Variation of Arthurian Romance. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 189–198.

Франция в XX веке переживает волну интереса к артуровской литературе как с исследовательской точки зрения, так и с художественной [Ouerd 1983: 89–90]. Появляются новые компиляции легенд, адаптации и художественные интерпретации. Жак Рубо, поэт, писатель и математик, участник группы УЛИПО, неоднократно обращается в своем творчестве к Средневековью. Он переводит и комментирует стихи трубадуров, пишет теоретические эссе о провансальской поэзии. Во многих его художественных произведениях используется техника «переписывания» («réécriture») — деконструкция средневековых текстов, перенос литературы прошлого в контекст современности.

Это явление можно рассматривать как в контексте Средневековья, так и в контексте постмодернистской культуры. В Средневековье многие сюжеты многократно переписывались и получали новую

интерпретацию. Например, «Ланселот в прозе» представляет собой прозаическую переработку нескольких романов Кретьена де Труа. Однако в конце XX века техника *réécriture* возводится в ранг особой постмодернистской практики. Ее можно назвать термином, заимствованным в гуманитарную сферу из экологии, — «культурным ресайклингом». Вальтер Мосер определяет его как «реутилизацию уже существующего культурного материала в новой практике» [Moser 1998: 519].

Особенно много внимания Жак Рубо уделяет одному из артуровских сюжетов — мифу о Граале, которому посвящены проза «Грааль фикция» и сборник пьес «Грааль театр», написанный в соавторстве с Флоранс Делэ. Поиск Грааля тем более важен для Рубо, что этот мотив он ассоциирует с поиском математической истины: «...on vous offre la vision du Graal, les grandes hypothèses ou conjectures depuis des siècles résistantes, le Grand théorème de Fermat bien sûr [...], ou la Conjecture de Goldbach» [Roubaud 1997: 124] («...Вам являют мираж Грааля, великие гипотезы и проблемы, не доказанные в течение веков, такие как теорема Ферма¹, разумеется [...] и проблема Гольдбаха» — *зд. и далее перевод мой, если не указано иное, А.А.*)

Группа УЛИПО часто прибегает к математическим методам в своих литературных экспериментах, так как это созвучно ее принципам использования формальных ограничений с целью исследования потенциала языка. Сильное влияние на Рубо оказали книги группы французских математиков, печатавшихся под псевдонимом Никола Бурбаки [Laskowski-Caujolle 2001: 73–74]. Их аксиоматический стиль изложения подсказал ему новые способы письма, послужил моделью для его прозаических и поэтических текстов. «Грааль фикция» — один из примеров такого «сплава» литературы и математики, художественности и научности, современности и Средневековья.

В «Прологе» автор заявляет, что перед читателем всего лишь первый из двадцати шести томов «Грааль фикции». Текст состоит из шести совершенно разных по стилистике частей: «Сказка» (*Conte*), «Повествование» (*Récit*), «Кто есть кто» (*Who's who*), «География» (*Géographie*), «Теоретические фикции» (*Fictions théoriques*) и «Побрякушки» (*Quincaillerie*). Последний раздел оставлен пустым, так как, по словам автора, должен быть напечатан в следующих книгах.

¹ Этот «Грааль» все же был найден: теорему Ферма в 1994 г. доказал Э. Уайлс. Рубо таких математиков сравнивает с современными рыцарями Грааля. Например, А. Гротендика, одного из участников группы «Никола Бурбаки», он называет «настоящим Галахадом современной математики» («le véritable Galaad de la mathématique contemporaine» [Roubaud 1997: 85]).

В «Грааль фикции» Рубо не задается целью собрать все артуровские сюжеты, как можно было бы подумать, но предлагает, по выражению Патрика Морана, «энциклопедию» [Moran 2018: 55] артуровского романа, обозначает разные возможности его написания. Такой же комбинаторный подход к созданию сюжетов использует Итало Кальвино, коллега Рубо по УЛИПО, в романе «Замок скрестившихся судеб», где с помощью выложенных на столе карт таро каждый герой может рассказать свою историю.

Первая часть «Грааль фикции» — «Сказка» («Conte») — может отсылать как к роману К. де Труа «Персеваль, или Повесть о Граале» (*Conte del Graal*), так и к «волшебной сказке» («conte de fées»). Нельзя не вспомнить формулу «dit li conte» («повесть гласит») в средневековых романах. Например, с нее начинается роман в прозе «Мерлин» [Merlin 1886: 1]. Проблема фикциональности — «заглавная» в «Грааль фикции», поэтому важно отметить, что в сказке для Рубо важную роль играет взаимоотношение правды и вымысла. «Сказка всегда говорит правду» («Le conte dit toujours vrai» [Delay, Roubaud 2005: 90]), — заявляет Мерлин в «Грааль театре».

В части «Сказка» текст в основном сопровождается комментариями на полях, в которых обозначена либо тема абзаца, либо его краткое содержание. Вероятно, это типографическая отсылка к изданиям средневековых произведений, где рядом со старофранцузским текстом приведены небольшие «резюме» на современном французском.

«Сказка» представляет две артуровские сюжетные ветви: первая связана с Мерлином, вторая — с Ланселотом. Согласно мифу, чародей родился от союза демона и невинной девушки, однако Рубо преподносит эту историю с долей иронии, намекая, что зачатие Мерлина могло произойти не без участия исповедника Блеза. В «Грааль фикции» описываются только два события в жизни прорицателя: его рождение и его заточение. Рубо предоставляет читателю на выбор разные варианты развития сюжета («...l'avenir dans le conte est par essence variable...» [Roubaud 1978: 25] — «...будущее в сказке вариативно по своей природе...»): в одном Мерлин заключен в воздушную башню своей возлюбленной Вивианой, в другом — замурован в подземный грот. Это может быть связано с мотивом ритуального захоронения в кельтской мифологии, благодаря которому герой перерождается и получает дар предвидения [Eson 2007: 182].

Мерлин обещает исповеднику Блезу, что даже после перехода в «иной мир» продолжит пророчествовать, но услышать его можно будет только в особом месте, так называемом «линовище» («esplumoir»). Лексема «esplumoir» не встречается нигде, кроме средневековых текстов, в которых упоминается Мерлин: в анонимном рома-

не в прозе «Дидо-Персеваль», в романе Рауля де Удана «Мерожис де Портлегез» [Nitze 1943: 69]. Смысл слова остается туманным, однако, вероятно, оно происходит от старофранцузского глагола *esplumer*, означающего «ощипывать». «Клетка, в которой птиц запирают на время линьки», — так его определяет Рубо и, опираясь на описание в «Мерожисе», приходит к выводу, что «Линовище Мерлина — это, таким образом, темное теплое место, на вершине мрачного утеса, где птица-Мерлин поет о грядущем» [Рубо 2005: 23] («L'esplumoir Merlin est donc l'endroit obscur et chaud, au sommet de la roche griffaigne, où l'oiseau Merlin chante le futur» [Roubaud 1978: 33]). Он приводит версию о происхождении имени чародея от названия птицы семейства соколиных дербника («merlin»). Эту гипотезу писатель заимствует, скорее всего, из статьи У. Нитза «Линовище Мерлина» [Nitze 1943: 72]. Рубо завершает сюжет о Мерлине образом сокола в клетке.

Вторая линия «Сказки» связана с трагической историей Мадемуазель Шалот. Этот сюжет впервые возникает в «Смерти Артура» (*Mort Artu*), последней части «Вульгаты», а затем интерпретируется и в других средневековых текстах о Ланселоте. Прекрасная Мадемуазель Шалот признается Ланселоту в любви, однако тот отвергает ее, потому что хранит верность королеве Гвиневре. Тогда Шалот пишет письмо, где обращается к рыцарям Круглого стола и просит винить в ее смерти Ланселота Озерного, «самого уважаемого и самого презренного из рыцарей» («por le plus preudome del monde et por le plus vilain»). Она привязывает письмо к поясу и ложится в высланную шелками барку, которая привозит ее бездыханное тело к замку Камелот.

Рубо вначале пересказывает историю Мадемуазель Шалот, а затем приводит шесть ее писем, написанных на французском, итальянском, английском языках и адресованных рыцарям Круглого стола, Ланселоту, королю Артуру и читателю. Источники писем Шалот — шесть средневековых текстов, написанных на трех языках: французский роман «Смерть Артура» (*Mort Artu*) XIII века, английский одноименный роман Мэлори XV века, среднеанглийская поэма «Стансы о смерти Артура» (*Stanzaic Morthe Arthur*) XIV века, итальянский сборник новелл «Новеллино» (*Il Novellino*) конца XIII века, итальянское прозаическое переложение «Смерти Артура» *Lancilotto Panciaticiano* XIV века и итальянские «Песни о Ланселоте» (*Chantari di Lancilotto*) конца XIV века. Рубо превращает историю Мадемуазель Шалот в эпистолярный роман и включает в него «переписывания» ее предсмертного письма на разных языках и в разные эпохи.

Оба сюжета в части «Сказка» «Грааль фикции» завершаются погребальным обрядом: Мерлин навеки заточен по воле своей воз-

любленной Вивианы, а Мадемуазель Шалот из-за неразделенной любви к Ланселоту ложится в лодку, которая становится ее «погребальной ладьей».

С переходом от «Сказки» к «Повествованию» меняется и авторская интонация: она становится более дистанцированной, более аналитичной. Появляются конструкции, выражающие неуверенность («semble avoir été»), безличность («à ce qu'on dit», «nous dit-on», «on nous rassure» etc.). В отличие от «Сказки», где приводится несколько линий развития сюжета, в «Повествовании» излагается только один вариант.

В первой главе: «Иосиф А.», Рубо опирается на текст Робера де Борона «Роман о Граале». В этой трактовке Грааль — христианская реликвия, чаша, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь Христа, омывая его раны после распятия.

Сюжет второй главы «Повествования» — о визите Гавейна, его брата Гахериса и других рыцарей Круглого стола в заколдованный замок и о позорном поражении Гахериса в поединке с «маленьким рыцарем» — взяты из Первого продолжения «Повести о Граале». В описании накрытого стола в таинственно пустом зале появляется лексема «graal», но в неожиданном, бытовом контексте: в значении блюда, на котором подают голову кабана. Глава завершается авторским комментарием к приключению в заколдованном замке и обобщением о природе истины, которую Рубо сравнивает с «далекой страной» и «жалким людоедом»: «Ce monde est étrange: que pouvons-nous en penser? <...>

Voilà ce qu'on nous dit
c'est vrai
la vérité comme pays lointain, comme ogre pitoyable. C'est vrai
[Roubaud 1978: 52].

(«Этот мир странен: что мы можем о нем думать? <...>

Вот что нам говорят

это правда

правда — как далекая страна, как жалкий людоед. Это правда»)

Однако читатель обманут. Он так и не получает обещанного толкования сюжета. Автор не приходит ни к какому конкретному выводу, а только задается в конце вопросом: «Но что же это всё значит?» («*Mais qu'est-ce que tout cela veut dire?*» [Roubaud 1978: 52]).

Это ироничное рассуждение перекликается с постмодернистской концепцией правды, которая ставит под сомнение объективный статус истины. В качестве примера можно процитировать интервью с М. Фуко 1977 г.: «...Истина... — это не награда для свободных умов... не привилегия тех, кто смог себя преодолеть. Истина — от

мира сего, она произведена в нем благодаря множеству принуждений и сохраняет в себе воздействия, регулируемые властью. У каждого общества свой режим истины, своя общая политика истины, то есть те типы дискурса, которые оно принимает и заставляет функционировать как истинные...» [Foucault 1994: 158].

Композиционно центральная часть, «Who's who», посвящена Гавейну и обрисовывает его характер с помощью множества аксиом, проиллюстрированных примерами:

«(GVII a). Il n'y a pas de chevalier de plus haut lignage que Gauvain.

(GVII b). Il n'y a pas de chevalier de prouesse supérieure à celle de Gauvain.

(GVII c). Il n'y a pas de chevalier qui dépasse Gauvain en prouesse amoureuse» [Roubaud 1978: 84].

«(GVII a) Нет рыцаря более высокого происхождения, чем Гавейн.

(GVII b) Нет рыцаря более храброго, чем Гавейн.

(GVII c) Нет рыцаря, который превосходил бы Гавейна в любовных подвигах».

Рубо суммирует истории становления рыцарей артуровского универсума и формулирует несколько требований к герою, достигшему четырнадцати лет, причем каждому пункту соответствует определенный «квест». Автор иронизирует над собственной схемой и отмечает: «l'accomplissement des QU_x ($x=N, AV, F, T$) est une occupation à *plein temps* qui épuise généralement les possibilités narratives d'un héros normalement constitué» [Roubaud 1978: 70] («выполнение QU_x ($x=N, AV, F, T$) требует *полной занятости*, которая исчерпывает нарративные возможности нормально устроенного героя».

С каждой следующей частью в «Грааль фictions» все меньше «fiction». «География» больше походит на справочную литературу и состоит всего из двух глав, описывающих острова артуровского универсума: «Крутящийся остров» («L'île Tournoyante») и «Авалон» («Avalon»). Таким образом, если «Who's who» строилась вокруг героя, то эта часть посвящена пространству. В «Истории Святого Грааля», одной из книг цикла «Ланселот-Грааль», важную роль играет перемещение по морю от одного острова к другому. Поль Зюмтор пишет, что средневековое пространство понимается в основном как интервал между двумя пунктами: «Средневековое пространство <...> — это то, что находится между двумя точками: пустота, которую нужно заполнить» [Zumthor 1993: 51].

«Крутящийся остров» в «Истории Святого Грааля» интересен описанием его создания: в нем переплетаются библейское повествование о сотворении мира и аристотелевская теория четырех элементов [Chalumeau 2014: 26]. Рубо пересказывает этот сюжет в ироничном ключе: «D'où il advint que le seigneur Dieu se trouva un peu

embarrassé: “Mon Dieu, se disait-il, où mettre tout ce brouillement?”; et, comme il avait quantité d’autres choses à faire, dans sa grande bonté il fit de tout ça une grosse masse, une boule bien pétrie des quatre éléments naturels, et il la déposa tout bonnement en un point de notre globe terraque, lequel il avait choisi en piquant une épingle sur la carte» [Roubaud 1978: 146] («Таким вот образом и получилось, Господь наш Бог пребывал в некотором замешательстве. “Господи, — говорил он сам себе, — куда же поместить всю эту мешанину?” Но, так как у него еще было изрядное количество несделанных дел, по великой доброте своей, он слепил все это воедино, и получившийся круто замешанный ком из всех четырех стихий он попросту поместил в случайную точку нашего земного шара, которую нашел, ткнув булавкой в карту» [Рубо 2005: 122]).

«Грааль фикция» — одно из свидетельств процесса стирания границы между теоретическим и художественным в литературе второй половины XX века. В частности, то же сочетание критики обнаруживают во «Фрагментах речи влюбленного» Р. Барта. Эти два текста, изданные в 70-е годы, роднят активное использование паратекста (например, заметок на полях), фрагментарность, деконструкция произведений прошлого. Если «Грааль фикция» — энциклопедия рыцарского романа, то «Фрагменты» — словарь влюбленности. С. Ананья остроумно определяет жанр текста Барта как «фикционный» («fictionnaire»), заменив одну букву во французском слове «словарь» («dictionnaire») [Hanania 2005: 123]. Тот же термин можно применить и к произведению Рубо.

«Теоретические фикции» написаны в форме филологического исследования романов артуровского цикла. Например, глава «Нравственная генеалогия Королей-Рыбаков» — научный доклад на конференции, снабженный библиографическими ссылками и подробными схемами. Он представляет собой нарочито запутанное структуралистское изложение теории об инцестуальной генеалогии хранителей Грааля. Автор во вступительном слове к аудитории отмечает, что его сообщение — пересказ статьи об Иоахиме Флорском квебекского священника и музыковеда отца С. Ризолнюса (его имя еще будет фигурировать в романе Рубо «Прекрасная Гортензия»). Эта глава, как и все произведение, — тоже «переписывание», но «переписывание» отсутствующего текста. Подобный прием «метатекста о пустоте» в XX веке может реализовываться, например, в жанре рецензий на несуществующие произведения, как в сборнике С. Лема «Абсолютная пустота» (1971) или в рассказе Борхеса «Приближение к Альмутасиму» (1936).

Название последней, ненаписанной части «Грааль фикции» переводится как «Побрякушки» или «Скобяная лавка». Вероятно, это

хранилище всех «волшебных» предметов артуровского мира: расколотых мечей, кровоточащих копий и самого Грааля.

«Грааль фикция» — гибридный текст, метапроза, в которой переплетаются вымышленные и невымышленные элементы. Рубо переплетает на алгебраический язык средневековый миф, исследует комбинаторные возможности сюжета о короле Артуре. УЛИПО называли себя «Цехом потенциальной литературы», поэтому «Грааль фикцию» можно определить как «потенциальный» артуровский роман, как попытку наметить пути создания современного произведения о поиске Грааля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белавина Е.М.* Техника réécriture: Жак Рубо и Кристоф Манон // Риторика — Лингвистика. Смоленск, 2016. Вып. 12. С. 276–283.
2. *Рубо Ж.* Грааль Фикция; Рыцарь Молчание / Пер. с франц. [и послесл.] С. Бунтмана. Москва, 2005.
3. *Chalumeau Ch.* L'île Tournoyante, lieu de la difficile coexistence des savoirs dans l'Estoire del Saint Graal // Bien Dire et Bien Aprandre, 30. 2014. P. 25-38.
4. *Delay F. Roubaud J.* Graal Théâtre. Paris, 2005.
5. *Eson L.* Merlin's last cry: ritual burial and rebirth of the poet in Celtic and Norse tradition // Zeitschrift für celtische Philologie. 2007. P. 181–200.
6. *Foucault M.* Dits et écrits. Tome III. Paris, 1994.
7. *Hanania C.* Fiction du Paratexte dans les Fragments d'un Discours Amoureux de Roland Barthes // Dalhousie French Studies, vol. 73. 2005. P. 117–127.
8. *Laskowski-Caujolle E.M.* Jacques Roubaud: Literature, Mathematics, and the Quest for Trut // SubStance, vol. 30, no. 3, 2001, P. 71–87.
9. Merlin, roman en prose du XIIIe siècle publié avec la mise en prose du poème de Merlin de Robert de Boron, d'après le manuscrit appartenant à M. Albert H. Huth / Éd. par Paris G. et Ulrich J. Paris, 1886. T. 1.
10. *Moran P.* Graal fiction et les enfances du roman // Jacques Roubaud médiéviste / Sous la dir. de Koble N. et Séguéy M. Paris, 2018. P. 55–69.
11. *Moser W.* Recyclages culturels. Élaboration d'une problématique // La recherche littéraire : objets et méthodes / Dir. par Claude Duchet et Stéphane Vachon. Montréal: XYZ, 1998. P. 519–532.
12. *Nitze A.W.* The Eslumoir Merlin // Speculum, Vol. 18, No. 1. 1943. P. 69–79.
13. *Ouerd M.* Les moyen âge romanesques du XXème siècle // Médiévales, n°3. Trajectoire du sens. 1983. P. 89–96.
14. *Roubaud J.* Graal Fiction. Paris, 1978.
15. *Roubaud J.* Mathématique (récit). Paris, 1997.
16. *Zumthor P.* La mesure du monde. Paris, 1993.

REFERENCES

1. Belavina E.M. Tekhnika réécriture: Zhak Rubo i Kristof Manon. *Ritorika — Lingvistika*. Smolensk: SmolGU, 2016. Issue 12, pp. 276–283. (In Russ.)
2. Rubo Zh. Graal' Fikciya; Rycar' Molchanie / Per. s franc. [i poslesl.] S. Buntmana [The Grail of Fiction; The Knight of Silence / Translated from French [and afterword] by S. Buntman]. Moscow, *Agraf Publ.*, 2005. 286 p. (In Russ.)

3. Chalumeau Ch. L'île Tournoyante, lieu de la difficile coexistence des savoirs dans l'Estoire del Saint Graal. *Bien Dire et Bien Aprandre*, 30. 2014, pp. 25–38.
4. Delay F. Roubaud J. *Graal Théâtre*. Paris: *Gallimard*, 2005. 609 p.
5. Eson L. Merlin's last cry: ritual burial and rebirth of the poet in Celtic and Norse tradition. *Zeitschrift für celtische Philologie*. 2007, pp. 181–200.
6. Foucault M. *Dits et écrits*. Vol. III. Paris: *Gallimard*, 1994. 834 p.
7. Hanania C. Fiction Du Paratexte Dans Les Fragments d'un Discours Amoureux de Roland Barthes. *Dalhousie French Studies*. Vol. 73. 2005, pp. 117–127.
8. Laskowski-Caujolle E. M. Jacques Roubaud: Literature, Mathematics, and the Quest for Truth. *SubStance*. Vol. 30, no. 3, 2001, pp. 71–87.
9. *Merlin, roman en prose du XIIIe siècle publié avec la mise en prose du poème de Merlin de Robert de Boron, d'après le manuscrit appartenant à M. Albert H. Huth* / Éd. par Paris G. et Ulrich J. Paris, 1886. Vol. 1. 280 p.
10. Moran P. Graal fiction et les enfances du roman. In: *Jacques Roubaud médiéviste / Sous la dir. de Koble N. et Séguy M.* Paris: *Honoré Champion*, 2018, pp. 55–69.
11. Moser W. Recyclages culturels. Élaboration d'une problématique // *La recherche littéraire : objets et méthodes* / Dir. par Claude Duchet et Stéphane Vachon. Montréal: XYZ, 1998. P. 519–532.
12. Nitze A.W. The Esplumoir Merlin. *Speculum*, Vol. 18, No. 1. 1943, pp. 69–79.
13. Ouerd M. Les moyen âge romanesques du XXème siècle. *Médiévales, n°3. Trajectoire du sens*. 1983, pp. 89–96.
14. Roubaud J. *Graal Fiction*. Paris: *Gallimard*, 1978. 240 p.
15. Roubaud J. *Mathématique (récit)*. Paris: *Seuil*, 1997. 279 p.
16. Zumthor P. *La mesure du monde*. Paris: *Seuil*, 1993. 317 p.

Поступила в редакцию 09.08.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 22.01.2026

Received 09.08.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 22.01.2026

ОБ АВТОРЕ

Анна Сергеевна Айунц — аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова; ayunts_anna@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anna S. Ayunts — PhD student, Department of History of Foreign Literatures, Lomonosov Moscow State University; ayunts_anna@mail.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«РОССИЙСКАЯ ГРАММАТИКА» М.В. ЛОМОНОСОВА И ЕЕ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: Итоги международной научной конференции

М.Л. Ремнёва, В.В. Каверина, Е.А. Кузьминова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; m.l.remneva@mail.ru; kaverina1@yandex.ru; elenk2002@mail.ru

Аннотация: В обзоре подводятся итоги Международной научной конференции, прошедшей в декабре 2025 года на филологическом факультете в честь 270-летия «Российской грамматики» М.В. Ломоносова (1755), которая заложила основы развития национальной грамматической традиции. Конференция объединила более 40 исследователей из России, Китая и Германии. В прозвучавших докладах был проведен анализ различных аспектов «Российской грамматики» и определено ее место в филологической науке.

Ключевые слова: М.В. Ломоносов; «Российская грамматика» 1755 г.; история грамматической традиции

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-16

Для цитирования: Ремнёва М.Л., Каверина В.В., Кузьминова Е.А. «Российская грамматика» М.В. Ломоносова и ее роль в становлении национальной грамматической традиции: итоги Международной научной конференции // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 199–204.

MIKHAIL LOMONOSOV'S "RUSSIAN GRAMMAR" AND ITS ROLE IN THE FORMATION OF THE NATIONAL GRAMMATICAL TRADITION: RESULTS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE

**Marina L. Remneva, Valeria V. Kaverina,
Elena A. Kuzminova**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; m.l.remneva@mail.ru; kaverina1@yandex.ru; elenk2002@mail.ru

Abstract: The review accumulates the results of the conference that took place in December 2025 at the Faculty of Philology and marked the 270th anniversary of Mikhail Lomonosov's "Russian Grammar" (1755). M.V. Lomonosov's philological

work determined the development of the Russian literary language in general and the direction of the national grammatical tradition for a long time.

Keywords: M.V. Lomonosov; “Russian Grammar” (1755); history of the grammatical tradition

For citation: Remneva M.L., Kaverina V.V., Kuzminova E.A. (2026) Mikhail Lomonosov’s “Russian Grammar” and Its Role in the Formation of the National Grammatical Tradition: Results of the International Scientific Conference. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 199–204.

В 2025 году исполнилось 270 лет «Российской грамматике», созданной М.В. Ломоносовым в 1755 г. Филологическая работа М.В. Ломоносова на долгое время определила развитие русского литературного языка в целом и направления развития национальной грамматической традиции.

В честь этой памятной даты 10–11 декабря 2025 года на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция «“Российская грамматика” М.В. Ломоносова и ее роль в становлении национальной грамматической традиции». Конференция объединила более 40 ученых из России, Китая и Германии: в ней участвовали исследователи из московских университетов и академических институтов (кроме МГУ, были представлены Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Институт русского языка имени А.С. Пушкина, Российский гуманитарный университет имени А.Н. Косыгина, Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Институт языкознания РАН, Институт лингвистических исследований РАН, Институт славяноведения РАН), из университетов Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Самары, Орла, Новосибирска, Тюмени, Пекина, Галле-Виттенберга.

В рамках конференции прозвучал 41 доклад по обширной проблематике, связанной с изучением различных аспектов «Российской грамматики» М.В. Ломоносова (далее РГ) и национальной грамматической традиции. Было проведено одно пленарное заседание и три секционных.

В начале пленарного заседания к участникам конференции с приветственным словом обратилась президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова профессор *М.Л. Ремнёва*.

Центральное место на конференции заняло рассмотрение концептуальных основ РГ. Доклад *В.И. Аннушкина* был посвящен грамматике как словесной науке. По мнению докладчика, основной акцент в труде Ломоносова смещен от языка к слову, содержится «общее философское понятие о человеческом слове», а части речи названы в грамматике частями слова. Это значит, что ломоносовское

слово обладает логосическим, сакральным смыслом. Философская концепция грамматической теории М.В. Ломоносова раскрывается в докладе *Чан Юйкая*, посвященном трактату митрополита Илариона «Слово о Законе и Благодати» как важному этапу в формировании национальной языковой традиции, концептуализации языковой идентичности, повлиявшему на последующее развитие русской филологической мысли.

Л.Б. Карпенко дала оценку содержательных и функциональных ресурсов русского языка, отраженных в РГ М.В. Ломоносова, который, основательно проработав все языковые уровни, пришел к выводу об онтологичности русского языка, великого не только обширностью своего распространения, но и «собственным своим пространством и довольствием». *О.Г. Ревзина* остановилась на специфике иллюстративных примеров, представленных в РГ, выявила стратегию М.В. Ломоносова в отношении их выбора и определила значение иллюстраций как ценнейшего когнитивного источника, открывающего доступ к языковому сознанию и мировосприятию носителей русского литературного языка XVIII в.

Универсальная языковая личность М.В. Ломоносова в рефлексивно-дискурсивном измерении рассмотрена в докладе *С.Н. Переволочанской*. Расширение поля исследуемых объектов, философское осмысление полученных фактов породило целостную картину мира в холистической концепции научных взглядов Ломоносова. Энциклопедизм великого русского ученого рассмотрен как первый шаг к возникновению трансдисциплинарного подхода в современной научной парадигме. Представление о личности и деятельности русского ученого и литератора, о его работе над важнейшим для нашей науки лингвистическим трудом, которое складывается благодаря детальному изучению эпистолярного наследия М.В. Ломоносова, изложено в докладе *Е.В. Суровцевой*.

Важной тематической группой докладов стали выступления, посвященные роли М.В. Ломоносова как предтечи современных достижений науки о языке. *В.В. Каверина* остановилась на основах нормирования графики, орфографии и пунктуации и доказала, что нормы, определенные в РГ, легли в основу всех позднейших сводов правил русского правописания и не теряют актуальности в настоящее время. Доклад *И.Е. Кима* был посвящен анализу внутренней формы пунктуационных терминов, используемых в РГ и других русских грамматиках XVIII в. Докладчик проследил, как происходил переход от актуального членения текста к пунктуации современного русского языка с его направленностью на учет формально-синтаксических характеристик графического предложения. *А.Л. Шандрин* обосновал идею о том, что РГ положила начало собственно

русской грамматической традиции современного описания великорусского языка и определила теоретическое развитие многих грамматических учений в разные периоды развития русистики. *Л.Д. Беднарская* на основе анализа положений РГ в свете достижений современной теоретической лингвистики сделала вывод о том, что Ломоносов оставил потомкам в наследство глобальные лингвофилософские теоретические вопросы устройства системы языка. В выступлении *М.А. Пильгун* были сопоставлены параметры нормативного описания языка в РГ и современные способы моделирования грамматической системы в больших языковых моделях (GPT, DeepSeek и др.). *Е.А. Кузьмина* поставила вопрос об адресате РГ и показала, как отбор теоретического и языкового материала грамматики, способы его систематизации и презентации определяют ориентацию Ломоносова на иностранную аудиторию. По мнению докладчика, отраженные в РГ лингводидактические подходы во многом коррелируют с современными концепциями теории и практики преподавания русского языка как иностранного.

Вопрос о степени влияния научных трудов М.В. Ломоносова на современные грамматические классификации русской лексики: от «частей слова» к «частям речи» и далее к «категориальным классам слов» — рассматривался *Ф.И. Панковым*. Особенности представления отдельных частей речи (местоимений, числительных, предлогов), их дескрипциям и классификациям в РГ как на фоне предшествующих и последующих грамматических описаний русского языка, так и на фоне собственного словоупотребления М.В. Ломоносова и узуса, отраженного в текстах XVIII века, посвятили свои выступления *В.С. Савельев*, *М.В. Шульга*, *Е.Н. Виноградова*.

В ряде докладов обсуждалась проблема интерпретации М.В. Ломоносовым грамматических категорий и форм русского глагола. У *Чжанхань* и *Инь Сюй* наглядно продемонстрировали, что вид, трактуемый в грамматических руководствах по церковнославянскому и русскому языку до середины XVIII века с позиций словообразования, именно в РГ обретает статус грамматической категории. Наклонение, по наблюдениям *Е.В. Маркасовой*, осмысливается М.В. Ломоносовым как некое «исходное состояние» языковой единицы, подвергаемой трансформации для передачи точки зрения говорящего. Грамматическое содержание используемого в РГ понятия «сомненное наклонение» осветила *О.В. Кукушкина*, затронувшая также вопрос о соответствии ломоносовского описания многократных («учащательных») глаголов языковой реальности. Соотношение десяти временных форм глагола в РГ и системы четырех видо-временных функций глагольных предикатов в коммуникативной грамматике было охарактеризовано *В.В. Чумириной*.

Становление терминов, обозначающих нетематические глаголы, рассмотрела *Е.Е. Серегина*. К взглядам М.В. Ломоносова на проблематику безличности обратилась *В.Е. Разумных*, показавшая взаимосвязь современного понимания структурных и семантико-функциональных характеристик безличных конструкций с идеями, заложенными в РГ. *Н.К. Онипенко* проследила историю сформулированного в РГ правила употребления русского деепричастия: направления конкретизации посредством прикрепления к типам синтаксических конструкций и движения как в сторону ужесточения, так и в сторону «послабления». Представления М.В. Ломоносова о функциональном единстве деепричастия и конструкции «дательный самостоятельный», которая, согласно РГ, допускалась лишь в поэтической речи, рассмотрела *А.П. Вальцова*.

На иных синтаксических конструкциях, кодифицированных в РГ, заострили внимание *Н.В. Николенкова* и *М.Ю. Ефремова*. *Н.В. Николенкова* установила, что прескриптивные указания РГ, касающиеся употребления конструкции «через + вин. п.», были последовательно реализованы М.В. Ломоносовым и в его собственных научных трудах, и в выполненных им переводах научных сочинений. *М.Ю. Ефремова* определила специфику интонационного оформления фразеосхемы «что + род. п.».

Предметом научного обсуждения были параметры метаязыка РГ, проанализированные с различных теоретических позиций. Сферы употребления в метаязыковой функции латинского и греческого языков в РГ (терминсистема, семантизация, этимологизация) стали центральной темой доклада *А.И. Солопова*. Интерпретацию термина «картавый», использованного М.В. Ломоносовым по отношению к придыхательному греческому ρ «картавыя рцы», предложил *Т.Г. Давыдов*.

Тематика конференции охватывала вопросы филиации идей РГ и ее места в истории грамматической мысли. *О.А. Остапчук* проследила линии преемственности грамматического учения М.В. Ломоносова в «Грамматике российского языка в пользу польского юношества» М.П. Бутовского (1809 г.). Сопоставлению РГ и первой грамматики польского языка Онуфрия Копчинского (1819 г.) было посвящено выступление *Н.Е. Анянцевой*. Сквозь призму концепции М.В. Ломоносова *С. Менгель* проанализировала кодификаторские подходы в грамматиках русского языка, созданных иностранными учеными в XVII–XVIII вв. Сравнив воззрения М.В. Ломоносова и Мотоори Норинага, *В.М. Алпатов* установил значимые параллели между русской и японской лингвистическими традициями XVIII века.

В фокусе внимания участников конференции были лексико-грамматические особенности разножанровых текстов XVII–XVIII вв.

в проекции на предписания РГ и других грамматических руководств. *Т.В. Пентковская* рассмотрела формы местоимений в церковнославянских переводах второй половины XVII в. в соотношении с зафиксированными в РГ результатами перестройки местоименной системы в русском литературном языке нового типа. *Н.В. Патроева* сравнила формы связки «быть» в поэтических произведениях XVIII в. с их характеристиками в РГ. В докладе *Е.А. Смирновой* были выстроены глагольные парадигмы и выделены маркированные граммы «простомовных» памятников в сопоставлении с рекомендациями грамматик. На основе анализа именных и глагольных форм в печатных указах 1714–1730 гг. сквозь призму системы норм РГ *Д.В. Руднев* выявил изменения, произошедшие в морфологическом оформлении знаменательных частей речи в послепетровский период. *Е.И. Ким* продемонстрировала отражение теории о порядке речений М.В. Ломоносова в синтаксическом строе тюменских промеморий 1757 г. *В.Е. Степанено* осветила лексико-грамматические особенности языка деловой письменности на материале документов, описывающих резонансные события.

Конференция внесла весомый вклад в изучение «Российской грамматики» М.В. Ломоносова и наметила пути дальнейших исследований проблем национальной грамматической традиции.

Поступила в редакцию 20.12.2025

Принята к публикации 24.12.2025

Отредактирована 17.01.2026

Received 20.12.2025

Accepted 24.12.2025

Revised 17.01.2026

ОБ АВТОРАХ

Марина Леонтьевна Ремнёва — д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; m.l.remneva@mail.ru

Валерия Витальевна Каверина — д.ф.н., профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; kaverinal@yandex.ru

Елена Александровна Кузьминова — д.ф.н., профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; elenk2002@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Marina L. Remneva — Prof. Dr., Head of the Russian Department, President of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; m.l.remneva@mail.ru

Valeria V. Kaverina — Prof. Dr., Russian Department of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; kaverinal@yandex.ru

Elena A. Kuzminova — Prof. Dr., Department of Russian Language for Foreign Students of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; elenk2002@mail.ru

**VIII Международная научная конференция итальянистов
«АЛИСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
(ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА,
КУЛЬТУРА ИТАЛИИ)»
на филологическом факультете
МГУ имени М.В.Ломоносова 20 февраля 2025 г.**

А.М. Бибикова, О.Ю. Школьников

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; alexandra.m.b@mail.ru, chkolnikova@icloud.com*

Аннотация: В обзоре подводятся итоги конференции «Алисовские чтения», состоявшейся в феврале 2025 года на филологическом факультете МГУ. Научная конференция, посвященная памяти проф. Т.Б. Алисовой, проходит уже в восьмой раз и традиционно собирает ведущих отечественных итальянистов и их коллег из Италии, представителей вузов, научных институтов и учреждений культуры, многие из них — непосредственные ученики Татьяны Борисовны Алисовой и выпускники кафедры романского языкознания. Программа конференции, помимо лекции-презентации новой книги известного итальянского слависта и переводчицы художественной литературы профессора Генуэзского университета Лауры Сальмон, включала три секции. Тематика докладов представляла широкий спектр вопросов, включая историю, философию, искусство Италии, литературу и проблемы ее перевода, исследования современного итальянского языка, а также методики его преподавания.

Ключевые слова: итальянский язык; Т.Б. Алисова; литература и культура Италии; современная итальянистика

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-17

Для цитирования: Бибикова А.М., Школьников О.Ю. VIII международная научная конференция итальянистов «Алисовские чтения (язык, литература, культура Италии)» на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 20 февраля 2025 г. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 205–210.

**VIII International Conference of Italianists
'ALISOVA'S READINGS
(LANGUAGE, LITERATURE, CULTURE OF ITALY)'
at the Faculty of Philology
of Lomonosov Moscow State University 20 February 2025**

Alexandra M. Bibikova, Olga Yu. Shkolnikova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; alexandra.m.b@mail.ru,
chkolnikova@icloud.com*

Abstract: The review summarises the results of the conference 'Alisova's Readings' held in February 2025 at the Faculty of Philology of MSU. The conference dedicated to the memory of Prof. T.B. Alisova is held for the eighth time and traditionally gathers leading Russian Italianists and their colleagues from Italy, representatives of universities, scientific institutes and cultural institutions, many of them are direct students of Tatyana Alisova and graduates of the Department of Romance Linguistics. The conference programme, in addition to a lecture-presentation of a new book by the famous Italian Slavist and translator of fiction, Professor Laura Salmon of the University of Genoa, included three sections. The topics of the reports represented a wide range of issues, including history, philosophy, art of Italy, literature and problems of its translation, research of modern Italian language, as well as methods of its teaching.

Keywords: Italian language; T.B. Alisova; literature and culture of Italy; modern Italian studies

For citation: Bibikova A.M., Shkolnikova O.Yu. (2026) VIII International Conference of Italianists 'Alisova's Readings (Language, Literature, Culture of Italy)' at the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University 20 February 2025. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 205–210.

20 февраля 2025 года исполнился 101 год со дня рождения известного ученого, основателя московской школы итальянистики, профессора Татьяны Борисовны Алисовой. В этот день кафедра романского языкознания провела ставшую уже традиционной международную научную конференцию «Алисовские чтения». Состав участников объединил пять десятков ученых из разных университетов, научных институтов Российской Академии наук и учреждений культуры, были представлены разные факультеты МГУ, НИУ ВШЭ, РГГУ, МГИМО МИД РФ, МГЛУ, РУДН им. Патриса Лумумбы, ЛИ им. Горького, ВУ им. Александра Невского МО РФ, СПбГУ, РГПУ им. Герцена, СПГХПА им. А.Л. Штигица, РХГА им. Ф.М. Достоевского, ГИТИС, ИМЛИ РАН, ИЭА РАН, Международный исследовательский центр им. Павла Муратова, Государственный университет просвещения, Международная полицейская академия, Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна».

Конференция открылась лекцией-презентацией известного итальянского слависта и переводчика русской литературы, профессора университета Генуи *Л. Сальмон*, которая представляла свою недавно вышедшую в Италии книгу воспоминаний о Советском Союзе «*C'era una volta l'URSS. Storia di un amore*». Вместе со своей коллегой *Д. Фарафоновой*, которая участвовала в выступлении, Л. Сальмон предпринимает перевод книги на русский язык. Работе над переводом «в паре», трудностям лингвистического характера и способам их преодоления был посвящен увлекательный доклад гостей из Италии.

Доклады **секции «История, философия и искусство Италии»** были представлены в четырех подсекциях. Подсекция «Путешественники в Италии. Итальянцы в других странах. Иностранцы об Италии» включала четыре доклада. В докладе *Е.Н. Михайловой* (РГПУ им. А.И. Герцена) рассматривались особенности презентации сведений об Италии в первом французском энциклопедическом словаре «*Dictionarium historicum, geographicum, poeticum*» Ш. Этьенна (1553). *В.Ю. Лукасик* (МГУ имени М.В. Ломоносова) посвятила свой доклад итальяно-французским культурным связям XVI века и деятельности итальянского гуманиста и литератора Л. Аламанни. Доклад *Л.В. Разумова* (РГГУ) был посвящен инспектору системы образования Франции Ф. Пеко (1828-1898) и его работе «Двухмесячная командировка в Италию». *Т.Л. Мусатова* (МГУ имени М.В. Ломоносова) представила доклад о путешествии императора Николая I в Венецию в 1845 г. на основе новых архивных документов из хранилищ Москвы, Петербурга и Ватикана.

Доклады второй подсекции «Исторические и культурологические исследования» продолжили тему итальянской культуры и межкультурных связей. Доклад *Д.А. Шевляковой* (МГУ имени М.В. Ломоносова) был посвящен выявлению этноспецифических характеристик культурных ландшафтов Италии, а также рассмотрению их роли в формировании и трансляции национальной идентичности. *О.Ю. Школьникова* (МГУ имени М.В. Ломоносова) рассмотрела в своем выступлении отражение старопровансальского эмоционального культурного кода в лексике современного итальянского языка.

Третья подсекция «Философия и искусство Италии» включала доклады, посвященные синтезу искусств и философии творчества представителей итальянской интеллигенции. *Л. Джулиодори* (РУДН) выступил с сообщением об итальянском музыканте Ф. Баттиато, философии его творчества и сотрудничестве с Манлио Сгаламбро. *С.В. Балаева* (СПГХПА им. А.Л. Штиглица) проанализировала раз-

мышления Дж. Леопарди об истоках эпической поэзии в контексте нового взгляда теоретиков романтизма на эпические песни эпохи Возрождения. *В.Г. Мостовая* (НИУ ВШЭ, РГГУ) посвятила свой доклад Пифийской оде Пиндара, воспевшего победу тирана Сиракуз Гиерона на Пифийских играх. Тема синтеза искусства и литературы была продолжена в докладе *А.В. Аксеновой* (МГУ имени М.В. Ломоносова, ГИТИС) о средствах создания комического и трагического эффекта в операх Дж. Верди.

Четвертая подсекция объединила доклады, посвященные итальянским киноадаптациям и художественному языку итальянского кинематографа. *Е.Г. Грушевская* (МГУ имени М.В. Ломоносова, РАНХиГС) рассматривает творчество М. Фраммартини в контексте философских концепций и традиционных верований. *Т.Ф. Тенерик* (МГУ имени М.В. Ломоносова) обращается к трактовке образа Понтия Пилата в итальянских художественных кинофильмах. *Ю.С. Патронникова* (ИМЛИ РАН) сопоставляет киноадаптации романа Б. Фенольо «Личные обстоятельства» и размышляет над интерпретациями открытого финала романа. *М.Д. Громыко* (СПбГУ) представила анализ лингвистических, исторических и социокультурных аспектов нового фильма П. Соррентино «Партенопа» (2024).

Секция «Итальянская литература и проблемы ее перевода» включала три подсекции. В подсекции «Данте и его современники» прозвучали доклады *А.В. Топоровой* (ИМЛИ РАН) о сути, функции и эволюции понятий «зрения, взгляда» в итальянской средневековой поэзии», *А. Лорети* (РУДН им. Патриса Лумумбы) и *Е.В. Доброва* (редактора «Aesthetica Universalis») о методе сравнения «Il Fiore», приписываемого перу Данте, и «Романа о Розе», *М.А. Кедровой* (РХГА им. Ф.М. Достоевского, СПбГУ) о мотиве святости в поэзии Б. да ла Рива. В подсекции «Современная литература Италии» выступила *Л.Е. Сабурова* (Российско-итальянский центр РГГУ, ИМЛИ РАН) с докладом «“Бортовой журнал” Арденго Соффичи как образец “новой литературы”». *А.В. Ямпольская* (ЛИ им. А.М. Горького) осмыслила образ города в романе А. Палаццески «Рим», *Ю.И. Николаева* (РГГУ) — образы Сомали в афро-итальянской литературе XXI века. *У.И. Васюнина* (МГУ имени М.В. Ломоносова) раскрыла, как в романе П. Леви «Периодическая система» проявляется повествователь-химик. В подсекции «Проблемы перевода» представили свои исследования *М.Г. Талалай* (Международный исследовательский центр им. Павла Муратова) с докладом «Юрий Мальцев, итальянист и правозащитник», *Г.В. Овчинникова* (Государственный университет просвещения, Международная полицейская академия,

музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна») с докладом о семантической заряженности лексемы «cuore» в итальянском языке и *А.Е. Ал-Батта* (СПбГУ), изучающая особенности перевода итальянской лексики. Практикующие переводчики и редакторы поделились своим опытом: *Т.А. Быстрова* (РГГУ) рассказала о недавно законченном переводе романа С. Ло Якопо «Вирдимура», а *М.А. Козлова* (ЛИ им. А.М. Горького, РГГУ) о переводе цитат в итальянской литературе нон-фикшн.

Секция «Итальянский язык: его изучение и преподавание» началась выступлениями докладчиков подсекции «Актуальные вопросы изучения итальянского языка»: *Р.А. Говорухо* (РГГУ) «Последний — Ultimo: семантика и прагматика в русском и итальянском текстах», *Е.С. Борисовой* (МГЛУ) «Речевые глаголы, передающие мысли, и ментальные глаголы, передающие речь (на примере итальянских и русских параллельных художественных текстов)», *Ю.А. Филиппици* (РГПУ им. А.И. Герцена) «О механизмах субстантивации прилагательных в итальянском языке», *И.С. Хмелининой* (СПбГУ) «Выражение предельности в глагольно-именных конструкциях с десемантизированным опорным компонентом», *М.С. Соколовой* (МГУ имени М.В. Ломоносова) «Формирование значения интенсификатора у прилагательного bello». В подсекции «Современный итальянский дискурс» *Д.А. Кутеко* (МГУ имени М.В. Ломоносова) представила сообщение о гастрометафорах в современном итальянском политическом дискурсе, *З.С. Тюрина* (РГГУ, МГПУ) — о концептуальных метафорах итальянского современного политического дискурса, *А.М. Бибикова* (МГУ имени М.В. Ломоносова) — о лингвопрагматических аспектах социальной рекламы против курения в итальянском медиадискурсе, *О.Ю. Муштанова* (МГИМО МИД РФ) — о жанрово-стилистических особенностях итальянских научно-популярных подкастов, *Я.К. Нургалиева* (МГУ имени М.В. Ломоносова) — о перформативности «Солилоквиий блаженного Августина» и способах усиления экспрессивности в тосканской и неаполитанской версиях. Заключительная часть секции была посвящена преподаванию итальянского языка и смежных дисциплин в России и Италии. *О.Д. Фаус-Леутская* (ИЭА РАН) представила доклад «Преподавание сицилийского языка в школах Сицилии», *В.А. Кудинова* (МГУ имени М.В. Ломоносова) поделилась опытом организации языковой практики в современных условиях, а *Д.Ю. Гриерсон* и *М.Г. Яшина* (НИУ ВШЭ) рассказали о ролевых методиках как инструменте погружения в итальянскую культуру и историю студентов старших курсов.

Конференция «Алисовские чтения» в очередной раз стала площадкой для представления и продуктивного обсуждения самых актуальных исследований специалистов по языку, литературе и культуре Италии, а также дала импульс дальнейшему развитию различных направлений итальянистики.

Поступила в редакцию 15.04.2025

Принята к публикации 24.12.2025

Отредактирована 27.01.2026

Received 15.04.2025

Accepted 24.12.2025

Revised 27.01.2026

ОБ АВТОРАХ

Александра Михайловна Бибикина — к.ф.н., доцент кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; alexandra.m.b@mail.ru

Ольга Юрьевна Школьниковна — профессор, и.о. заведующей кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; chkolnikova@icloud.com

ABOUT THE AUTHORS

Alexandra M. Bibikova — PhD, Associate Professor, the Department of Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: alexandra.m.b@mail.ru)

Olga Yu. Shkolnikova — Doctor of Philology, Professor, Acting Head of Department of Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, chkolnikova@icloud.com

РЕЦЕНЗИИ

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Урманов А.В., Лю Ин.
«Ах, когда же Русь проснется?..»: Судьба и творчество
Федора Чудакова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2024. 480 с.**

М.А. Хлебус

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; mhlebus@mail.ru

Аннотация: Вышедшая в 2024 г. монография А.В. Урманова и Лю Ин впервые обращается к художественному наследию забытого благовещенского писателя Федора Ивановича Чудакова (1888–1918). В книге собран и систематизирован обширнейший материал, касающийся жизненного и творческого пути литератора, воссозданы и описаны факты и явления общественной и политической жизни Приамурья начала XX века. Авторы выстраивают широкий контекст, позволяющий получить представление о глубине и художественной силе сатирического, публицистического, лирического наследия Чудакова в его целостности и многомерности. Результативный биографический и герменевтический анализ произведений сатирика выявляют самобытную творческую индивидуальность Чудакова, раскрывают его взгляды на общественно-политическую ситуацию края, страны, на народ, революцию, историю.

Ключевые слова: Ф.И. Чудаков; публицист; сатирик; стихотворные сатирические фельетоны; путевые очерки; А.В. Урманов; Лю Ин

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-18

Для цитирования: Хлебус М.А. Рецензия на кн. Урманова А.В., Лю Ин. «Ах, когда же Русь проснется?..»: судьба и творчество Фёдора Чудакова: Монография / Под общей ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2024. 480 с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 211–217.

BOOK REVIEW: Urmanov A.V., Liu Ying. “Oh, When Will Rus Wake up?..”: The Fate and Work of Fedor Chudakov: Monograph / Edited by A.V. Urmanov. Blagoveshchensk: Publishing house of BSPU, 2024. 480 p.

Marina A. Khlebus

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mhlebus@mail.ru

Abstract: The monograph by A.V. Urmanov and Liu Ying, published in 2024, turns for the first time to the artistic legacy of the forgotten Blagoveshchensk writer Fyodor Ivanovich Chudakov (1888–1918). The book collects and systematizes ex-

tensive material concerning the life and creative path of the writer, recreates and describes the facts and phenomena of the social and political life of the Amur region at the beginning of the 20th century. The authors build a broad context allowing to get an idea of the extraordinary depth and artistic power of Chudakov's satirical, journalistic, lyrical legacy in its integrity and multidimensionality. A productive biographical and hermeneutic analysis of the satirist's works reveals Chudakov's original creative individuality, as well as his views on the socio-political situation of the region, the country, the people, the revolution, and history.

Keywords: F.I. Chudakov; publicist; satirist; satirical feuilletons in verse; travel essays; A.V. Urmanov; Liu Ying

For citation: Khlebus M.A. (2026) Review of the book by Urmanov A.V., Liu Ying. "Oh, When Will Rus' Wake up?..": The Fate and Work of Fyodor Chudakov. Blagoveshchensk: Publishing house of BSPU, 2024. 480 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 211–217.

В заглавии монографии обозначена центральная тема книги А.В. Урманова и Лю Ин — судьба писателя Федора Ивановича Чудакова (1888–1918), имя которого было полностью вытеснено из отечественного культурного пространства и предано забвению более чем на 80 лет.

В монографии детально восстанавливается биография Чудакова, проводится доскональный анализ творческого наследия писателя, выявляющий отличительные особенности его поэтики. Авторами воссоздается общественно-политический контекст бытования текстов Чудакова.

Книга состоит из 17 глав, 13 из которых написаны А.В. Урмановым, а завершающие четыре — Лю Ин. Под руководством профессора Урманова Лю Ин защитила диссертацию о стихотворной сатире Чудакова, эта работа и стала частью общего исследования.

В вводной статье к монографии Урманов рассказывает историю ее появления. Незаконченную рукопись статьи о Чудакове Урманов обнаружил в архиве своего учителя А.В. Лосева (1927–2002) — известного ученого-краеведа, специалиста по истории культурной жизни Сибири и Дальнего Востока, основателя литературного краеведения Приамурья. Урманов признается, что «это был самый трудный случай из всех, с которыми сталкивался при разборе архива» тем более, что «в последние семь десятилетий о самом талантливом амурском писателе никто не вспоминал» (28).

С момента обнаружения рукописи Урмановым была проделана колоссальная работа по возвращению читателям произведений Чудакова. Длительные и кропотливые поиски в библиотеках, музеях, архивах и частных коллекциях позволили обнаружить сотни текстов писателя разных жанров и стилей. Результатом стали два

объемных комментированных издания сочинений Чудакова. Вместе с тем шло осмысление и исследование поэтики многопланового творческого наследия Чудакова-художника, восстановление его биографии. В итоге этих изысканий появилась настоящая монография, работа над которой продолжалась около пятнадцати лет.

Первые две главы носят преимущественно биографический характер. Большое внимание Урманов уделяет трагическому решению, принятому Чудаковым и его семьей: в ночь с 28 февраля на 1 марта (ст. ст.) 1918 г., после жестокого подавления большевиками т. н. «Гамовского мятежа», «покончил самоубийством самый известный в городе журналист и поэт Федор Чудаков. Вместе с ним счеты с жизнью свела его жена Варвара» (11). С собой они забрали и шестилетнюю дочь Наташу, и собаку Максимку — персонажа многих произведений Чудакова. О причинах самоубийства писателя, о реакции на это событие современников подробно рассказывается в первой главе.

Реконструированию биографии Чудакова посвящена и вторая глава. Урманову удалось установить, что литератор родился 8 февраля 1888 года в Чембарах Пензенской губернии, где окончил церковно-приходскую школу и городское трехклассное училище. На Амуре Чудаков, эсер по политическим убеждениям, оказался в двадцать лет в результате побега из енисейской ссылки, куда, в свою очередь, попал за революционную деятельность. Последние десять лет своей жизни (1908–1918) Чудаков прожил в Благовещенске, под гласным надзором полиции, был сотрудником ряда ведущих газет и журналов Приамурья, где и раскрылся его художественный талант сатирика.

Как отмечает Урманов, Чудаков, обладающий помимо таланта невероятной трудоспособностью, сравнительно быстро стал известным литератором Приамурья. Сатирические заметки и фельетоны Чудакова пользовались популярностью у читателей, называвших его «амурским Сашей Черным» (21). Урманов подчеркивает, что Чудаков никогда не был рядовым работником изданий, «зачастую являясь секретарем редакции, он определял его редакционную политику» (117), а его произведения нередко составляли большую часть публикуемых материалов.

Кроме того, в журналистской практике сатирика были и самостоятельные успешные издания. Одним из таких удачных проектов Чудакова стал сатирический еженедельник «Дятел беспартийный» (январь 1918). Журнал почти полностью заполнялся собственными произведениями автора. Остроумно-язвительные фельетоны Чудакова на тему международной, общественной и местной жизни находили отклик у читателей Благовещенска. При жизни автора вышло

всего шесть номеров журнала, седьмой, посмертный, к печати подготовил брат сатирика Дмитрий.

Глава 3 посвящена сборнику Чудакова «Шпильки» (1909), повлекшему судебное преследование автора. «Шпильки» — первый творческий опыт двадцатидвухлетнего Чудакова-сатирика — содержит 17 произведений, написанных в излюбленном и «наиболее органичном» (101) для Чудакова жанре стихотворных фельетонов, большая часть из которых «была реакцией на события жизни страны и мира» (105). Указывая на такую отличительную черту стиля «Шпилек», как колкость и язвительность, Урманов обращает внимание на удачный выбор названия для книжки. Оппозиционные по своему характеру, с ясно выраженной авторской позицией по отношению к правительственной политике в целом и к провинциальной власти в частности, произведения сборника предопределили его судьбу: тираж был изъят из обращения и до недавнего времени считался утраченным. Лишь спустя ровно век в одной из частных коллекций исследователю удалось обнаружить экземпляр «Шпилек».

В главе 4 проводится подробный разбор одного из несатирических произведений Чудакова, сказки «Очарованный Леший» (1912). По мысли Урманова, главный персонаж сказки — Леший — не имеет ничего общего с фольклорным образом, а скорее «напоминает юного Федора Чудакова» (129), наделенного умением замечать и ценить красоту природы, отличающегося возвышенной натурой, при этом сильного и отважного, более всего ценящего волю.

В главе 5 речь идет о кропотливом историко-литературном изыскании, в ходе которого удалось установить прототипы некоторых персонажей Чудакова, а также тех, кому писатель посвящал свои произведения, «используя вместо фамилий инициалы или же известные в сравнительно узком кругу прозвища и псевдонимы» (138).

Глава 6 повествует о художественном своеобразии драмы «Изгнанники» (1918) — единственной многоактной пьесы Чудакова. По наблюдениям Урманова, драма имеет ярко выраженный автобиографический характер, в частности отражает факты сибирского этапа ссылки Чудакова. Анализируя произведение в контексте жизненного и творческого пути писателя, а также с точки зрения его общественно-социальных взглядов, Урманов делает несколько важных выводов: 1) в фокусе автора — «тяжелый социально-политический, мировоззренческий и, что особенно важно, ценностно-этический кризис, поразивший революционное движение еще в начале XX века» (169); 2) драматическое произведение отражает не только процессы, происходившие в среде социал-демократов в целом, но и «личную усталость, растерянность автора, его собственную душевную и мировоззренческую сумятицу, его разочарование» (172),

ставшие одним из мотивов последующего самоубийства; 3) «Изгнанники» — манифестация осознания писателем того, что «революционная борьба за свободу народа, даже кардинальное революционное переустройство страны, мира не в состоянии разрешить те проблемы, с которыми сталкивается каждый человек в своей повседневной жизни» (171).

В главе 7 речь идет о путевых очерках Чудакова, которые появились в результате попытки писателя в 1917 г. вернуться в родные Чембары. Путевые зарисовки не только запечатлели революционную Россию, представшую перед глазами человека, пересекающего ее по железной дороге от Дальнего Востока до центральной части, но и отразили перемену в его настроении: от «телячьего восторга» (176) по поводу революционных перемен до разочарования в них.

В 8 главе Чудаков раскрывается в амплуа фельетониста. Анализ Урмановым данного пласта показывает, что сатирик не оставался равнодушным к общественным и социальным проблемам города, посвятив этому немало произведений. Объектом авторской иронии становились не только органы общественного самоуправления Благовещенска, их решения, поступки и заявления, но и конкретные лица — оскандалившиеся депутаты, выставленные в текстах Чудакова в смешном виде. Урманов утверждает, что при этом сверхзадачей и целью сатирика являлось не обличение и высмеивание, а «оздоровление общества, “излечение” его от разного рода “недугов”». По этой причине главным приемом сатирической типизации в стихотворных фельетонах Федора Чудакова была ирония» (220).

В главах 9–12 рассматриваются произведения Чудакова, посвященные отдельным персонам, заседателям городского собрания Благовещенска, общественным и политическим деятелям Приамурья того времени. Кроме того, объектами разоблачения стали иеромонах Илиодор и Григорий Распутин.

Глава 13 посвящена еще одной актуальной для того времени теме, нашедшей свое отражение в публицистике Чудакова, — русско-китайскому вопросу, особенно остро стоявшему в Благовещенске, где проживало немало китайцев, а между представителями разных наций нередко возникали столкновения. Урманов подчеркивает, что в комических зарисовках и юмористических сценках Чудаков изображает простых китайцев с иронией, но без сатирического обличения, которое сатирик часто применял по отношению к «политическим и религиозным мракобесам и казенным патриотам, к разного рода держимордам, к вороватым чиновникам и купцам» (327). Попадавшие в фокус внимания Чудакова китайцы волновали его «прежде всего как жертвы произвола со стороны властей» (339). Есть и произведения, в которых через бытовые сцены сатирик та-

лантливо высвечивает свойства национального характера соседей, особенности их мышления и поведения.

В главе 14, написанной Лю Ин, анализируется творческая манера Чудакова, выявляется важная особенность жанрово-стилевой формы писателя: «сравнительно частое использование им специфической разновидности так называемого ремейка — а именно сатирического ремейка» (360). Исследовательница убедительно доказывает, что многие стихотворные фельетоны Чудакова созданы по принципу талантливой иронической «переработки» известных произведений классиков (М.В. Ломоносова, И.А. Крылова, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова): «воспроизводя знакомую читателям по исходному образцу сюжетно-композиционную канву, дублируя художественные формы, сохраняя многие речевые особенности, сатирик радикально “меняет” героев и социальный, политический, культурный контекст, в котором они обитают, и эти замены создают яркий комический, иронический, сатирический эффект, что позволяет автору заострить актуальные проблемы современной ему действительности» (360).

В главе 15 проанализированы фельетоны, в которых в качестве повествовательной доминанты актуализируется устная монологическая речь персонажей. С помощью разнообразных языковых средств, среди которых важную роль играет «языковая архаика — и лексическая, и фразеологическая, и синтаксическая» (433), герои разоблачают самих себя. Анализируя приемы изображения персонажей в стихотворных фельетонах писателя, Лю Ин проследила и творческую эволюцию Чудакова-сатирика, обнаружила, что литературные каноны автора заметно меняются: от прямолинейно-сатирических, обличительных способов описания, в которых образы предстают примитивными и односложными, Чудаков, начиная с 1912 года, переходит к использованию более тонкого художественного инструментария — иронии. В результате ирония становится самым органичным для Чудакова средством сатирической характеристики.

В главе 16 Лю Ин разбирает фельетоны и сатирические стихи Чудакова, посвященные весьма сложной в цензурном аспекте теме — Синьхайской революции. С точки зрения Лю Ин, любопытно не только то, что, обращаясь к этой теме, Чудаков подспудно проводил аналогии между китайской и российской действительностью, но и то, что многие из этих текстов написаны по «жанровым лекалам театрального искусства» (435), с использованием приемов, характерных для драматических произведений.

Глава 17 посвящена стихотворной сатире, в фокусе которой «сопоставление России с другими странами» (464), ее место в мире,

а также основные причины, препятствующие ее развитию. Подробно рассматривая проблематику и художественные приемы (монологический принцип) этих текстов, Лю Ин выявляет авторское отношение к высказываниям, точке зрения персонажей. Так, объектом авторской насмешки становятся не столько пороки самодержавного строя, сколько сознание обывателей, поддерживающих устоявшийся порядок вещей.

Фундаментальное исследование, впервые подробно и обстоятельно рассмотревшее различные аспекты жизни и творчества Федора Чудакова, заслуживает внимания по целому ряду причин. Осмысляя многогранность художественного наследия Чудакова, исследователи показали разносторонность проблематики его творчества, выявили особенности поэтики, раскрыли авторскую позицию, проследили мировоззренческую и эстетическую эволюцию сатирика. Скрупулезный анализ убедительно продемонстрировал полифонический потенциал художественного таланта Чудакова-сатирика, который мог бы раскрыться во всей полноте, сложись его судьба иначе.

К безусловным достоинствам книги следует отнести и то, что она представляет обширную панораму культурной, общественной и политической жизни начала XX века России в целом и Приамурья в частности, художественно отраженную «почти во всех ее ключевых событиях, фактах, именах, выразительных подробностях» (90) в сатирическом творчестве Чудакова. За всем этим стоит громадный труд исследователей, их высокое стремление спасти от забвения имя и наследие писателя, сделать его достоянием современной культуры.

Поступила в редакцию 10.12.2024

Принята к публикации 24.12.2025

Отредактирована 26.01.2026

Received 10.12.2024

Accepted 24.12.2025

Revised 26.01.2026

ОБ АВТОРЕ

Марина Александровна Хлебус — к.ф.н., преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; mhlebus@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Marina A. Khlebus — PhD, Teaching Fellow, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; mhlebus@mail.ru

ИОСИФ БРОДСКИЙ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ: СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ.

**Рецензия на книгу: МОРЕВ Г.А. ИОСИФ БРОДСКИЙ:
ГОДЫ В СССР. ЛИТЕРАТУРНАЯ БИОГРАФИЯ.**

**М.: Новое литературное обозрение, 2025. 416 с.
(Серия «Критика и эссеистика»)**

А.М. Ранчин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; aranchin@mail.ru*

Аннотация: Новая книга Г.А. Морева посвящена не столько литературной биографии в целом (в понимании Б.В. Томашевского), сколько стратегиям поведения Бродского, прежде всего во взаимоотношениях с советскими властями, и конструированию поэтом собственной литературной репутации. Автор убедительно показывает, что основой этой стратегии была установка на независимость, а образцом в отношениях с властью была Анна Ахматова. Стесняющие политические обстоятельства и гонения вслед за Ахматовой Бродский отказывался трактовать с позиции жертвы: для него это условия формирования собственной личности и духовного роста.

Доказывается, что другими поведенческими моделями для поэта были диалог с властью, который вели Державин и Пушкин. Своеобразным манифестом Бродского ученый считает стихотворение «Народ». Некоторые утверждения исследователя представляются спорными: отношения Бродского с властями едва ли можно назвать диалогом, мысль об отказе Бродского от романтической модели поэта-бунтаря не вполне подтверждается его поэтическими текстами советского времени. Тем не менее монография Г.А. Морева является ценнейшим исследованием, основанным на практически исчерпывающем привлечении источников, в том числе архивных, доступных в настоящее время. Установлен целый ряд фактов биографии Бродского, в том числе доказано, что его отъезд из СССР был не высылкой, а результатом продуманного добровольного решения. Рецензируемая книга — драгоценный подарок как для специалистов-бродсковедов, так и для ценителей творчества поэта.

Ключевые слова: Иосиф Бродский; литературная биография; литературная репутация; поэт и власть; стратегии поведения

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-19

Для цитирования: Ранчин А.М. Иосиф Бродский в Советском Союзе: стратегии поведения. Рецензия на кн.: Морев Г.А. Иосиф Бродский: годы

в СССР. Литературная биография. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 416 с. (серия «Критика и эссеистика») // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 218–226.

**JOSEPH BRODSKY IN THE SOVIET UNION:
BEHAVIORAL STRATEGIES. MOREV G.A.
JOSEPH BRODSKY: HIS YEARS IN THE USSR.
LITERARY BIOGRAPHY.**

Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2025. 416 p.

Andrey M. Ranchin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; aranchin@mail.ru

Abstract: G.A. Morev's new book is devoted not so much to a literary biography as a whole (as understood by B.V. Tomashevsky) as to Brodsky's strategies of behavior, particularly in his interactions with the Soviet authorities, and the poet's construction of his own literary reputation. The author convincingly demonstrates that the foundation of this strategy was a commitment to independence, and that Anna Akhmatova served as a model for his relations with the authorities. Brodsky refused to interpret the oppressive political circumstances and persecution that followed Akhmatova from the perspective of a victim: for him, these were the conditions for the formation of his own personality and spiritual growth. It is argued that other behavioral models for the poet included the dialogue with the authorities conducted by Derzhavin and Pushkin. The scholar considers the poem "The People" to be a kind of Brodsky manifesto. Some of the researcher's assertions appear questionable: Brodsky's relationship with the authorities can hardly be called a dialogue, and the idea that Brodsky rejected the romantic model of the rebellious poet is not fully supported by his Soviet-era poetry. Nevertheless, G.A. Morev's monograph is a valuable study, based on a virtually exhaustive collection of sources, including currently accessible archival ones. A number of facts about Brodsky's biography have been established, including proof that his departure from the USSR was not an expulsion, but the result of a deliberate, voluntary decision. The book under review is a treasure for both Brodsky scholars and admirers of the poet's work.

Keywords: Joseph Brodsky; literary biography; literary reputation; poet and power; behavioral strategies

For citation: Ranchin A.M. (2026) Joseph Brodsky in the Soviet Union: Behavioral Strategies. Morev G.A. Joseph Brodsky: His Years in the USSR. Literary Biography. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2025. 416 p. *Lomonosov Philology Journal*. Series 9. Philology, no. 1, pp. 218–226.

Новая монография Г.А. Морева, в которую (частично в переработанном виде) вошли прежде опубликованные статьи автора, посвящена проблематике, неизменно привлекавшей внимание исследователя, — отношениям писателей и власти и созданию ими своей литературной репутации. Эти же проблемы были центральными

в предыдущих книгах Г.А. Морева «Осип Мандельштам» (2022) и «Поэт и Царь» (2023). (Последняя глава второй из них вошла в рецензируемую книгу.)

Название новой монографии обманчиво неточно: это отнюдь не описание жизни поэта в Советском Союзе с точки зрения ее отражения в творчестве или их взаимосвязи. Автор замечает: «... полноценной научной биографии Бродского у нас нет» (7), критически отзываясь об известном жизнеописании, принадлежащем Л. Лосеву (биография «написана с изначальной установкой на “агиографичность”, что снижает ее научное значение» (7, примеч. 1)). Г.А. Мореву «агиографическая» установка, действительно, чужда, однако различие двух книг заключается прежде всего не в этом. Лосев последовательно описывает жизнь своего героя от рождения до кончины, Морев начинает рассказ с 1957–1961 гг., вскользь упоминая о принадлежности Бродского к «неформально[му] молодежно[му] круж[ку], группировавш[емуся] в Ленинграде вокруг Александра Уманского, игравшего роль своего рода “гуру” для его членов» (13). Этот факт важен для исследователя не сам по себе и не в связи с ранним творчеством героя книги: в кружок Уманского, относившегося резко отрицательно к советской власти, входил О. Шахматов, который вместе с Бродским на рубеже 1960–1961 гг. готовил побег за границу с захватом самолета. «Самолетная» история, а также попытка передачи на Запад рукописи Уманского («письма Кеннеди») явились первопричиной сформировавшегося у КГБ отношения к Бродскому, проявившегося, как показывает автор книги, позднее и в инициированном ленинградским управлением этого ведомства суде над поэтом, и в запрете на публикацию двух сборников, подготовленных в Советском Союзе, и в решении позволить ему покинуть страну. (Именно КГБ, а не партийные инстанции, ответственен в первую очередь, как показывает Морев, за преследования стихотворца.)

Последовательного жизнеописания «советского» периода в жизни Бродского в рецензируемой книге не будет и дальше: показательно, например, что о романе с М. Басмановой, являющемся отнюдь не только частным событием, но и «литературным фактом», поскольку он в мифологизированном виде преломился во множестве стихотворений, сказано мельком, в связи с предпринятыми Бродским попытками фиктивного брака с иностранками, который должен был обеспечить ему возможность выездов за границу. Свою задачу Морев определяет как «*[р]еконструкци[ю]*» принципов, в соответствии с которыми Бродский в разные периоды жизни строил свою *литературную* биографию», напоминая, что она «имеет самое прямое отношение к изучению и пониманию текстов поэта и не

имеет ничего общего с тем исследованием “физического существования моей личности”, которое вызывало у Бродского заведомое и законное неприятие» (7, курсив автора).

Изыян, способный дезориентировать доверчивого читателя, — отсутствие теоретического введения к книге. Понятие *литературная биография* ученый не определяет, но, очевидно, трактует, в соответствии с его осмыслением у Б.В. Томашевского, писавшего: «...будем учитывать лишь “литературные функции” биографии и рассматривать ее, как традиционную спутницу художественных произведений»; «...расчет на то <...> что жизнь будет постоянным экраном <...> произведений, заставлял <писателей. — А.Р.> <...> создавать себе искусственную биографию-легенду с намеренным подбором реальных и вымышленных событий»; «[п]оэты своею жизнью осуществляют литературное задание. И эта-то литературная биография и была нужна читателю» [Томашевский 1923: 6–7]. Морев дважды цитирует работу Томашевского лишь по поводу единичного случая — осмысления Бродским своей ссылки (128, 130). Но понимание литературной биографии автором книги не вполне совпадает с принадлежащим автору «Литературы и биографии»: как уже было сказано, отнюдь не все события жизни, мифологизированные поэтом, стали предметом внимания исследователя. Морев употребляет и восходящие к Бурдьё метафоры *общественно-культурное поле* и *символический капитал писателя*, впрочем не ссылаясь на первоисточник — эти понятия уже стали общим достоянием. Их использование — свидетельство преимущественного интереса именно к стратегиям создания социальной репутации поэта.

Ключевым событием, повлиявшим на формирование поведенческой стратегии Бродского, прежде всего в отношениях с властью, как убедительно показывает Морев, было знакомство с Ахматовой. Автор монографии исходит из слов поэта в разговоре 1986 г. с Н. Рубинштейн, посвященном Ахматовой, где Бродский вспоминает об озарении, вызванном внезапно всплывшей в сознании молодого стихотворца одной ахматовской строкой: «На уточняющий вопрос интервьюера, какая строчка имеется в виду, Бродский отвечает цитатой из “Пятой Северной элегии” Ахматовой: “Меня, как реку, / Суровая эпоха повернула”. <...> ...существенно, что “Пятая Северная элегия” (1945) — один из главных автометаописательных текстов Ахматовой, в центре которого стоит проблематика *поэтической биографии* в том специфическом ракурсе, какой придавали ей обстоятельства российской истории после 1917 года, где Поэт оказывался не только противопоставлен пореволюционной “суровой эпохе”, но и “объективно” становится ее жертвой (“мне подменили

жизнь”). При этом финальной (и главной) смысловой точкой стихотворения Ахматовой является ее кажущийся парадоксальным отказ от признания себя исключительно объектом государственного насилия и утверждение своей *победительной* субъектности и неповторимой *ценности* (в том числе творческой) сложившейся во враждебных обстоятельствах биографии, противопоставленной абстрактно-благополучной “несостоявшейся жизни” (“Но если бы откуда-то взглянула / Я на свою теперешнюю жизнь, / Узнала бы я зависть, наконец...”). Представляется, что именно понимание внешних обстоятельств как материала, в противоборстве с которым (во многом таинственно) строится неординарная биография Поэта, сохраняющего независимость — личностную и творческую — и вопреки всему утверждающего таким образом свое “величие”, привлекло молодого Бродского (после 1956 года сделавшего <...> выбор в пользу отказа от принятия советских “правил игры”) в этом тексте и — шире — в фигуре Ахматовой, — и именно об этом, как представляется, он говорил, вспоминая Ахматову...» (42).

Вывод Морева: «Именно влиянием поведенческого языка Ахматовой определяются, на наш взгляд, сложившиеся у Бродского как раз в годы общения с ней ключевые нравственно-эстетические принципы — отказ “чувствовать себя жертвой”, отказ от “драматизации” угнетающих внешних обстоятельств и признание “независимости” высшей ценностью» (42). Суждение подкрепляется серией высказываний Бродского. В контексте ахматовского воздействия интерпретируется стихотворение «Народ» (1964), воспринятое многими современниками как конъюнктурное, но оцененное Ахматовой как гениальное. В этом же семантическом поле прочитываются и написанные в ссылке стихотворения «Отрывок» («Назо к смерти не готов...») и «Ex Ponto (Последнее письмо Овидия в Рим)». Морев называет их «антиовидианскими» (см. их разбор на с. 128–130), указывая, что поэт ориентировался на Пушкина с его «К Овидию», воспрещающим жалобы на изгнанническую судьбу. Неприятие Бродским предисловия Г.П. Струве к сборнику 1965 г., изданному за границей без санкции автора (во вступительной статье делался акцент на гонениях, испытанных стихотворцем), и нежелание педалировать тему суда и ссылки вписываются, как справедливо отмечает Морев, в этот же контекст.

Замечу в этой связи: трактовка «Народа» в качестве своего рода социально-политического манифеста поэта не то чтобы вызывает сомнения, но требует определенных коррективов: показательно, что автор, включивший стихотворение в состав готовившего в СССР сборника «Зимняя почта», не внес этот текст в первую изданную за

пределами отечества при его участии книгу «Остановка в пустыне»¹. Возможно, есть резон говорить о разных стратегиях Бродского at home и abroad.

Пушкин для Бродского, по мнению Морева, тоже поведенческий образец в отношениях с властью: «В целом, начиная со стихотворения “Народ”, представление о “национальном поэте” как о персонафицирующем всю мощь родного языка (“великой реки”) служит определяющим для самоидентификации Бродского. В русской культурной традиции это представление задано знаменитой статьей Гоголя “Несколько слов о Пушкине” (1834) и органично вписывается в усвоенные Бродским со времени ссылки пушкинские автопроекции. Немаловажно при этом, что, будучи “наднациональной” (“универсалистской”), эта модель национального поэта противостоит “романтической концепции национального поэта как политической фигуры”², связанной с духом революционного и бунтарства» (185).

Еще одним образцом для Бродского в отношениях с властью, как полагает Морев, был Державин. Одним из аргументов для исследователя является неопубликованное эссе Бродского об авторе «Бога» и «Памятника» (см. с. 267–268). В одобренном автором предисловии А.Г. Наймана к первому составленному Бродским заграничному сборнику «Остановка в пустыне» (1970) поэт сопоставлялся с создателем «Фелицы»³. Исследователь предполагает: «Державин, увиденный Бродским в духе (безусловно ему известного) предисловия к “Стихотворениям” в Большой серии “Библиотеки поэта”, где особо отмечалось его умение “на равных правах сочетать в рамках одного произведения и утверждающее и критическое начала”⁴, выступает у Бродского наивысшим достижением эпохи классицизма и непосредственным предшественником служащей для Бродского образцом модели “национального поэта” в пушкинском “государственническом” понимании, противостоящем романтической оппозиционности» (268).

Значимость для Бродского пушкинской модели взаимодействия с властью несомненна, хотя считать ее (а тем более пример Державина) безусловным образцом невозможно: для обоих классиков власть была, несмотря ни на что, *своей*, для автора же «Конца пре-

¹ Показательно, что поэт вообще ни разу не опубликовал этот поэтический текст; см.: [Лосев 2011: 491–492].

² Евдокимова С.Б. Пушкин: национальный поэт? // Пушкин после 1831 года / Под ред. И. Немировского. СПб., 2025. С. 369. — *Примеч. Г.А. Морева.*

³ См. [Н.Н. <Найман> 1970: 13–14].

⁴ Благой Д.Д. Гаврила Романович Державин // Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 5. — *Примеч. Г.А. Морева.*

красной эпохи» и «Писем римскому другу» (как и для Ахматовой) она была безусловно *чужой*. Поэтому характеризовать отношения Бродского с советской властью как диалог едва ли правомерно без очень важных оговорок: и письмо Бродского в газету «Известия» (1964), вызванное готовившейся орфографической реформой, и его письмо Брежневу (1970) по поводу так называемого «самолетного дела» (плана захвата самолета группой «отказников», добивавшихся выезда из СССР), и предотъездное письмо генеральному секретарю (1972) имеют мало общего и с диалогом, который вел с императорской властью автор «Фелицы», и с пушкинской попыткой диалога с Николаем I. Характеристика политической позиции Бродского как «антиромантической» и чуждой тому «сарказму», о котором он упоминал в стихотворении «Одной поэтессе» (1965), по-моему, нуждается в оговорке: у Бродского есть и романтический бунт, правда тоже не прямо против власти («Разговор с небожителем», 1970), и сарказм («Письмо генералу Z» и многое другое), и вполне романтическая трактовка лирического я как жертвы: «Неповинной главе всех и дел-то, что ждать топора / да зелёного лавра» («Конец прекрасной эпохи», 1969 [Бродский, 2: 313]). Причем этот бунт приобретает характер не столько политический, сколько метафизический, экзистенциальный (тот же «Разговор с небожителем» и «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...», 1970 (?)). Его любовная лирика «доотъездного» периода также свидетельствует о значимости именно романтической модели⁵. Не случайно одно из стихотворений, адресованных М.Б., автор назвал «Новые стансы к Августе» (1964) в подражание Байрону, романтику *par excellence*. Возможно, имеет смысл говорить о конфликте или расхождении между «автомоделью» (если использовать термин Ю.М. Лотмана) и поэтической практикой.

Но все коррективы и сомнения рецензента не отменяют главного. Книга Морева — это замечательный труд, основанный на практически исчерпывающем учете источников, в том числе архивных, доступных в настоящее время. Ее автор, не отдавая предпочтения ни одному отдельно взятому свидетельству, подвергает их своеобразному «перекрестному допросу». (ПЕРЕФРАЗИРУЯ БРОДСКОГО, можно сказать: процедура довольно варварская, но верная.) Выясняется, что побег на рубеже 1960–1961 гг. не состоялся не из-за отказа поэта «нейтрализовать» пилота ударом кирпича, как Бродский заявил в интервью С.М. Волкову [Волков 2000: 67], а по причине неполной zapравки советских самолетов на среднеазиатских линиях. Что решающую роль в освобождении поэта из ссылки в 1965 г.

⁵ Подробнее о романтической модели в доэмигрантской лирике Бродского см.: [Ранчин 2023].

сыграли не подписанты петиций, отечественные и иностранные (Ж.-П. Сартр и пр.), а усилия абсолютно советской, но честной поэтессы Н.И. Грудиной и, главное, позиция партийного функционера Н.Р. Миронова, посчитавшего действия ленинградского КГБ самоуправством. Наконец, отъезд Бродского из СССР предстает не изгнанием, а результатом сознательного решения поэта. О том, что решение поэта покинуть «страну, что меня вскормила» было продуманным и добровольным, говорили и раньше⁶, но только Морев доказал это с непреложностью истины, сопоставив и разобрав свидетельства самого поэта (посещение ОВИРа Бродский описал еще в 1972 г., но потом, спустя десять лет, в интервью С.М. Волкову [Волков 2000: 125] переиначил факты).

В заключение стоит отметить, что Мореву удалось выдержать нейтральный тон в рассказе о Бродском: здесь напрочь нет ни апологетики, ни смакования слабостей и неприглядных черт поведения героя. Оценок нет вообще: оценивать — не дело ученого. Твердый в своей позиции, несмотря на частные компромиссы с властью (и в том и в другом отношении сравниваемый в книге с Солженицыным), фрустрирующий по поводу удачных альянсов Вознесенского и Евтушенко с режимом, допускающий ради создания персонального мифа откровенные фальсификации — таков герой книги Морева. Книги, которая является бесценным подарком для всех, ценящих поэзию Бродского. Для филологов же в особенности. За что автору монографии можно принести нелицемерную благодарность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <Бродский И.А.> Сочинения Иосифа Бродского: [в 7 т.] / Общ. ред. Я.А. Гордина; сост. Г.Ф. Комарова. СПб., 2001.
2. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским / Вступит. ст. Я. Гордина. М., 2000.
3. Лосев Л.В. Примечания // Бродский И. Стихотворения и поэмы / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Л.В. Лосева. СПб., 2011. Т. 2. С. 329–539.
4. Н. Н. [Найман А.Г.] Заметки для памяти // Бродский И. Остановка в пустыне: Стихотворения и поэмы. Нью-Йорк, 1970. С. 7–15.
5. Полухина В. Иосиф Бродский глазами современников. Книга вторая (1996–2005). СПб., 2006.
6. Ранчин А.М. Самопрезентация лирического “я” в поэзии Иосифа Бродского // И.А. Бродский: Pro et contra. Антология / Сост. О.В. Богданова, А.Г. Степанов. СПб., 2023. Т. 2. С. 73–85.
7. Томашевский Б. Литература и биография // Книга и революция. 1923. № 4 (28). С. 6–9.

---

⁶ Ср. реплику Д. Шраера-Петрова: «Кстати, я не согласен с тем бытующим сейчас представлением, что его выгнали». На вопрос интервьюера «У вас есть основания думать, что он хотел эмигрировать до того, как ему предложили?» он ответил: «Да, я знаю это от него, и он впоследствии был очень недоволен, что мне об этом сказал». — Д. Шраер-Петров, 28 сентября 2003 г., интервью В.П. Полухиной [Полухина 2006: 155].

REFERENCES

1. <Brodskii I.A.> *Sochineniya Iosifa Brodskogo* [Works], in 7 vols, eds Ya.A Gordin, G.F. Komarov. St. Petersburg, *Pushkinskii fond Publ.*, 2001. (In Russ.)
2. Volkov S. *Dialogi s Iosifom Brodskim* [Dialogues with Iosif Brodskii], with preface by Ya. Gordin. Moscow, *Nezavisimaya Gazeta Publ.*, 2000. 328 p. (In Russ.)
3. Losev L. *Primechaniya* [Commentary], in: Brodskii I. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems], ed. L.V. Losev. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ., Izdatel'stvo "Vita Nova" Publ, vol. 2, 2011, pp. 329–539. (In Russ.)
4. N. N. [Naiman A.G.] *Zametki dlya pamyati* [Notes for Memory], in: Brodskii I. *Ostanovka v pustyne: Stikhotvoreniya i poehmy* [Stop in the Desert. Poems]. N. Y., *Izdatel'stvo imeni Chekhova Publ.*, 1970, pp. 7–15. (In Russ.)
5. Polukhina V. *Iosif Brodskii glazami sovremennikov. Kniga vtoraya (1996–2005)* [Joseph Brodsky Through the Eyes of His Contemporaries. Book Two (1996–2005)]. St. Petersburg, *Zhurnal "Zvezda" Publ.*, 2006. 544 p. (In Russ.)
6. Ranchin A.M. *Samoprezentatsiya liricheskogo "ya" v poezii Iosifa Brodskogo* [Self-presentation of the Lyrical "I" in the Poetry of Joseph Brodsky], in: *I.A. Brodskii: Pro et contra. Antologiya [I.A. Brodsky: pro et contra. Anthology]*, eds O.V. Bogdanova, A.G. Stepanov. St. Petersburg, *RKhGA Publ.*, 2022, pp. 100–108. (In Russ.)
7. Tomashevskii B. *Literatura i biografiya* [Literature and Biography]. In: *Kniga i revolyutsiya*. 1923, № 4 (28), pp. 6–9. (In Russ.)

Поступила в редакцию 23.11.2025

Принята к публикации 24.12.2025

Отредактирована 23.01.2026

Received 23.11.2025

Accepted 24.12.2025

Revised 23.01.2026

ОБ АВТОРЕ

Андрей Михайлович Ранчин — д.ф.н., профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; aranchin@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey M. Ranchin — Dr. Sci, Professor, Department of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; aranchin@mail.ru

ЮБИЛЕИ

ЮБИЛЕЙ МАРИИ ВИКТОРОВНЫ МИХАЙЛОВОЙ

И.В. Монисова, А.В. Назарова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; monisova2008@yandex.ru, raznastas@gmail.com

Аннотация: В заметке, посвященной Марии Викторовне Михайловой, говорится о чертах юбиляра как педагога, исследователя и вдумчивого театрального зрителя.

Ключевые слова: Мария Викторовна Михайлова

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-20

Для цитирования: Монисова И.В., Назарова А.В. Юбилей Марии Викторовны Михайловой // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2026. № 1. С. 227–230.

ANNIVERSARY OF MARIA VIKTOROVNA MIKHAILOVA

Irina V. Monisova, Anastasia V. Nazarova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; monisova2008@yandex.ru, raznastas@gmail.com

Abstract: The article dedicated to Maria Viktorovna Mikhailova tells about her traits as a teacher, researcher and thoughtful theatre spectator.

Keywords: Maria V. Mikhailova

For citation: Monisova I.V., Nazarova A.V. (2026) Anniversary of Maria Viktorovna Mikhailova. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 227–230.

Мария Викторовна Михайлова относится к людям, говоря о которых трудно не впасть в патетический тон, пусть даже ты очень этого не любишь. Потому что каждая встреча, даже пересечение на бегу, просто пребывание в одном пространстве с ней — удача. Как ученый и коллега она подает пример вдохновенного служения своему делу, верности филологической науке, невероятного трудолюбия, завидной эрудиции и всегда не только хочет дойти «до основанья, до корней, до сердцевины», но и действительно доходит, несмотря

на любые препоны и рогатки. Как учитель и наставник она властно и требовательно погружает в предмет и мудро ведет по этому пути, поддерживая, опекая, вдохновляя и обогащая, но и легко устроит взбучку, если ученик не вовремя расслабился. Как человек она одновременно принципиальна и гибка, строга и игрива, раскованна и дисциплинированна, обладает сильнейшей волей и утонченной женственностью, может быть ядовито ироничной и непритворно доброжелательной, равно владеет покровительственной, капризной и восторженной интонацией — и как совмещаются все эти грани, знает, наверное, только театральный человек, в ней живущий. Как женщина она неизменно прекрасна, вне возраста и статуса, и ее магию чувствуют все, кто рядом. И уж, конечно, любая совместная работа с ней расширяет твои горизонты и дарит новые идеи, а каждый момент неформального общения — всегда приключение, которое заряжает, откладывается в памяти и даже иной раз просится на бумагу. Она водит своих студентов в театр, устраивает им встречи с писателями и драматургами, непременно обсуждает потом увиденное и услышанное.

Приведу только два примера собственных взаимодействий с Марией Викторовной: профессионального и неформального. Помню, как решила сделать курс для магистров о театральнo-драматургических концепциях Серебряного века, которые, собственно, и определили пути развития русского, а в какой-то мере и мирового театра XX столетия. Казалось, что магистранты просто обязаны знать об этих причудливых полетах театральной мысли, но были сомнения, не окажется ли курс суховатым, умозрительным. В ответ на просьбу присоединиться Мария Викторовна тут же откорректировала название: «...концепции и художественная практика Серебряного века» — и сразу все встало на свои места и наполнилось живой кровью, Галатее ожила, и программа курса вылетела из-под нашего пера стремительно и вдохновенно. Читаем его до сих пор. Этот сплав аналитического и креативного мышления позволяет ей мгновенно почувствовать дисбаланс и либо структурировать хаотичный материал, либо вдохнуть жизнь в схему.

А вот и одно из недавних приключений с участием Марии Викторовны, когда небольшой компанией по приглашению драматурга Елены Исаевой мы отправились в театр. Событие отнюдь не проходное: театр — Малый, оплот классических традиций, зато пьеса современная, острая и провокативная, в жанре фарсовой трагикомедии (вольное переложение повести Славы Сэ «Маленькая опера»). За гротескно-фарсовый язык, отсылающий к Брехту, сатирикам 1920-х годов, европейской интеллектуальной драме, решительно взялись представители реалистической школы Малого театра. Ма-

рия Викторовна всегда чувствует интригу — и вот что вышло из этого сценического эксперимента, мы заинтересованно обсуждали на встрече с творческой группой и друг с другом. Не самый сильный, не самый модный спектакль, но никто из нас не забудет полученных коллективных впечатлений, закрепленных живой дискуссией в замечательной компании.

* * *

Если спросить учеников и учениц Марии Викторовны, число которых на сегодняшний день уже перевалило за сто пятьдесят человек, почему они выбрали научным руководителем именно ее, ответы будут разными. Однако, несомненно, будет и то, что объединит их все, — это абсолютное восхищение незаурядной личностью Марии Викторовны. И речь идет не только о ее качествах как преподавателя, умеющего виртуозно раскрыть перед студентами все сложности эстетических исканий литераторов Серебряного века и философско-религиозных дискуссий между ними, обнажить хитросплетения частных и творческих взаимоотношений между представителями различных писательских групп и продемонстрировать филигранный анализ художественного текста. И не только об исследовательском азарте Марии Викторовны, буквально заражающей своих студентов страстью к историко-архивным и библиографическим изысканиям. Не только об ее активной публикаторской деятельности, к которой она неизменно привлекает участников семинарских занятий, позволяя молодым филологам уже с первых шагов на научном поприще ощутить собственный вклад в процесс возвращения в историю отечественной литературы забытых писательских имен. И не только о необычайной душевной щедрости Марии Викторовны, ее глубочайшей, поистине трепетной, но всегда тактичной заботе о каждом ученике, постоянной поддержке и участии в его судьбе и после защиты дипломной работы или диссертации, переезда в другой город или даже на другой континент.

Все эти качества — естественное и закономерное следствие ее главного душевного богатства — огромной и неиссякаемой любви: к людям, науке, литературе, природе, стране и жизни в целом. Именно в этом чувстве кроется та невероятная сила и обаяние личности профессора Михайловой, которые буквально притягивают к себе многие поколения учащихся на филологическом факультете. Именно его еще неосознанно ощущает каждый студент, едва переступивший порог аудитории, где проходит лекция или семинар Марии Викторовны. И именно оно задает ту высочайшую планку личного и профессионального поведения, к которой Мария Викторовна неустанно, порой даже через их сопротивление, подталкивает своих

учеников, а главное, от которой сама никогда не отступает ни на шаг. Вот почему ее фигура без преувеличения служит для нас самым верным и надежным компасом в бурном житейском море. Мы постоянно задумываемся: а что сказала бы Мария Викторовна, как поступила бы она в той или иной ситуации? И ответ, как и благодарность нашему дорогому учителю, не заставляет себя долго ждать.

Хотелось бы пожелать юбиляру сил и вдохновения.

Поступила в редакцию 05.12.2025

Принята к публикации 24.12.2025

Отредактирована 22.01.2026

Received 05.12.2025

Accepted 24.12.2025

Revised 22.01.2026

ОБ АВТОРАХ

Ирина Викторовна Монисова — к.ф.н., доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; monisova2008@yandex.ru.

Анастасия Викторовна Назарова — к.ф.н., старший преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; raznastas@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Monisova — PhD, Docent, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; monisova2008@yandex.ru

Anastasia V. Nazarova — PhD, Senior Teaching Fellow, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; raznastas@gmail.com

ПАМЯТИ...

ПАМЯТИ Р.С. КИМЯГАРОВОЙ (21.10.1937–26.12.2025)

Л.А. Илюшина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; milamsu@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена памяти Р.С. Кимягаровой. (21.10.1937–26.12.2025), филолога, классика, энциклопедиста.

Ключевые слова: Р.С. Кимягарова

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-21

Для цитирования: Илюшина Л.А. Памяти Р.С. Кимягаровой (21.10.1937–26.12.2025) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 231–232.

IN MEMORY OF ROSA KIMYAGAROVA (21.10.1937–26.12.2025)

Lyudmila A. Ilyushina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; milamsu@mail.ru

Abstract: The article is dedicated to the memory of Rosa S. Kimyagarova (21.10.1937–26.12.2025), a philologist, a classical scholar, and a person with deep knowledge in many fields.

Keywords: Rosa S. Kimyagarova

For citation: Ilyushina L.A. (2026) In Memory of Rosa S. Kimyagarova (21.10.1937–26.12.2025). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 231–232.

26 декабря скончалась Роза Санжовна Кимягарова. Вся ее жизнь была связана с филологическим факультетом начиная с 1955 года, когда она стала студенткой университета.

В студенческие годы она заинтересовалась диалектологией, ездила в диалектологические экспедиции в Архангельскую область, буквально влюбилась в Русский Север, его людей, в их обычаи, язык. Впоследствии принимала участие в создании «Архангельского областного словаря»: в первых выпусках ряд словарных статей написан ею.

Сразу же после окончания университета она начала работать в Лаборатории этимологических исследований в коллективе авторов-составителей Этимологического словаря русского языка: опубликовано 12 выпусков (1962–2021), защитила кандидатскую диссертацию по театральной терминологии.

Розу Санжовну интересовали разные аспекты изучения русского языка: вопросы диалектологии, лексикологии, исторической лексикологии, исторического словообразования, языка художественной литературы. Можно сказать, что она была специалистом широкого профиля, но основным в ее научной деятельности была лексикография. Как член авторского коллектива она активно участвовала в работе над словарями разного типа. При составлении Этимологического словаря она выступала как специалист по этимологии, «Архангельского областного словаря» — как специалист по диалектологии, Словаря иностранных слов — как специалист по лексикологии, словарей языка одного произведения: комедии «Горе от ума», комедии «Ревизор», комедии «Недоросль» — как специалист по языку художественной литературы. Особое место в научном наследии Розы Санжовны занимает Словарь языка басен Крылова (2006), созданный ею без соавторов. Впоследствии свои тонкие наблюдения над языком басен Крылова она изложила в книгах «Мой Крылов» (2017) и «Мудрец игривый и глубокий» (2020).

За многолетний труд она получила почетное звание «Заслуженный научный сотрудник Московского университета».

Роза Санжовна имела свой взгляд на многие явления в области русского языка, отстаивала свое мнение, редко шла на компромиссы. Этим она привлекала товарищей по факультету, которые с большим уважением всегда относились к ней.

Такой — принципиальной, независимой, преданной своему делу — останется Роза Санжовна в памяти тех, кто знал ее и работал с ней. Светлая память!

Поступила в редакцию 11.01.2026

Принята к публикации 15.01.2026

Отредактирована 17.01.2026

Received 11.01.2026

Accepted 15.01.2026

Revised 17.01.2026

ОБ АВТОРЕ

Людмила Алексеевна Илюшина — к.ф.н.; milamsu@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila A. Ilyushina — PhD; milamsu@mail.ru

ISSN 0130-0075

ISSN для электронной версии 2949-2688 от 02.05.2023

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2026. № 1. 1–232.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.